This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Geinitse, N. E.
"UNIO"
S.A.R.L.
LIBRAIRIE - PAPETERIE
BIBLIOTHÈQUE
62, Rue de France - NICE
R.C. Nice 37.083
2 ДЕК 1900
4/5

Н. Э. ГЕЙНЦЕ.

ПЕРВЫЙ

РУССКІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій. 136.
1897.

ОТЪ АВТОРА.

„Считаю своимъ долгомъ заявить, что при составленіи настоящаго труда моего я въ значительной степени пользовался сочиненіемъ Сергѣя .....каго — „Паденіе Великаго Новгорода“, историческій романъ XV вѣка, изданнымъ въ Москвѣ въ 1833 году и составляющимъ теперь библіографическую рѣдкость. Романъ этотъ написанный тяжелымъ вычурнымъ языкомъ того времени, представляетъ изъ себя богатый бытовой и историческій матеріалъ, почерпнутый почтеннымъ авторомъ изъ московскихъ и новгородскихъ архивовъ. Кромѣ того пособіями мнѣ служили историческій романъ Нестора Кукольника „Іоаннъ III, собиратель

земли русской“ и VI т. Исторія государства россійскаго Н. М. Карамзина“.

Такимъ примѣчаніемъ сопровождался предлагаемый нынѣ благосклонному вниманію читателей романъ при появленіи его еще въ 1892 году въ фельетонахъ газеты „Свѣтъ“.

Не смотря на это, извѣстная часть критики прямо обвинила меня въ безцеремонномъ присвоеніи чужого произведенія, подъ которымъ яко бы я подписалъ только свое имя.

Это тогда же побудило меня напечатать въ газетѣ, гдѣ впервые появилось такое тяжелое для всякаго писателя обвиненіе, письмо, въ которомъ я указалъ на вышепомѣщенное примѣчаніе, доказывающее, что я, какъ всегда во всѣхъ моихъ трудахъ въ области историческаго романа, далекъ былъ отъ мысли скрывать источники которыми пользуюсь.

Тѣмъ дѣло о пресловутомъ присвоеніи и окончилось.

На меня, однако, оно произвело такое сильное впечатлѣніе, что не смотря на то, что всѣ мои романы и повѣсти, по напечатаніи въ періодическихъ изданіяхъ, тотчасъ появлялись и появляются отдѣльными изданіями и пользуются благосклоннымъ вниманіемъ публики, что доказывается тѣмъ что многіе изъ нихъ выдержали уже нѣсколько изданій, я не выпустилъ романа „Первый русскій самодержецъ“ отдѣльно.

Прошли года, горечь несправедливой обиды потеряла свою жгучесть, а нѣсколько друзей, которымъ я передалъ для прочтенія романъ „Сергѣя ...,.каго“ „Паденіе Великаго Новгорода“ убѣдили меня, что вложенный въ обработку этого почти сыраго матеріала трудъ мой, сопровождаемый добросовѣстнымъ указаніемъ на источникъ, даетъ мнѣ полное право и на дальнѣйшее имъ пользованіе, тѣмъ болѣе, что можно съ увѣренностью сказать, что этотъ романъ изъ мало разработанной эпохи

I.

Въ Новгородѣ.

На дворѣ стоялъ сентябрь 1477 года.

Блѣдныя осеннія тучи бѣжали по небосклону. Изъ нихъ сыпался мелкій частый дождь; отдаленныя горы и вершины были покрыты какъ-бы серебряною дымкою; вѣтеръ то бурливо завывалъ по ущельямъ, раскачивая макушки огромныхъ дубовъ и шумя послѣдними желто-красными листами молодого осинника, то взрывалъ гладкую поверхность рѣки Волхова, и тогда, пробужденная отъ своего величественнаго покоя, разгнѣванная стихія бурлила и клокотала, какъ кипятокъ.

Вдругъ среди этихъ чудныхъ по своему разнообразію звуковъ природы раздался звонъ вѣчевого колокола въ Новгородѣ: разъ, два... и залился. Вся окрестность, содрогнувшись. заныла отъ этого звука.

Народъ, заслыша его, повалилъ буйными и нестройными толпами на Ярославово дворище, окружавшее вѣче, и буквально затопилъ его. Рогатки, заграждавшія улицы, раскидывались и трещали отъ напоры толпы.

Призывъ на вѣче раздался рано утромъ, и рогатки еще не были раздвинуты ярыжками*).

— Что за невзгода снова грозится на насъ, бѣдныхъ!— восклицали иные бѣгущіе вслухъ, а другіе только думали то-же самое про себя, спѣша достигнуть двора Ярославлева, съ котораго несся вѣщій и пронзительный звукъ вѣчевого колокола.

Безъ всякаго порядка, безъ малѣйшаго уваженія къ этому священному мѣсту, бросился народъ къ воротамъ и стучалъ въ нихъ чѣмъ попало, угрожая выломать ихъ, или-же сшибить каменьями звонаря, если его тотчасъ не впустятъ въ общее собраніе.

Нѣсколько караульныхъ,—иные съ бердышами, иные съ пищалями, чинно разъѣзжавшихъ вокругъ двора,—были смяты, а полусонные ярыжки, шатавшіеся въ изумленіи и хлопотахъ во всѣ стороны съ поднятыми, присвоенными ихъ должности палками, были биты ими-же.

Наконецъ, ворота подались, скрипнули, народъ еще тѣснѣе прижался къ нимъ, и они начали медленно растворяться.

Толпа съ шумомъ, подобно бурному потоку, бросилась въ нихъ, но вдругъ отступила, какъ-бы пораженная внезапнымъ видѣніемъ, окаменѣла и мгновенно оказалась съ обнаженными головами.

Архіепископъ Ѳеофилъ, во всемъ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ въ рукахъ,

---

*) Полицейскіе того времени

сопровождаемый знатнѣйшими сановниками, посадниками города и клиромъ, появился передъ народомъ.

— Люди дерзновенные!—раздался среди наступившей могильной тишины его грозный голосъ, образумьтесь! На что покушаетесь вы и передъ кѣмъ? Развѣ забыли вы ослушники богопротивные, предъ чьимъ лицемъ предстоите? Смиритесь и приложите вниманіе къ грамотѣ, которую прочтутъ вамъ. Но предваряю васъ: размыслить хорошенько о чемъ пишетъ къ вамъ законный вашъ князь. Вотъ намѣстникъ его, прибывшій къ намъ вчера о вечерьѣ.

Архіепископъ указалъ рукою на бывшаго тутъ-же боярина Ѳедора Давыдовича и продолжалъ:

— Не посрамите себя передъ нимъ, дайте въ душѣ вашей мѣсто голосу совѣсти и отвѣчайте ему кротко, что внушитъ вамъ разсудокъ. Настало время рѣшительное. Отечество наше зыблется. Вы сыны его; я пастырь вашъ; мы должны поддержать, изцѣлить язвы, которыя и прежде нѣдрились въ самомъ сердцѣ его! Обдумайте, рѣшитесь и преклоните колѣна передъ милосердной заступницей нашей, св. Софіею.

Ѳеофилъ кончилъ и подалъ знакъ рукою. Посадникъ Яковъ Коробъ началъ читать запросную грамоту великаго князя:

— «Осподарь всея земли русскія и великій князь московскій, владимірскій, псковскій, болгарскій, рязанскій, воложскій, ржевскій, бѣльскій, ростовскій, ярославскій, бѣлозер-

скій, удорскій, обдорскій, кондійскій и иныхъ земель отчинъ, и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и обладатель, Іоаннъ Васильевичъ, посылаетъ отчинѣ своей Великому Новгороду запросъ съ ближнимъ бояриномъ своимъ и великимъ воеводою, Ѳедоромъ Давыдычемъ: что разумѣваетъ народъ его отчины подъ именемъ государя вмѣсто господина, коимъ назвали его прибывшіе отъ нихъ послы архіепископскіе: сановникъ Назарій и дьякъ вѣча Захарій? Имутъ-ли они желаніе видѣть власть судную въ однихъ его рукахъ и хотятъ-ли присягнуть ему какъ полному властителю, единственному законодателю и судіи не причастному, не имѣть у себя тіуновъ, кромѣ княжескихъ, и отдать ему дворъ Ярославлевъ, древнее мѣсто вѣча? Если такъ, то онъ посылаетъ имъ милость свою и скоро имѣетъ вступить во владѣніе своихъ праотцевъ. Сію запись скрѣпилъ печатникъ печатью великокняжескою, князь Юрій Патрикѣевъ. Писалъ ее дьякъ Анциферовъ, по рѣклу*) Шершавый».

Далѣе были прочтены скрѣпы сановника Назарія и дьяка Захарія.

Когда посадникъ окончилъ чтеніе этой грамоты, нѣсколько минутъ народъ хранилъ молчаніе ужаса, затѣмъ уже послышался глухой ропотъ:

— Это все бояре да посадники мудрятъ; яшкаются съ москвитянами, одаряются имп

---

*) По прозванію.

и тайкомъ отъ насъ обсылаются вѣстями да записями!

— Зачѣмъ-же вѣче-то установлено, какъ не про всѣхъ? Что мы черныхъ сотенъ слободъ людишки, такъ намъ и не повѣряютъ умыслы свои! Вотъ отъ бѣлыхъ-та и замарались! Дѣло вышло на разладъ, такъ наши-же руки и тянутъ жаръ загребать!—слышались тамъ и тутъ возгласы.

— Какъ-бы не такъ! Что сами заварили, пусть сами и расхлебываютъ!—крикнулъ чей-то голосъ.

— Кто отвращаетъ лице свое отъ блеска меча вражескаго, тотъ надостоинъ называться гражданиномъ Новгорода Великаго!—возвысилъ голосъ архіепископъ:— Но дѣло въ томъ. Преніе наше должно совершиться въ льготу отчизнѣ, иначе месть Божія надъ нами!

— Владыко святый!—началъ тысяцкій Есиповъ:—Ты самъ видишь, что всю судную власть забираетъ себѣ намѣстникъ великокняжескій. Когда это бывало? Когда новгородцы такъ низко клонили свои шеи, какъ теперь передъ правителемъ московскимъ? Когда языкъ нашъ осквернялся доносами ложными, кто изъ насъ былъ продавцемъ своего отечества? Упадышъ? Казнь Божія совершилась надъ нимъ! Такъ да погибнутъ новые предатели—Назарій и Захарій. Мы выставляли князю московскому его оскорбителей, выставь и онъ намъ нашихъ!

— Вѣстимо такъ, требуемъ этого по договорнымъ грамотамъ!—раздались народные крики.

— Постойте, выслушайте меня, или-же слагаю теперь-же санъ свой съ себя!—заговорилъ Ѳеофилъ, возвышая голосъ, заглушаемый народомъ.

Изъ уваженія къ пастырю душъ воцарилось молчаніе.

Архіепископъ заговорилъ:

— Чьи очи изъ васъ не зрѣли бѣдствія уничтоженія и срама отечества въ недавнемъ времени? Чей слухъ не былъ раздираемъ воплями соотечественниковъ—братій вашихъ? Чье сердце, содрагаясь, не соболѣзновало въ тѣ тяжкія времена? Ваша кровь не совсѣмъ еще высохла на стѣнахъ крѣпостныхъ и вы, кичливые, опять становитесь доступны гордости, самонадѣянности и непослушанію; опять даете пищу мечу вражескому, опять хотите утолить жажду его собственною кровію! Проклятъ тотъ, кто неправедную силу не отражаетъ силою, но вдвое тотъ—кто противится правотѣ

— Владыко святый, да видитъ Богъ, мы неповинны. Ты самъ видишь, на насъ налгали. Между нами предатели, Іуды! Такъ-бы и Литва не поступила!—снова закричалъ народъ.

— Дѣти мои,—кротко и величественно отвѣчалъ Ѳеофилъ,—сознавайтесь, чашу горшую должны допить вы за прошедшую вину свою ничѣмъ неискупимую. Не ропщите-же но допивайте ее. Презрѣнные наушники зло хитрятъ надъ вами: отклоните отъ ихъ навѣтовъ слухъ свой, будьте терпѣливы и предайтесь на волю Провидѣнія. Мы обошлемся.

сперва съ княземъ, обвинимъ предателей и поклонимся ему; предатели-же будутъ наказаны собственнымъ и грознымъ судомъ своей совѣсти, а отъ насъ да будутъ они преданы анаѳемѣ! Пойдемте-же, преклоните колѣна передъ престоломъ Всевышняго: это будетъ священнымъ началомъ нашего дѣла!

Онъ снялъ клобукъ, благоговѣйно перекрестился и пошелъ.

— Анаѳема! измѣнникамъ!—торжественно воскликнулъ клиръ.

— Анаѳема! да будутъ преданы анаѳемѣ измѣнники—предатели отечества!—подхватилъ народъ и въ стройномъ порядкѣ отправился за своимъ духовнымъ владыкою.

Величественную и стройную картину представилъ изъ себя храмъ св. Софіи, основанный княземъ Владиміромъ, сыномъ Ярослава Великаго, оставшійся до нынѣ единственнымъ памятникомъ древняго Новгорода, когда благочестивый архіепископъ, облаченный въ крещатую ризу, съ паствой своей преклонилъ колѣно передъ алтаремъ и клиръ умилительно запѣлъ молитву: «Царю небесный».

По окончаніи ея Ѳеофилъ вдохновенно произнесъ:

— Царь небесный услышитъ насъ, когда мы докончимъ благословенное начало, но громъ Его не замедлитъ разразиться въ противныхъ поступкахъ. Опять повторяю вамъ: будьте кротки и терпѣливы. Видите-ли вы въ куполѣ образъ Спасителя со сжатою десницею вмѣсто благословляющей? «Азъ-бо—вѣщалъ гласъ писавшему сію икону,—

въ сей руцѣ Моей держу Великій Новгородъ; когда-же сія рука Моя распространится, тогда будетъ и граду сему окончаніе».

Растроганный народъ началъ молиться почивающимъ во храмѣ мощамъ: святителя Никиты, печерскаго затворника, благовѣрной княгини Анны, матери его; приложился къ Евангелію, писанному св. Пименомъ, и и иконамъ Всемилостиваго Спаса и премудрости Божіей—Петра и Павла, затѣмъ вышелъ на паперть, поклонился праху архіерея Іоакима и, освѣженный и успокоенный пастырскимъ словомъ, мирно разошелся по домамъ.

II.

Въ теремѣ Мареы.

Темная ночь давно уже повисла надъ землею... Луна была задернута дождевыми облаками, ни одна звѣздочка не блестѣла на небосклонѣ, казалось, окутанномъ траурною пеленою. Могильная тишина, какъ-бы сговорившись съ мракомъ, внѣдрилась въ Новгородѣ, кипящемъ обыкновенно дѣятельностью и народомъ. Давно ужъ сковала она его жителей безмятежнымъ сномъ, и лишь изрѣдка вѣтеръ, какъ-бы проснувшись, встряхивалъ вѣтвями деревьевъ, шевелилъ ставнями домовъ и опять замиралъ.

Вся Никитская улица съ своими домами, балаганами и лачужками утопала въ непрони-

цаемомъ мракѣ. Только въ самомъ концѣ ея въ продолговатомъ окошкѣ высокаго терема, обращенномъ на дворъ, мелькалъ огонекъ. Теремъ этотъ отличался отъ другихъ особеннымъ искуствомъ и красотою въ постройкѣ, а потому назывался «Чуднымъ теремомъ».

Его окружалъ на большое пространство высокій заборъ съ зубцами, а широкія дощатыя ворота, запертыя огромнымъ засовомъ, заграждали входъ на обширный дворъ; за воротами; въ караулкѣ, дремалъ сторожъ, а у его ногъ лежалъ другой—цѣпной песъ, спущенный на ночь. Кругомъ, повторяемъ, царила мертвая тишина, лишь гдѣ-то вдали глухо раздавались переклички пѣтуховъ, бой въ мѣдную доску, да завываніе собакъ.

Послышались чьи-то тяжелыя увѣренные шаги. Кто-то шелъ вдоль забора и, остановясь у калитки, вырубленной въ воротахъ, отыскалъ проволоку, продѣтую сквозь нее и потянулъ ее къ себѣ.

Раздался тонкій звукъ колокольчика.

Чуткій песъ, давно уже настороживший уши, рявкнулъ, вскочилъ, подсунулъ рыло подъ подворотню и радостно забилъ хвостомъ о землю. Сторожъ тоже встрепенулся и съ языка его сорвался обычный вопросъ.

— Кто идетъ?

— Свой!—отвѣтилъ ему не громко, но грубо, поздній гость.

Въ ту-же минуту сторожъ подскочилъ къ калиткѣ, мѣдное кольцо зазвучало, и незнакомецъ, тщательно закутанный, перенесъ

свою ногу черезъ высокій порогъ, оправилъ полы своего широкаго охабня и опять грубымъ голосомъ сказалъ сторожу:

— Тебѣ, старый лѣшій, сидѣть-бы на горохѣ, да пугать-бы воробьевъ. Что такъ рано пришибъ тебя сонъ. Развѣ забылъ, что долженъ дожидаться меня?

— Не во гнѣвъ твоей милости, господине; отъ самой боярыни вышелъ приказъ держать ворота на запорѣ!—отвѣчалъ ему сторожъ.

Вошедшій посмотрѣлъ на окно терема.

— Что это за огонь въ оконницѣ?

— Должно быть, свѣтецъ горитъ, али жирникъ, а статься можетъ свѣчи теплятся въ образной боярышниной передъ ликомъ праздничной иконы. Завтра вѣдь праздникъ Рождеству Богородицы.

— Не въ прокъ мнѣ знать о празднествахъ твоихъ. Говори, старый плутъ, не укрывается-ли кто у ней? Всѣ-ли наши собрались?

— А кто ихъ знаетъ. Я окромя тебя, да князя Василія Ивановича, никого не знаю. Вишь, ходятъ все ночью, какъ тати.

— Скажешь-ли ты мнѣ, кто съ ней, или я вызову у тебя языкъ вотъ этимъ!—вскрикнулъ незнакомецъ и, распахнувъ полы охабеня, показалъ на кинжалъ, блеснувшій во мракѣ своей серебряной чешуей.

— Сейчасъ, бояринъ, сейчасъ. Прошелъ къ ней еще о вечерьи; въ память-ли тебѣ тотъ чернецъ-то, что, баютъ, гадаетъ по звѣздамъ? Мудреный такой! Ну, еще боярыня серчала все на него и допрежь не допускала предъ лицо свое, а теперь признала въ немъ

боголюбиваго послушника Божія? Въ самомъ дѣлѣ, бояринъ: ужъ куда кротокъ и смиренъ онъ! Наша рабская доля—поклонишься ему низехонько, а онъ и самъ также.

— Кто-бы это?—проворчалъ сквозь зубы вошедшій:—Да это соловецкій пришелецъ, монахъ тамошней обители, все оттягиваетъ у легковѣрной бабы льготы отъ земель ея на свой монастырь. Ну, я выжму-жъ его отъ нея... Онъ что-то мнѣ подозрителенъ,—продолжалъ онъ вслухъ высказывать мысли, направляясь къ крыльцу терема.

Теремъ этотъ принадлежалъ вдовѣ бывшаго новогородскаго посадника Исаака Борецкаго—Мареѣ.

Въ описываемую нами ночь она сидѣла въ своей наугольной гридницѣ, гдѣ на широкомъ дубовомъ столѣ догорала восковая свѣча въ точеномъ, костяномъ свѣтцѣ и освѣщала передній уголъ съ иконами въ богатыхъ окладахъ. Гридница эта была подъ сводами и роскошно убрана во вкусѣ того времени. Стѣны ея были обиты алымъ бархатомъ съ раскиданными на немъ серебряными и золотыми звѣздочками, а по бокамъ воткнуты были красивыя, позолоченныя стрѣлы какъ-бы поддерживавшія эти богатыя обои. Въ глубинѣ гридницы стояло высокое ложе съ пышными, шитыми въ узоръ шелками изголовьями, задернутое кружевнымъ пологомъ.

Мареа Борецкая сидѣла недалеко отъ него, важно раскинувшись на лавкѣ, покрытой соболями.

Это была красивая, но далеко не молодая

женщина. Покрывало ея, отороченное золотошелковою бахрамою, было немного опущено на лицо, и изъ-подъ него мелькали быстрые глаза, особенно когда она повелительно устремляла ихъ на своего собесѣдника, скромнаго чернеца, сидѣвшаго передъ ней съ опущенными долу взорами.

Этотъ чернецъ былъ отецъ Зосима, еще довольно молодой настоятель Соловецкой обители.

— Да скажи-же мнѣ, отче Засиме, какимъ случаемъ сдѣлалась извѣстна обитель Соловецкая и по чьимъ слѣдамъ вошелъ ты въ нее?—говорила Мареа.

— Невидимая рука Божія привела меня въ это тихое и уединенное пристанище,—отвѣчалъ отецъ Зосима,—предмѣстникъ мой, святитель Савватій, бывшій инокъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, искалъ пустыни, гдѣ-бы могъ укромно возносить молитвы свои къ престолу Всевышняго и безмятежно кончить дни свои, пустился странствовать съ духовнымъ братомъ своимъ Германомъ. Они отыскали такое мѣсто на дикомъ, уединенномъ, совершенно безлюдномъ островѣ и поселились на немъ въ 1422 году; тамъ выстроили они себѣ убогій шалашъ подъ мрачными сводами елей, недоступными солнечнымъ лучамъ, а подлѣ него часовню и дожили срокъ жизни своей тихо и благословенно.

— Какъ-же ты переступилъ рубежъ свѣтской жизни?—продолжала допытываться Борецкая.

— Молва и слава о подвигахъ моего предмѣстника огласилась во всѣхъ концахъ земли русской, сердце мое закипѣло святымъ рвеніемъ—я отвергъ прелесть міра, надѣлъ власяницу на тѣлесныя оковы и странническимъ посохомъ открылъ себѣ дорогу въ пустыню Соловецкую, обрѣлъ прахъ предмѣстниковъ моихъ, поклонился ему, и искра твердаго, непоколебимаго намѣренія, запавшая мнѣ въ душу, разрослась въ ней и начала управлять всѣми поступками моими. Съ благословенія покойнаго архіепископа новогородскаго Іоны, основалъ я храмъ и огородилъ его стѣнами. Люди чуждые міра стекались ко мнѣ со всѣхъ сторонъ и охотно понесли со мной тяжелый крестъ, скоро сдѣлавшійся для насъ легкимъ; вскорѣ всѣ избрали меня настоятелемъ, и это избраніе довершилъ Іона благословеніемъ своимъ и поставилъ меня въ игумены. Мощи святителя Савватія перенесли мы со всемъ благочиніемъ въ обитель, гдѣ почиваютъ онѣ и до нынѣ. Съ тѣхъ поръ живемъ мы тихо, миролюбиво, согласно и привольно. Грамотою новогородскою предоставлено нашей обители владѣть островами Соловецкимъ, Анзерскимъ, Заяцкимъ и другими. Мы, сколько могли, улучшили обитель: питаемся рыбною ловлею, и засѣянными нашими руками овощами; завели солеварню, провели каналы отъ потопленія и безъ всякой нужды ожидаемъ вѣчности.

— И тебѣ, отче святый, не взгрустнулось по свѣту въ юные годы твои? Не наскучали

труды тяжкіе, каждодневные, ни тогда, ни теперь?

— Они-то и не дали мѣста скукѣ въ душѣ моей, посвященной Богу и трудолюбію. Тогда я былъ крѣпче тѣломъ, нынѣ—духомъ. Отъ молитвы—къ трудамъ; отъ трудовъ—опять къ молитвѣ. Мнѣ некогда было скучать и кручиниться. На душѣ было легко, на сердце весело. Въ часы отдохновенія, бывало, выйдешь поразмыслить о своей новой жизни, взглянешь на все окружающее, начнешь созерцать искуство Небеснаго Художника—и мысли потонутъ въ дивной красотѣ. Дикое, но прекрасное очарованіе положительно сковываетъ тебя: высокіе развѣсы елей, пышными шатрами нависшіе и шумно раскачивающіеся надъ головой, а подъ ногами мрачное море, по которому ходятъ бурливыя волны, глазъ обнимаетъ безконечную сизую пелену, кипящую сверкающими алмазами при свѣтилѣ дня. Одна мысль, что ты находишься на краю земли, отдаленномъ отъ всего міра, возбуждаетъ благоговѣйныя и высокія чувства, не радость и не печаль закрадывается въ душу, а что-то необъяснимое, что выше того и другого. Когда-же въ нѣмомъ восторгѣ слеза умиленія прольется изъ глазъ, упадетъ на сердце и освѣтитъ его, когда душа зарвется изъ плѣнной оболочки своей и запросится въ міръ чудесъ и свѣта... тогда поймешь этотъ міръ, несравненно болѣе прекрасный, нежели оставленный тобою:

Зосима умолкъ.

Благоговѣйно слушала Мареа вдохновен-

ныя слова святого мужа и, послѣ нѣкоторой паузы, растроганнымъ голосомъ сказала:

— Да, у кого святое тепло на сердцѣ тотъ всѣмъ доволенъ; но у кого душа больна.

Она не могла болѣе продолжать и быстро надвинула покрывало на все лицо, чтобы онъ не прочелъ въ немъ движенія сердечныхъ мукъ.

— У кого она страдаетъ свѣтскими помыслами, такъ ее и многимъ неудовлетворитъ: это бездонный сосудъ, котораго ничѣмъ никогда не наполнишь—отвѣчалъ, понявши ее, отецъ Зосима.

— Истинно вѣрую въ слова твои,—начала она опять, успокоившись:—Помнишь-ли, праведный отче, когда ты искалъ покровительства моего отъ обидъ двинскихъ жителей: Я владѣю близъ страны, тобой обитаемой, богатыми селами, но я отказала тебѣ во всякой помощи. Теперь совѣсть раскаяніе мучитъ меня.

— Человѣку долженствуетъ помнить одно добро; тебя смутилъ искуситель въ образѣ невѣрнаго литвина. Прости меня, боярыня. Хоть ты чтишь его своимъ суженымъ, но истина руководствуетъ мною, и я вторично повторяю устами ея: «отжени отъ себя врага, удались отъ зла и сотвори благо».

Она сидѣла съ поникшей головой.

— И тогда неправеденъ былъ гнѣвъ твой,—продолжалъ Зосима:—Вспомни, сколько щедротъ своихъ излилъ на тебя законный князь твой: все имущество твое, злато, серебро, каменья дорогія и узорочья всякія, поселья

со всѣми землями и угодьями остались сохранены отъ алчбы вражескаго меча; жизнь твоя, бывшая подлѣ смерти, искупилась ни чѣмъ инымъ, какъ неподкупною милостью великаго князя московскаго. Сверхъ того, сынъ твой Димитрій также не обойденъ былъ ею и пожалованъ знатнымъ титломъ боярина московскаго. Чего-же недостаетъ ненасытности твоей?

Глаза Мареы блеснули изъ-подъ вновь приподнятаго ею покрывала.

Было замѣтно, что напоминаніе о прошедшемъ затронуло слабую струну ея сердца.

— Но гдѣ-же сыновья мои?—воскликнула она:—Одинъ подъ чернымъ рубищемъ муромскаго монаха, быть можетъ, скитается безъ пріюта и испрашиваетъ милостыню на насущное пропитаніе; другой,—жалованный бояринъ твой,—подъ сѣкирой московскаго палача встрѣтилъ смертный часъ! Это-ли милость великокняжеская!

Она перевела духъ.

— Я призвала тебя и одарила богато, чтобы посовѣтоваться, какъ отвратить общую напасть, грозящую всему Новгороду, а ты, пробудивъ во мнѣ заснувшую-было ненависть къ мучительницѣ-тиранкѣ—Москвѣ, заставляешь еще каяться за то, что я люблю отечество свое и не мѣняю его на гонителя сына моего, меня самой, моей родины! Нѣтъ, Мареа не укротится, не посрамитъ себя!

— Много я сказалъ-бы тебѣ на слова твои,—прервалъ ее отецъ Зосима,—но ты, несомнѣнно, слышала уже слова владыки

нашего Ѳеофила, а мнѣ остается только домолвить. Я прозрѣваю цѣль твою, меня не смутятъ козни любимца твоего Болеслава Зверженовскаго. Вы хотите властвовать! Но помните: кто выше станетъ, тотъ быстрѣе падетъ! Любовь всякая, какъ и твоя къ родинѣ, бываетъ часто слѣпою. Если ты не желаешь видѣть свѣта истины, то отпусти меня—я болѣе не нуженъ тебѣ—и дары твои оставь при себѣ: они тяжелы, не по силамъ моимъ.

— Тебя любитъ народъ. Какъ молитвы твои доступны слуху Всевышняго, такъ и увѣщеванія на подвиги бранные воспламеняютъ сердце каждаго новгородца противъ враговъ отчизны!—начала было умилостивлять его Марфа.

— Я не вижу ихъ!—сказалъ онъ равнодушно, вставая съ своего мѣста.

— Такъ благослови-же хоть меня на это!—выговорила съ замѣтною досадою огорченная Мареа, поспѣшно вставая со скамьи;

— Отныне и до вѣка благословляю и заклинаю тебя именемъ Вездѣсущаго Свидѣтеля всѣхъ дѣлъ и помышленій нашихъ, и всѣми святыми угодниками новгородскими, и матерью-заступницею нашею, св. Софіею, только на добрыя дѣла!—произнесъ торжественно Зосима и вышелъ.

— Гордый монахъ!—прошептала Мареа и въ волненіи начала ходить по свѣтлицѣ.

III.

Клятва.

Шаги отца Зосима еще не затихли на чугунномъ полу узкихъ сѣней терема Борецкой, какъ Болеславъ Зверженовскій—незнакомецъ разговаривавшій со сторожемъ—вошелъ въ противоположную дверь свѣтлицы Марфы, блеснувъ изъ подъ своего короткаго полукафтанья ножнами кривой польской сабли.

— Здравствуй, боярыня! — сказалъ онъ мрачно съ замѣтнымъ неудовольствіемъ въ голосѣ, низко и почтительно кланяясь хозяйкѣ.

— А, это ты, панъ!—ласково привѣтствовала она его, хотя выраженіе ея теперь почти открытаго лица носило слѣды только-что пережитаго душевнаго волненія:—Ну, что новаго? Я давно поджидаю тебя!

— Свѣтъ нашъ состарился: что-же искать въ немъ новаго?—коротко отвѣчалъ онъ.

— Ночь уже очернила его, теперь онъ не бѣлый, а во мракѣ, и въ этихъ случаяхъ, по моему мнѣнію, новостямъ долженъ быть урожай,—съ удареніемъ на каждномъ словѣ проговорила Марфа, усаживаясь на скамью.

— Ты, боярыня, сама была окружена за послѣднее время чернотою, отъ которой не спасетъ тебя и свѣтъ, а во мракѣ—новости мрачныя; не спрашивай-же о нихъ!

— Что замышляешь ты сказать мнѣ?— озабоченно спросила она, непонявъ, или не желая понять его намековъ: — Или худой оборотъ приняли наши дѣла, или мало людей на нашей сторонѣ? Возьми-же все золото мое, закидай имъ народъ, вели отъ моего имени выкатить ему изъ подваловъ вино и медъ... Чего-же еще? Не измѣнилъ-ли кто?

— Никто; все идетъ хорошо!—спокойно отвѣчалъ Болеславъ, садясь возлѣ Борецкой по данному ею знаку.

— Съ чего-же ты такой озабоченный, пасмурный?

— Не духъ-ли сына твоего, Ѳеодора, до меня являлся проститься съ тобою?—отвѣтилъ онъ ей вопросомъ.

— Нѣтъ, это былъ чтимый Зосима, мужъ разумный, но... нѣсколько... не знаю что и сказать о немъ.

— Не въ немъ дѣло!—раздражительно прервалъ онъ ее:—Ты давно не видала своего сына?

— Съ тѣхъ поръ, какъ московскіе тираны выволокли его изъ родныхъ стѣнъ и принудили постричься въ Муромѣ; напрасно я старалась подкупить стражу, лила золото какъ воду, они не выпустили его изъ заключенія и донынѣ, не дозволили имѣть при себѣ моихъ сокровищъ для продовольствія въ иноческой жизни... Но къ чему клонится твой вопросъ? Нѣтъ-ли о немъ какой вѣсточки?— съ трепетнымъ волненіемъ проговорила она.

— Боярыня!—торжественно, громко произнесъ Зверженовскій, поднимаясь съ лавки,—

будь тверда! Ты нужна отечеству. Забудь, что ты женщина... докончи такъ, какъ начала, Твой сынъ уже не инокъ муромскій, не черная власяница и тяжелыя вериги жмутъ его тѣло, а саванъ бѣлый, да гробъ дощатый.

— Какъ?.. онъ.., второй?..

— Его домучили... Сегодня я узналъ объ этомъ достовѣрно отъ одного муромца, очевидца его послѣднихъ минутъ. Но будь тверда!

Трудно описать выраженіе лица Борецкой при этомъ извѣстіи; оно не сдѣлалось печальнымъ, взоры не омрачились, и ни одно слово не вырвалось изъ полуоткрытаго рта, кромѣ глухого звука, который тотчасъ и замеръ. Молча, широко раскрытыми глазами глядѣла она на рокового вѣстника, точно вымаливала отъ него повторенія слова: «месть».

Зверженовскій съ злобною радостью, казалось, проникалъ своими сверкающими глазами въ ея душу и также молча вынулъ изъ ноженъ саблю и подалъ ее ей.

— Значитъ ты понялъ меня?—произнесла она хриплымъ, сдавленнымъ голосомъ.

Онъ кивнулъ головой и, сложа руки на груди, вопросительно глядѣлъ на нее.

— Клянусь остріемъ этой сабли, клянусь кровью и прахомъ сыновей моихъ, я изнурю себя, лишусь своего имущества, но уязвлю гордыню московскаго князя подъ стѣнами Новгорода, или пусть погибну подъ ножами его клевретовъ,—торжественно произнесла Мароа, размахивая саблею, и глаза ея блестѣли какъ сталь, которую она держала въ рукѣ.

Картина была достойна великаго художника: хитрый полякъ съ сверкающими злобною радостью глазами, съ шершавой головой и смуглымъ лицомъ, оттѣненнымъ длинными усами, казалось, былъ олицетвореніемъ врага и искусителя человѣчества, принимающаго исповѣдь соблазненной имъ жертвы.

— Черезъ мой трупъ перешагнутъ на тебя твои враги, боярыня,—хвастливо произнесъ онъ:—а побѣда надо мной достанется имъ дорого.

— А если она будетъ на нашей сторонѣ?

— Тогда гуляй мечи на смертномъ раздольѣ! Весь Новгородъ затопимъ вражескою кровью, всѣхъ непріязненныхъ намъ людей—наповалъ, а если захватимъ Назарія, да живьемъ еще, я выдавлю изъ него жизнь по каплѣ. Мало-ли мѣшалъ онъ мнѣ, да и тебѣ, бывало, ни на вѣчѣ, ни на встрѣчѣ шапки не ломалъ. А Захарія посадимъ верхомъ на колъ, да и занесемъ въ его притонъ—Москву. Нужды нѣтъ, что этотъ жирный быкъ не бодается, терпѣть намъ его не слѣдъ.

— А послѣ,—съ восторгомъ начала Марѳа.

— А послѣ,—прервалъ онъ ее:—послѣ тебѣ въ руки жезлъ правленія... Казиміръ твоя правая, а я—лѣвая рука...

Борецкая дико, радостно захохотала.

— Ты... ты,—произнесла она, тихо переводя духъ,—ты будешь моимъ, я твоею... жизнь подѣлимъ поровну.

Вдругъ въ древнемъ Херсонскомъ монастырѣ, на Хутынѣ, заныль колоколъ, брякнулъ нѣсколько разъ и опять замолкъ; только

вѣтеръ, разнося дождевыя капли, стучавшія по окнамъ, гудѣлъ какъ труба-вѣстница чего-то недобраго.

Злоумышленники вздрогнули и переглянулись между собой.

— Чтобы это значило?—почти шепотомъ сказала Мареа:—Въ глухую ночь кто можетъ взойти звонить на колокольню? Кажется, намъ не послышалось?

— Нѣтъ, это, должно быть, вѣтеръ шевельнулъ колоколами,—отвѣчалъ Зверженовскій съ разстановкой, прислушиваясь: — Вотъ опять стало тихо.

— Однако, это не даромъ... мнѣ что-то жутко! Ужъ не бунтъ-ли затѣвается? Кажется, рано. Не предупредилъ-ли насъ кто-нибудь?

Въ это время на дворѣ заскрипѣла калитка, залаяла собака и послышались голоса входившихъ на дворъ людей.

— Бабушка, бабушка! Мнѣ страшно, не, спится что-то, да и грезы все такія страшныя, будто, ты,—заговорилъ сквозь слезы, дрожа всѣмъ тѣломъ, вбѣжавшій десятилѣтній, внукъ Борецкой, сынъ ея сына Ѳедора Исакова.

— Что ты, Васенька, чего испужался?—прервала его Мареа, лаская:—Что такое тебѣ привидѣлось?

— Да вотъ, будто, ты, да панъ этотъ,—ребенокъ указалъ рукой на Зверженовскаго,—хватаете меня мохнатыми руками и хотите стащить съ собой въ яму, оттуда тятинькинъ голосъ слышится, да такой слезливый, и онъ, будто, сидя на стрѣлахъ, манитъ меня къ

себѣ. Кровь изъ него ручьемъ хлещетъ, а глаза закатились. Мнѣ не хотѣлось прыгать къ нему, да вотъ панъ этотъ такъ на меня глянулъ, что я не вспомнился, сотворилъ крестное знаменіе, зажмурился, прыгнулъ, вскрикнулъ и проснулся. Вокругъ меня темно и, кажись, на яву, представился мнѣ опять тятя, поглядѣлъ на меня такъ жалобно, къ вамъ сюда кулакомъ погрозился и пропалъ. Я хотѣлъ выговорить молитву: силюсь, да не могу. Тутъ оглушилъ меня звукъ колокола... Отецъ-то мой давно ужъ мнѣ грезится.

— Полно, полно, позабавься, да полакомься гостинцами.., и все пройдетъ,—въ смущеніи заговорила Марѳа и высыпала въ подолъ его рубашки изъ коробки всякихъ сластей.

Ребенокъ ушелъ съ пришедшей за нимъ нянькой.

— Должно, это наши стучатъ по сѣнямъ, а то-бы рабы твои остановили незваныхъ гостей! — радостно сказалъ Зверженовскій, замѣтно ободрившись.

— И впрямь наши,—отвѣчала Марфа и вмѣстѣ съ своимъ гостемъ перешла изъ гридницы въ сосѣднюю совѣтную палату.

Тамъ, дѣйствительно, уже были на лицо всѣ ихъ единомышленники: самъ тысяцкій Есиповъ, степенный посадникъ Ѳома, посадникъ Кириллъ, главный купеческій староста конца Маркъ Панфильевъ, изъ житыхъ людей *), Григорій Купріяновъ, Юрій Репеховъ и другіе старосты концовъ: Наровскаго, Гор-

*) Обывателей.

чанскаго, Загородскаго и Плотницкаго, нѣкоторые чтимые въ Новгородѣ купцы, гости и именитые, наконецъ, такая-же знатная и богатая вдова, какъ и Мароа, Наталья Иванова, которая хвасталась, что великій князь Іоаннъ, въ бытность свою въ Новгородѣ въ 1475 году, ни у кого такъ не былъ роскошно угощенъ, какъ у ней.

IV.

Среди спасителей отечества.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій жданные гости размѣстились по широкимъ лавкамъ.

Первая начала Мароа, обратившись къ тысяцкому Есипову:

— Что, велемудрый бояринъ, соглашается-ли съ нами народъ? На нашей-ли улицѣ праздникъ.

— Пока еще будни на нашей улицѣ, боярыня, вотъ что скажетъ завтра. Золото, серебро и вино дѣйствуютъ; въ хмѣльномъ разгулѣ народъ побушевалъ, потолокся на площади, да и разошелся по домамъ,—отвѣчамъ Есиповъ.

— Теперь время дѣйствовать словами. Вонъ Ѳеоѳилъ какъ опѣшилъ толпу велеречіемъ своимъ, всѣ пали ницъ и заныли объ отпущеніи вины,—затѣтилъ посадникъ Ѳома.

— Да, онъ все дѣло на свой ладъ настроилъ, подтвердила Мароа.

— Бочка меду да ложка дегтю, красно на устахъ да черно на душѣ его, такъ и всѣмъ будетъ: сладко во рту, да горько на

на сердцѣ отрыгается!—вставилъ свое слово Зверженовскій.

— Я сама завтра явлюсь передъ народомъ. Онъ еще помнитъ меня и поминаетъ,—начало было Мареа.

— Проклятіемъ,—перебила ее Настасья Иванова:—Я сама слышала ономнясь, какъ поносили тебя, боярыня, кляли, зазорили того, кто послушаетъ твоихъ навѣтовъ и обѣщались вымести тѣломъ приспѣшника твоего Софійскую площадь, если онъ только покажется на ней.

— «Слова безъ дѣлъ, что лукъ безъ стрѣлъ»! — ваше-же русское присловье! — обидѣлся Зверженовскій:—Таковы новгородцы; а какъ услышатъ, что земляки мои наготовѣ напасть на москвитянъ—заговорятъ другое. Они какъ рыбы—въ худую погоду ищутъ глуби, а въ ясную любятъ поиграть на солнцѣ.

— Надобно непремѣнно пустить слухъ что Казиміръ стоитъ за насъ и рать его уже выступила противъ москвитянъ,—поспѣшно сказала Мареа.

— Да ихъ, вашу братію, новогородскій народъ не сталъ терпѣть за обманы и называетъ челядинцами, голой Литвой, блудливыми кошками и трусливыми зайцами!—замѣтилъ одинъ изъ старцевъ.

— Небось, на нашей сторонѣ еще много людей, а золото, ласковыя слова и обѣщанія перетянутъ хоть кого. Завтра попробуемъ счастья новыми посулами, подмажемъ колеса, и все пойдетъ ходче,—съ веселымъ, безза-

ботнымъ смѣхомъ произнесъ Зверженовскій

Слуги въ это время внесли и поставили на столы явства и питія, и между долгими разговорами и совѣщаніями началась попойка. Болеславъ Зверженовскій, съѣвъ конецъ сладкаго пирога и оросивъ его крѣпкимъ русскимъ медомъ, воскликнулъ вервый:

— Многолѣтіе тебѣ, Марфа Борецкая, нынѣшняя боярыня и будущая княгиня новгородская.

— Многолѣтіе, многолѣтіе! — подхватили всѣ, и гордая вдова, вставъ, начала раскланиваться во всѣ стороны.

Вдругъ ударилъ колоколъ, другой, и благовѣстъ разлился по всему городу.

Всѣ встрепенулись, какъ вороны, почуя кровь, думая что это призывъ къ бунту и убійствамъ, но вскорѣ опомнились, и тысяцкій Есиповъ сказалъ:

— Чу... утреня... пора и по домамъ...

— Насъ давеча изумилъ еще дальній колоколъ въ самую полночь, такъ завылъ, что мы шедши къ тебѣ, боярыня, индо пригнулись къ землѣ,—вставилъ одинъ изъ гостей

— Да, сильна непогода, на Софійскомъ храмѣ, говорятъ, бурею крестъ сломило.— добавилъ другой.

— Ахти!—воскликнулъ третій:—это братцы, помяните мое слово, не къ добру...

— Ты бы сидѣлъ между бабъ и точилъ имъ веретена, когда, ничего не видя, начинаешь трястись какъ осиновый листъ,—оборвалъ его Зверженовскій.

— Горожане! братія!—начала снова Мар-

ѳа.—Время наступаетъ, отнынѣ я забываю, что я родилась женщиной; прочь эти волосы, чтобы они не напоминали мнѣ этого; голова моя проситъ шлема, а рука меча; окуйте тѣло мое доспѣхами ратными, и, если я хоть малость отступлю отъ клятвъ моихъ,—залейте меня живую волнами рѣки Волхова, я не стою земли.

— И мы, и мы, тоже!—подхватили всѣ.

— Завтра поступимъ по общему условію!—Утро вечера мудренѣе,—говорили между собою расходясь гости.

— Каково-то завтра проглянетъ день? «Что-то темно! Ужъ не суждены-ли намъ вѣчныя сумерки»,—думали робкіе, и скоро чудный домъ Мареы опустѣлъ и замолкъ какъ могила.

На одномъ концѣ стола, покрытаго длинною полостью сукна, стоялъ ночникъ: огонь трепетно разливалъ тусклый свѣтъ свой по обширной гридницѣ; на другомъ концѣ его сидѣла Мареа въ глубокой задумчивости, облокотясь на столъ. Ея грудь высоко подымалась. Печаль, ненависть, злоба, сожалѣніе о сыновьяхъ сверкали въ ея глазахъ.

— Итакъ отнынѣ я не женщина,—воскликнула она:—Прочь-же эти уборы!

Она сорвала съ головы своей покрывало, и двѣ длинныя косы, изсиня-черныя какъ вороново крыло, расплелись и скатились волнами на ея могучія плечи,

Когда волненіе ея нѣсколько улеглось, ей представился отецъ Зосима съ кроткимъ и вмѣстѣ укоряющимъ взглядомъ. Отъ сердца

ея отлегло, на душѣ стало свѣтлѣе и слеза умиленія скатилась изъ ея глазъ.

Она вздохнула было съ облегченіемъ, но вдругъ ея взоръ упалъ на лезвіе сабли, забытой Болеславомъ Зверженовскимъ.

Видъ этой сабли снова напомнилъ ей все. Она схватила косу и мгновенно обрѣзала ее.

«Свершилось!»—пронеслось въ ея головѣ.

V.

Новгородская бывальщина.

Багровая заря взошла на небо и бросила свой красноватый отблескъ на землю. Настало раннее утро. Погода была перемѣнчива. Порою вѣтеръ разгонялъ облака и показывалось солнышко, то опять оно заволакивалось тучами, чернымъ саваномъ висѣвшими надъ Новгородомъ.

Снова, какъ и вчера, ударили въ вѣчевой колоколъ со двора Ярославлева, и пронзительный звукъ его разлился по окрестностямъ. Народъ, только что успокоенный наканунѣ Ѳеофиломъ, не зналъ какъ и разгадать причины новаго призыва на общественный совѣтъ. Улицы заволновались, и ропотный шумъ толпы все усиливался и усиливался на Софійской площади.

Около самыхъ воротъ вѣча, осажденныхъ со всѣхъ сторонъ народомъ, стоялъ старикъ съ длинной, сѣдой какъ серебро бородою, въ мѣховой шапкѣ съ куньей оторочкой и длин-

ными подвязными наушниками, зипунъ на немъ былъ сѣрый, на овчинномъ подбоѣ; въ рукахъ держалъ онъ толстую, суковатую палку, съ широкимъ литымъ набалдашникомъ изъ мѣди. Хотя морщины складками облегали его лицо, но глаза, изъ подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей, горѣли огнемъ юности, особенно, когда онъ, разсказывая про былую старину окружавшихъ его любопытнымъ, приправлялъ свой разсказъ разными прибаутками, присказками и присловьями и, переносясь за много лѣтъ назадъ, подражалъ молодецкимъ движеніямъ.

— И что за времена настали нонеча:— говорилъ онъ:—Чуть врагъ за лѣскомъ—и поникнутъ головами такъ низко, что шапка валится. Со страха, вѣстимо, искра кажется больше полымя. Износилъ я на плечахъ своихъ десятковъ семь съ золотникомъ годовъ, и научился видѣть, что черно, что бѣло. Бывало, кто не слыхалъ, кто не видалъ Новгорода Великаго далеко? Это городъ, то-то привольный, то-то могучій! говаривали и нѣмчины, и литвины, и всѣ иноземные людины: ганзейцы и мурмане, гречины и татары, бывшіе въ немъ не какъ враги, а какъ гости,— любили они заглядываться на золоченыя главы церквей его, разгуливать по широкимъ улицамъ и любоваться на площадяхъ и въ балаганахъ всѣми товарами заморскими! Тутъ были раскиданы и мѣха пермскіе, и полотна фламандскія, и ковры персидскіе, и соболи сибирскіе, и камки хрущатыя, и бахромы золотошелковыя, и всякія снадобья хитротканныя,

и сѣдла азіатскія, и камни самоцвѣтные, и жемчуги бурмицкіе, и уздечки подборныя, и всякія узорья выписныя. Всего грудами навалено было передъ чужеземными зѣваками— отдай деньги и бери добра сколько хочешь, сколько можешь.

Въ мирное время задаетъ всякій пиръ на весь міръ! Отъѣдайся, отпивайся душа, ходи стѣна на стѣну, али заломи на бокъ шапку отороченную, крути усъ богатырскій, да заглядывайся на красоточекъ въ окошечки косящатыя; затронулъ-ли опять кто, отвѣчай огнемъ, да копьемъ, да стрѣлами калеными, прослышатъ-ли про караванъ ливонскій, али чей либо ненашенскій—удальцы новгородскіе разомъ оскачатъ его, подстерегутъ и накинуться съ быстротой соколиною раскупоривать копьями добро, зашитое въ кожи, а межъ тѣмъ косятъ часто головы провожатыхъ, какъ маковинки. Бывало, одурь возьметъ, какъ давно нѣтъ дѣла рукамъ; ну что, сиди на печи, да гложи кирпичи—разучишься и шевельнуть мечемъ; ждешь не дождешься, когда-то грохнетъ вѣчевой колоколъ, а ужъ какъ закатится, любо сердцу молодецкому, вспрыснетъ его словно живою водою радость удалая. Ужъ такъ забьется, такъ заскачетъ ретивое, какъ конь необъѣзжаный въ чистомъ полѣ, того и гляди, что выскочитъ въ пригоршню. А бились мы съ Чудью и съ Ямью съ своими, и съ чужими, и моремъ, и сухимъ путемъ, и Наровою, и Волгою, и по Ново-озеру неслось наше ополченіе на несчетныхъ судахъ. На кого наскочили,

кочили, тотъ развѣдывайся; куда пришли, тамъ и дома. Въ Кострому-ли, въ Тверь-ли, въ Ярославль-ли, поъ Астрахань-ли богатую, рады не рады—принимайте гостей, выносите калачей на золотыхъ блюдахъ, на серебряныхъ подблюдникахъ, выкатывайте бочки медовъ годовалыхъ и чокайтесь съ нами незванными гостями; а если хозяева попросятъ расплаты, разсчитывайся мечами, да бердышами, да бери съ нихъ сдачи ушами да головами, а тамъ снимайся, удалая дружина, и мчись во свояси. А гдѣ аховой народецъ, какъ примѣромъ сказать-бы въ ближнихъ пригородахъ ливонскихъ, да еще гдѣ застанешь его не врасплохъ и выступятъ противъ тебя хозяева-то въ желѣзныхъ обручахъ, да начнутъ пересыпаться съ гостями своимъ свинцовымъ горохомъ, затепливай скорѣй его лачугу со всѣхъ четырехъ сторонъ и тутъ-то вотъ и привольно бываетъ погрѣться: шумъ, гамъ, гикъ, вопль, стѣны трещатъ, рушатся, растопленное желѣзо рѣкой течетъ, а людъ словно воскъ таетъ. Натѣшилась душа, и заливай пожарище вражескою кровью, вѣдь какъ булатъ разогрѣется, отъ него паръ валомъ валитъ, остріе притупится хлестать по тѣламъ, да по костямъ, а еще хочется. Вѣдь это не то, чтобы мы напраслино нападали на сосѣдей, и они при случаѣ не спустятъ. Обозъ-ли отбить у нашихъ, дѣвушекъ-ли захватить, золота-ли безъ счета пограбить, да передушить стариковъ и малыхъ дѣтей—это имъ обычно; да не удавалося проклятымъ въ частую,

какъ намъ приходилось, напрашиваться не въ любые для нихъ гости. А какъ опять мировая, такъ и мы бывало придерживаемся присловью: «Въ полѣ врагъ, дома гость, садись подъ святые*), починай ендову; въ лѣсу—кистенемъ, а въ саду—огурцомъ». И ведется рѣчь любезно, и ходимъ объ руку попарно, и любуются, не насмотрятся наши гости, какъ красуется градъ нашъ, а въ немъ рдѣютъ дѣвицы красныя, да разгуливаютъ молодцы удалые, и бросаются имъ въ глаза всякія диковинки рѣдкія, и стали звать, прозывать его давно-предавно, чуть прадѣды помнятъ, и чужіе и свои славнымъ, богатыремъ, Великимъ Новгородомъ.

Взоры слушателей, впившіеся въ разсказчика, сверкнули огневой отвагой, а старикъ, откашлянувшись, продолжалъ:

— И нонѣ придерживаются этого старики, да не обѣими руками, съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннъ московскій залилъ наши поляны родною кровью. Все какъ-то пошло на разладъ: старики шатаются отъ старости, молодые трясутся отъ страха, а родина гибнетъ. Молодечество**) иные стали считать дѣломъ зазорнымъ, а по силѣ грамотѣ отнимать—это имъ ни почемъ. Укажите-ка мнѣ, кто теперь поспоритъ, постоитъ и словомъ, и дѣломъ, языкомъ, и плечомъ за отчизну. Развѣ одинъ Чурчила съ своими удальцами! Еслибы-бы ономнясь не отшатнулся-бы онъ

*) Въ передній уголъ.
**) Разбой.

добывать добра въ Ливонію, въ замокъ Гельмстъ, попятилъ-бы московскую дружину такъ, что не кому было-бы и до Москвы добѣжать. Онъ хошь и не словесенъ, да рука-то его рѣчиста, что твой кистень.

— Краснобай ты, старинушка, но кривы уста твои: насъ-то по что изобидѣлъ ты? Чѣмъ мы не молодцы? Загуди только труба воинская, всѣ побратаемся скинуть головы свои или вражескія, вымѣнять на красную жизнь, на славную смерть! — воскликнули окружавшіе старика.

— Все красно, ребятушки, да не такъ какъ солнце! — возразилъ онъ: — Прежде бывало, московскія князья засылали къ нама гонцовъ и велерѣчиво просили черезъ нихъ подмоги. Дмитрій Іоановичь не зналъ какъ чествовать насъ, когда на Куликовомъ полѣ четыредясятъ тысячъ новгородцевъ отстаивали Русь противъ поганой татарвы, хоть послѣ и озлобился на насъ, что мы въ явѣ и безъ всякаго отчета стали придерживаться своего самосуда, да дѣлать нечего, изъ Москвы-то стало пепелище, такъ выжгли ее татары, что хоть шаромъ покати, не за что не зацѣпиться; кой гдѣ только торчали верхи, да столбы, да стѣны обгорѣлыя. Видно, понадобилось ему золото новгородское — подступилъ. Мы не прочь, выбирай любое: деньги, али битву. Взялъ первое, да и пошелъ обстраиваться, а къ намъ-то татары никогда и ноги не заносили непріязненно. Соберемъ дань, пошлемъ въ Москву и раздѣлывайся ею московскій князь съ ордою, какъ разсудитъ.

Нынѣшній-то лихъ что-то, а то, бывало, указывали мы путь обратный и московской и литовской дружинамъ; вольница-то новгородская не очень робѣла и тѣхъ и другихъ. Какъ послышимъ: поднимается на насъ врагъ—и въ усъ не дуетъ; каждый новгородецъ накинетъ шапку молодецки на одно ухо, подопрется и ходитъ козыремъ: по немъ хоть трава не рости, готовъ и на хана и на пана! Вамъ грозятъ, а на вѣчѣ голосятъ: не спугнешь ножнами, когда ножа не боимся. Впервые, что-ли намъ слушать угрозы московскія? Кассы наши полны, закрома тоже, да и желѣзное снадобье отпущено. Что намъ? Мы своихъ болярей имѣемъ, намъ свои грамоты оставлены Ярославомъ Великимъ, ссылаемся на нихъ, да на крѣпкія головы землякевъ своихъ—и съ нами Богъ, умремъ за св. Софію.

— И вѣстимо!—подхватили слушатели:— Московскій князь насъ не поитъ, не кормитъ, а насъ-же обираетъ: что-жъ намъ мѣнять головы на шапки. Званыхъ гостей примемъ, а незваныхъ проводимъ. Умремъ за св. Софію!

VI.

Чурчило.

Гулко раскатились эти крики по площади и послужили какъ-бы призывомъ для рослаго и плечистаго молодца. Онъ не вбѣжалъ, а скорѣе влетѣлъ въ толпу.

Невысокая бархатная голубая шапка съ золотымъ позументомъ по швамъ, съ собольимъ околышемъ и серебряною кисточкой на на тульѣ, была заломлена ухорски на бокъ; короткій суконный кафтанъ съ перетяжками, стянутый алымъ кушакомъ, и лосинная исподница, виднѣлись на немъ черезъ широкій охабень, накинутый на богатырскія плечи; бѣлыя голицы съ выпушкой и кисой съ костяною ручкою мотались у него на стальной цѣпочкѣ съ лѣваго бока; черные быстрые глаза, нѣсколько смуглое, но пріятное открытое лицо, чуть оттѣненное нѣжнымъ пухомъ бороды, стройный станъ, легкая и смѣлая походка и приподнятая нѣсколько къ верху голова придавало ему мужественный и красивый видъ.

— Чурчило! Чурчило! Отколѣ тебя Богъ принесъ? Легокъ на поминѣ!.. Ну, что, какъ живешь,-можешь? — раздавались радостныя привѣтствія въ толпѣ.

— Да живется, братцы, какъ живется, а можется, какъ можется!—отвѣчалъ душа новогородскихъ охотниковъ *), снимая шапку и раскланиваясь на всѣ стороны.

— Гдѣ побывалъ, добрый молодецъ, что послѣднимъ поспѣлъ на совѣтъ нашъ?—спросилъ его старикъ разсказчикъ.

— Земляки знаютъ меня,—отвѣчалъ Чурчило:—на схваткѣ я бываю не послѣднимъ,

---

*) Охотниками прозывали молодцевъ, промышлявшихъ набѣгами на сосѣднія земли.

а думу раздумывать, сознаюсь прямо, не моего ума дѣло, да и о чемъ?

— Знаю тебя, отъемная голова!—замѣтилъ старикъ:—Въ кого ты уродился,—дѣдовскій въ тебѣ норовъ. Таковъ былъ и Абакуновъ при Дмитріѣ Іоанновичѣ, предводитель вольной шайки новгородской; онъ тоже всегда молчалъ, но за то красно и убѣдительно говорилъ его мечъ-кладенецъ.

— Таперича надо и раздумать,—вставилъ одинъ видный парень изъ толпы:—Скажи, Чурчило, на какую сторону болѣе склоняется твое ретивое?

— Вѣстимо, къ родинѣ лежитъ,—твердо отвѣтилъ онъ,—и за нее куда придется, въ огонь или въ воду, въ гору или въ пропасть, за кѣмъ бѣжать или кого встрѣчать—я всюду готовъ.

— А мы съ тобой!—воскликнули окружающіе:—Хватайся, ребята, за палку, кинемъ жребій, кому достанется быть его подручнымъ...

— Постойте, не спѣшите, ваша рѣчь впереди,—остановилъ ихъ старикъ и, обратишись къ Чурчилѣ, расправилъ свою бороду и сказалъ съ удареніемъ:—Ты, правая рука новгородской дружины, смекни-ка, сколько соберется на твой кличъ, можно-ли рискнуть такъ, что была не была? Понимаешь ты меня—къ добру-ли будетъ?

Чурчило молчалъ.

Старикъ пристально посмотрѣлъ на него и добавилъ:

— Вѣдомо-ли тебѣ, что вѣсть залетѣла недобрая въ нашу сторону. Московская гроза,

вишь, хочетъ разаразится надъ нами мечами и стрѣлами, достанется и на нашъ пай.

— Такъ вы объ этомъ такъ разболтали языкомъ вѣчевого колокола?—вмѣсто отвѣта, съ презрительнымъ равнодушіемъ спросилъ Чурчило:—Я ходилъ въ Чортову лощину, ломался тамъ съ медвѣдемъ, захотѣлось къ къ зимѣ новою шубу на плечи, али полость къ пошевнямъ, такъ мнѣ недосужно было разбирать да прислушиваться: о чемъ перекоряются между собою степенные посадники.

— Подай, вишь, Москвѣ на огнеметы*) перелить нашъ колоколъ, да на сожженіе законные грамоты наши, а послѣ...

— Широко шагаютъ, — вспыхнулъ Чурчила, прервавъ старика,—не видали мы ихъ брата-супостата. Что намъ вѣче—тинистое болото, въ которомъ квакаютъ лягушки, что имъ вздумается. За пригоршню золота, да за десятокъ ядеръ отступятся онъ правъ своихъ. Такъ что-же вы, братцы, не разсудите до сихъ поръ,—окинулъ онъ всѣхъ быстрымъ огневымъ отвѣтнымъ взглядомъ:—Мы-то что-жъ? Пусть ихъ звонятъ и колоколомъ и языками... Намъ то любо. Слышь, трезвонятъ. Вотъ такъ, качай во всю и припляснуть можно!.. Что ужъ давно не звонили?.. А свыклись мы съ этимъ раздольнымъ голосомъ: такъ и подступаетъ къ сердцу смертная охота рванутся на цѣлую ватагу,—а то вѣдь и мертвымъ стало не въ чемъ позавидовать живымъ. Облежались мы до

*) Пушки

пролежней безъ всякаго дѣла... Давайте же руки, братцы, жмите крѣпче, до слезъ. Пусть бояре хитроумничаютъ, а мы затѣемъ свое дѣло... Кто за мной?

— Мы всѣ за тобой, удалой молодецъ!— закричалъ народъ,—пойдемъ мечи острить.

Толпа съ воинственнымъ крикомъ кинулась вслѣдъ за Чурчилою, почти бѣжавшимъ по площади.

— Прямой соколъ,—замѣтилъ, глядя ему вслѣдъ старикъ,—ретивое у него доброе, горячо преданъ родинѣ... Кабы въ стадо его не мѣшались-бы козлы да овцы паршивыя, да кабы не щипало его молодецкое сердце зазнобушка,—онъ-бы и сатану добылъ, онъ-бы и ему перехватилъ горло могучей рукой также легко, какъ сдернулъ-бы съ нея широкую варишку.

VII.

Вѣче.

На вѣчѣ, между тѣмъ, въ обширной четырехугольной храминѣ, за невысокимъ, но длиннымъ столомъ, покрытымъ парчевою скатертью съ золотыми кистями и бахрамой сидѣли: князь Шуйскій-Гребенка, тысяцкій, посадники и бояре, а за другимъ—гости, житые и прожитые люди.

На столахъ были накиданы развернутые столбцы законовъ, договорныхъ и разныхъ крестоцѣловальныхъ грамотъ. Не всѣхъ же-

лающихъ видѣть это собраніе, слышать совѣщаніе допускали внутрь вѣча, такъ какъ тамъ уже и безъ того было тѣсно.

Два копейщика съ сѣкирами въ рукахъ охраняли двери, около которыхъ на дворѣ и на площади, какъ мы уже видѣли, толпилось громадное количество народа.

Князь Василій Шуйскій-Гребенка съ тысяцкимъ Есиповымъ, въ бархатныхъ кафтанахъ съ серебряными застежками, сидѣли на почетномъ мѣстѣ въ серединѣ стола, возлѣ нихъ по обѣ стороны помѣщались посадники Ѳома, Кириллъ и другіе.

Марѳа, важно раскинувшись по скамьѣ съ задкомъ; въ дорогомъ кокошникѣ, горящимъ алмазами и другими драгоцѣнными камнями, въ штофномъ струистомъ сарафанѣ, въ богатыхъ запястьяхъ и въ длинныхъ жемчужныхъ серьгахъ, съ головою полуприкрытою шелковымъ съ золотою оторочкою покрываломъ, сидѣла по правую сторону между бояръ; рядомъ съ нею помѣщалась Настасья Ивановна, въ парчевомъ повойникѣ, тоже украшенномъ самоцвѣтными камнями, въ покрывалѣ, шитомъ золотомъ по червчатому атласу и въ сарафанѣ, опушенномъ голубою камкою. Сзади нихъ стоялъ Болеславъ Зверженовскій, въ темно-гвоздичномъ полукафтанѣ, обложенномъ серебряной битью.

Вокругъ нихъ толпился народъ, успѣвшій проникнуть въ храмину.

Подъячій Родька Косой, какъ кликали его бояре, чинно стоялъ въ углу перваго стола и по мѣрѣ надобности раскапывалъ

столбцы и, сыскавъ нужные, прочитывалъ вслухъ всему собранію написанное. Давно уже шелъ споръ о «черной, или народной, дани». Миромъ положено было собрать двойную и умилостивить ею великаго князя. Такого мнѣнія было боль шинство голосовъ.

Возражать встала Мареа Борецкая.

— Честные бояре и посадники!—сказала она:—Думаете-ли вы этимъ или чѣмъ другимъ, даже кровью нашихъ гражданъ, залить ярость ннасытнаго? Ему хочется самосуда, и этой бѣды руками не разведешь, особенно не вооруженными.

— Этого мы и въ умѣ не хотимъ держать!—прервалъ ее Василій Шуйскій, ея личный врагъ, но и вѣрный сынъ своей родины:—Развѣ его мечъ не налегалъ уже на наши стѣны и тѣла? Я подаю свой голосъ противъ этого, такъ какъ служу отечеству.

— Онъ не служитъ, а подслуживаетъ!—шепнулъ Мареѣ Зверженовскій.

Послѣднюю обдало, какъ варомъ, это несогласіе съ нею Шуйскаго.

— Князь,—воскликнула та, сверкнувъ глазами:—Къ чему-же и на что употребляешь ты свое мужество и умъ? Врагъ не за плечами, а за горами, а ты уже помышляешь о подданствѣ.

Князь Василій въ свою очередь распалился гнѣвомъ, замѣтя ея сношеніе съ Зверженовскимъ.

— Мы вѣрили тебѣ, боярыня, да провѣрились,—заговорилъ онъ:—И тогда литвины сидѣли на вѣчѣ чурбанами и дѣлали

одинъ раздоръ! Я самъ готовъ отрубить себѣ руку, если она довременно подпишетъ миръ съ Іоаномъ и въ чемъ-либо уронитъ честь Новгорода, но теперь намъ грозитъ явная гибель... Коли хочешь, натыкайся на мечъ сама и съ своими клевретами.

— Но и самосуда мы не потерпимъ! Сколько вѣковъ славился Новгородъ могуществомъ своимъ и какимъ-же яркимъ пятномъ позора заклеймимъ мы его и себя, когда безъ битвы уступимъ чужестраннымъ пришельцамъ тѣ мѣста, гдѣ почиваютъ тѣла новгородскихъ заступниковъ и гдѣ положены головы праотцевъ нашихъ!—важно сказалъ тысяцкій Есиповъ.

— Боже оборони и слышать объ этомъ!—воскликнулъ Шуйскій:—Первая рука, которая протянется за нашей хранительной грамотой, оставитъ на ней пальцы. Но зачѣмъ-же самимъ заводить ссору?

— Да исчезнетъ врагъ!—раздались возгласы посадниковъ и народа.

— Родька—сказалъ тысяцкій, обращаясь къ подъячему,—прочти-ка еще поразстановистѣе запись великаго князя.

И Родька громкимъ голосомъ прочелъ ее еще разъ.

Всѣ снова ужаснулись и даже самые мирные граждане, расположенные къ великому князю, повѣсили головы.

— Ишь, требуетъ вѣча! самаго двора Ярославлева. Мы и такъ терпѣли его самовластіе, а то отдать ему эти святилища правъ нашихъ. Это значитъ торжественно

отречься отъ нихъ! Новгородъ судится своимъ судомъ. Нашъ Ярославъ Великій заповѣдывалъ хранить его!.. Месть Божія надъ нами, если мы этого не исполнимъ! Московскіетріуны будутъ кичиться на нашихъ мѣстахъ и порѣшать дѣла и властвовать надъ нами! Мы провидѣли это; всѣ слуги—рабы московскаго князя—недруги намъ. Кто за него, мы на того!

— Проклятіе, проклятіе, двоедушнымъ косноязычникамъ Назарію и Захарію. И когда мы обсылались черезъ нихъ съ московскимъ княземъ? Это голая ложь! Анаѳемы! Самъ владыко произнесъ это.

— Да что владыко? Онъ за князя подаетъ голосъ, стало быть супротивъ насъ!

Таковы были разнообразные возгласы народа, подстрекаемаго Мареой и ея сообщниками.

Лишь немногіе члены вѣча задумчиво молчали.

Начавшійся нестройный шумъ голосъ вызвалъ владыку Ѳеофила, который, пробравшись сквозь почтительно разступившуюся передъ нимъ толпу, воскликнулъ;

— Необузданные мятежники! Зачѣмъ-же вызвали вы меня изъ моей смиренной кельи на позорище мятежа? Нѣтъ вамъ моего благословенія; дѣлайте что хотите. Горе вамъ, непослушные! на начинающихъ—Богъ!

Голосъ его былъ заглушенъ дикими криками и онъ быстро удалился, всплеснувъ руками.

— Суетная земля!—былъ его заключительный возгласъ.

Тогда воспрянула Мареа. Шуйскаго она не такъ опасалась, какъ Ѳеофила, но, замѣтивъ и къ послѣднему холодность народа и побѣду своихъ широкогорлыхъ соумышленниковъ, она громко и оживленно заговорила:

— Настало время управиться съ Іоанномъ! Онъ не государь, а лиходѣй нашъ. Великій Новгородъ самъ себѣ властелинъ, а не отчизна его. Казиміръ польскій возьметъ нашу сторону и не дастъ насъ въ обиду, митрополитъ-же кіевскій, а не московскій, дастъ архіепископа св. Софіи, вѣрнаго за насъ богомольца.

Эти слова вызвали у толпы восторженные клики одобренія, починъ которымъ дали, конечно, клевреты Мареы Посадницы.

VIII.

Бунтъ.

Между людьми, не принимавшими сторону бунтовщиковъ, находились: знатный мужъ Василій Никифоровъ, бояринъ Захарій Овинъ, братъ его Кузьма Овинъ и нѣсколько другихъ, лично доброжелательствовавшихъ Іоанну и цѣнившихъ его за умъ и энергію. Они держали его сторону, и Василій Никифоровъ обратился къ народу:

— Братія, вразумитесь, что вы замышляете? Измѣнить Руси и православію, поддаться иноплеменному королю, просить себѣ отъ еретика латышскаго святители и этимъ накликать на себя и гнѣвъ Божій и

правосудный мечъ государевъ? Вспомните, предки наши, славяне, вызвали изъ земли варяжской Рюрика, онъ княжилъ мудро и славно, что видно изъ преданій, а кровные потомки его болѣе шести вѣковъ законно властвовали надъ Великимъ Новгородомъ. Истинною-же и православною вѣрою обязаны мы св. Владиміру, а отъ него прямо происходитъ и Іоаннъ, латыши-же всегда были намъ невѣрны и ненавистны. Разсудите: къ кому-же болѣе должны мы обращаться сердобольно и молить о милостяхъ?

Увидя, что эти слова Василія Никифорова, шедшія прямо изъ сердца, и крупныя слезы, катившіяся на его сѣдую бороду, начали трогать слушателей, Мареа, поддерживаемая своими воскликнула:

— Ты, злой кудесникъ, давно съякшался съ Ивашкой на погибель своихъ соотечественниковъ и хитро точишь свои медовыя рѣчи, чтобы заманить и насъ въ свои сѣти. Исчезни, коварный старикъ! Да обратится на тебя все зло, которое ты готовишь намъ.

— Да оглушитъ тебя громъ Божій, жена дьявола!—громко заговорилъ было Василій Никифоровъ, но самъ былъ оглушенъ восклицаніями:

— Не хотимъ Іоанна, да здравствуетъ Казиміръ! Да исчезнетъ Москва!

Небольшая кучка защитниковъ Іоанна отвѣчала криками.

— Не хотимъ Казиміра! Да здравствуетъ Іоаннъ!

Мареа, выйдя съ клевретами своими изъ храмины на Ярославовъ дворъ, распорядилась разсыпать народу нѣсколько четвериковъ пулъ *), раздать по оловяннику **) меду на брата и подала знакъ, по которому туча камней полетѣла на ея ослушниковъ. Иные, сраженные, попадали, другіе разбѣжались а крики толпы становились все громче.

— Хотимъ за короля, мечъ на Іоанна!

— Хотимъ къ Москвѣ православной, къ Іоанну и отцу его Геронтію! ***), прокричалъ на Софійской площади Василій Никифоровъ, насилу выбравшійся на нее, прочистя себѣ путь мечемъ, но голосъ его остался безъ отголоска.

Явилась щедрая Мареа со своей челядью и обратилась къ народу:

— Если вы, мужья, къ великому позору Великаго Новгорода, отрекаетесь биться съ москвитянами, то ступайте сторожить и прятать имущество свое отъ разбойничьей шайки Іоанновой; а мы, жены, пойдемъ на бойницы и будемъ защищать васъ, робкихъ мужей!

Народъ или, вѣрнѣе сказать, толпа бунтовщиковъ, возбужденная хмѣлемъ, стыдомъ, жаждой мщенія, остервенилась.

— Повели, боярыня, на кого намъ? Что

---

*) Новгородское тѣсто того времени.

**) Оловяннах кружка.

***) Митрополитъ московскій, бывшій послѣ св. Филиппа.

начать?.. Вольные новгородцы не посрамятъ себя!..

— Казнь измѣнникамъ! Они соглядатаи и предатели отечества!—воскликнула Мароа, указывая на Василія Никифорова.

Въ мигъ неистовая толпа ринулась на него, вцѣпилась въ него десятками рукъ и потащила снова на вѣче, нанося чѣмъ попало ему удары.

— За что и куда тащите вы меня такъ позорно, какъ татя?—слабымъ голосомъ говорилъ мученикъ.

— Ты соглядатай, ты предатель, ты измѣнникъ, ты Іуда!—кричала толпа.

— Нѣтъ, видитъ Богъ, я правъ; кровь моя останется на васъ и когда-нибудь сожжетъ ваши души, совѣсть загложетъ васъ, богопротивники, и тебя, гнусная жена-змѣя!.. Я клялся Іоанну въ доброжелательствѣ, но безъ измѣны моему истинному государю, Великому Новгороду, безъ измѣны вамъ, моимъ брат...

Онъ не успѣлъ окончить. Убійственный топоръ звякнулъ, и голова его отскочила отъ туловища, и покатилась по песку, чертя по немъ кровавые слѣды. Нѣкоторые дрогнули, другіе же, остервенясь еще болѣе, продолжали волочить по площади обезглавленное тѣло, схватили Захарія Овина, брата его Кузьму и убили ихъ обухомъ топора.

Оба умерли почти не вскрикнувъ.

Началась дикая расправа надъ тѣлами: толпа тѣшилась, рубя ихъ на куски, и любовалась зрѣлищемъ, какъ эти окровавленные куски прыгали подъ саблями и топорами.

Бросились расхищать балаганы и лавки на Славковой улицѣ. На дворѣ архіепископскомъ тоже грабили и сажали въ застѣнокъ *) подозрительныхъ людей, которыхъ тутъ-же безъ допроса и суда убивали.

Усталые отъ кровавой работы подходили эти люди-звѣри къ выставленнымъ для нихъ догадливой Мареой чанамъ съ брагой, медомъ и виномъ: кто успѣвалъ—черпалъ изъ нихъ розданными ковшами, а у кого послѣдніе были вышиблены въ общей сумятицѣ, тѣ черпали окровавленными пригоршнями и пили это адское питье, состоявшее изъ польской браги и русской крови.

Шумъ, ропотъ, визгъ, вопли убиваемыхъ, заздравные окрики, гикъ, смѣхъ и стонъ умирающихъ—все слилось вмѣстѣ въ одну страшную какофонію.

Ничкомъ и навзничь лежавшія тѣла убитыхъ, поднятыя булавы и сѣкиры на новыя жертвы, толпа обезумѣвшихъ палачей, мчавшихся: кто безъ шапки, кто на распашку съ засученными рукавами, обрызганными кровью руками, которая капала съ нихъ, - все это представляло поразительную картину.

— Ты что-жъ, соколъ, стоишь безъ дѣла и не бьешь измѣнниковъ? Али и тебѣ крылья перешибли?—спросилъ знакомый уже намъ старикъ-балагуръ, столкнувшись нечаянно съ Чурчилой, томно и задумчиво смотрѣвшимъ на ужасную картину побоища.

— Я люблю биться, а не бить!—отвѣтилъ

*) Тюрьма.

ему мрачно тотъ и, отвернувшись, быстро пошелъ въ другую сторону.

— Постой, я понимаю тебя, молодецъ! Помаракуемъ-ка вмѣстѣ. Мы не этого ждали,— сказалъ старикъ, догоняя его.

Побоище продолжалось. Иной дрался поневолѣ. Быть безучастнымъ зрителемъ было небезопасно, могли какъ разъ принять за измѣнника. Не скоро руки палачей устали наносить удары, наступившій вечеръ не разогналъ ихъ. Кто-то догадался посвѣтить имъ: зажгли дома убитыхъ, и страшное пламя, откидывая на небо багровое зарево и наводя грозныя тѣни на двигавшихся во мракѣ убійцъ, придавало этой картинѣ видъ еще ужаснѣе, еще поразительнѣе.

— Вотъ такъ въ случаѣ и весь городъ запалимъ! Пусть москвитяне поживятся головнями нашими вмѣсто золота!—раздавались со всѣхъ сторонъ возгласы.

Мареа Борецкая съ своей шайкой была на площади до поздняго вечера, тайно прислушиваясь къ все еще продолжавшимся крикамъ и стонамъ, результатамъ ея адской работы.

Всѣ они то и дѣло натыкались на мертвыя тѣла.

Болеславъ Зверженовскій, шедшій рядомъ съ Мареой, чуть было не упалъ, споткнувшись обо что-то круглое.

Онъ нагнулся и поднялъ за волосы голову.

Блеснувшее зарево освѣтило ее—это оказалась голова Василія Никифорова.

— Вотъ онъ, ворогъ-то нашъ, на насъ те-

перь не осклабляется,—со смѣхомъ произнесъ онъ, поднося ее Борецкой.

Она взглянула. Въ закатившихся, полуоткрытыхъ глазахъ мертвой головы она, почудилось ей, прочитала страшный упрекъ. Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. На лбу выступилъ холодный потъ.

— Пора, давно уже ночь,—робко промолвила она, какъ-бы пораженная нависшимъ надъ ней мракомъ и быстро пошла по направленію къ своему дому.

Взглядъ мертвыхъ глазъ, казалось, преслѣдовалъ и подгонялъ ее

IX.

Въ кельѣ Ѳеофила.

Неистовства толпы еще продолжались нѣсколько дней.

Вольный народъ, т. е. чернь новгородская, передъ которой трепетали бояре и посадскіе, безчинствовала, пила мертвую, звонила въ колокола и рыскала по улицамъ, отыскивая мнимыхъ слугъ и совѣтниковъ Іоанновыхъ и расхищая у слабыхъ послѣднее достояніе. Дрались на смерть и между собою изъ-за добычи.

Новгородскіе сановники, принимавшіе въ началѣ сами участіе въ бунтѣ, опомнились первые, хотя и у нихъ въ головахъ не прошло еще страшное похмѣлье ими-же устроеннаго кроваваго пира. Ихъ озарила роковая мысль,

что если теперь ихъ застанутъ врасплохъ какіе-бы то ни было враги, то, не обнажая меча, перевяжутъ всѣхъ упившихся и овладѣютъ городомъ, какъ своею собственностью, несмотря на то, что новгородская пословица гласитъ: «Новгородецъ хотя и пьянъ, а все на ногахъ держится».

Многіе держались уже только на рукахъ.

Задумались люди сановитые, стали собираться каждый день на вѣче, почесывали затылки, теребили свои бороды и, наконецъ, рѣшили—бить челомъ владыкѣ Ѳеофилу, чтобы онъ благословилъ принять на себя трудъ голосомъ духовнаго слова не только успокоить неистовую толпу, но и запретить народу, подъ страхомъ проклятія, отлученія отъ церкви, гнѣва Божія и наказанія, буйствовать и разбойничать.

Жребій вести рѣчь владыкѣ выпалъ на степеннаго посадника Ѳому, прочіе-же бояре и посадники рѣшили сопровождать его. Не теряя времени отправились они пѣшкомъ въ смиренную келью архіепископа. Недоходя еще до двери его, они обнажили головы, а войдя въ нее Ѳома отдѣлился отъ нихъ, пошелъ впередъ и обратился съ просьбой къ привратнику, чтобы онъ сказалъ келейнику, что бояре и посадники и всѣ сановитые и именитые люди новгородскіе просятъ его доложить владыкѣ, не дозволитъ-ли онъ предстать имъ передъ лицо свое и молить его скорбно и слезно объ отпущеніи многочисленныхъ грѣховъ ихъ передъ нимъ.

Черезъ нѣсколько времени архіепископъ

Ѳеофилъ вышелъ самъ на крыльцо и строго обратился къ нимъ:

— Да разсыплятся племена нечестивыя, алчущія брани, и будутъ поражены молніей небесною и, яко псы голодные, лижутъ землю языками своими! Чего еще хотите вы отъ меня?

— Благодушный пастырь нашъ!—отвѣчалъ за всѣхъ Ѳома, преклоняя колѣно:—Человѣкъ рожденъ со страстями. Молимъ тебя, праведный, обрати гнѣвъ на милость, спаси Великій Новгородъ—онъ гибнетъ.

Слезы брызнули изъ его глазъ и онъ, окончивъ свою рѣчь, низко опустилъ свою голову.

— Безумные, вы сами хотѣли этого... Спасеніе града нашего въ руцѣ Божіей. Покайтесь! Я могу только умилостивить Его; соединяя свои молитвы съ вашими,—замѣтилъ тронутый Ѳеофилъ.

— Этого и жаждемъ мы, владыко святый. Воззри на раскаивающихся, благослови начинаніе наше и помоги намъ,—молящимъ тономъ произнесъ Ѳома.

— Дѣти мои,—заговорилъ архіепископъ тихимъ ласковымъ голосомъ, послѣ нѣкоторой паузы, обведя всѣхъ стоявшихъ передъ нимъ проницательнымъ взглядомъ,—знаю, что духъ и плоть—враги между собою. Тѣсно добродѣтели уживаться въ семъ мірѣ срочномъ, мірѣ испытанія, за то просторно будетъ въ будущемъ, безграничномъ. Не ропщите-же, смиритесь: претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ—глаголетъ Господь. Но вы сами возму-

щаете, богопротивники, братій своихъ и на долго-ли раскаиваетесь?

Пристыженные сановники молчали.

Онъ продолжалъ:

— Думаете-ли вы, что я не сочувствую вамъ въ общей горести и гибели отечества? Развѣ запамятовали вы мои услуги ради его? Не я-ли выкланялъ у московскаго князя гибнувшія права наши и настоялъ: быть Новгороду Великимъ? Вы сами положили начало той язвы, которой теперь страждете. Сколько разъ я внушалъ вамъ благія мысли: смиритесь—и все дастся вамъ, и успѣхомъ увѣнчаются дѣла ваши, а вы какъ исполняли слова мои, какъ угождали св. Софіи? Развѣ такъ подобаетъ защищать ее—распрями и убійствами? Я сдѣлалъ все, что возлагаетъ на меня санъ мой, рвеніе и любовь къ отчизнѣ. И мое сердце кипитъ любовію къ ней подъ черною рясою, но я сомнѣваюсь въ васъ, въ вашемъ послушаніи.

— Будемъ послушны во-вѣки,—воскликнули въ одинъ голосъ присутствующіе и преклонили свои головы.

Архіепископъ осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ и пригласилъ къ себѣ для совѣщанія.

Вѣчевой колоколъ все еще заливался, кровь лилась на площадяхъ.

Въ одномъ мѣстѣ черпали вино изъ полуразбитыхъ бочекъ шапками, въ другомъ рвали куски парчей, дорогихъ тканей, штофовъ, сукна и прочихъ награбленныхъ товаровъ, какъ вдругъ съ архіепископскаго

двора показался крестный ходъ, шедшій прямо на встрѣчу бунтовщикамъ; клиръ пѣвчихъ шелъ впереди и пѣлъ трогательно и умиленно: «Спаси, Господи, люди Твоя». Владыко Ѳеофилъ, посреди ихъ, окруженный сонмомъ бояръ и посадниковъ шелъ тихо, величественно, подъ развивающимися, хоругвями, обративъ горѣ свои молящіе взоры и воздѣвъ руки къ небу.

Пораженные какъ громомъ, бунтовщики окаменѣли и остались неподвижно въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ застало ихъ это чудное видѣніе.

Руки, державшія добычу, замерли на минуту, затѣмъ поднялись для молитвы, шапки покатились съ головъ, но толпа не смѣла поднять глазъ и, ошеломленная стыдомъ, пошатнулась и пала на колѣни, какъ одинъ человѣкъ.

Архіепископъ, молча, не взглянувъ на народъ, не удостоивъ его благословенія и не допустивъ приложиться къ Животворящему Кресту, прошелъ къ соборному храму св. Софіи, помолился у золотыхъ вратъ его. Такъ называются мѣдныя, вызолоченныя, ворота, по народному преданію, вывезенныя изъ Корсуни или Херсонеса,—онѣ находятся на западной сторонѣ церкви,—знаменитая древняя рѣдкость, сохранившаяся до послѣднихъ дней.

Послѣ краткой молитвы у этихъ вратъ процессія тронулась къ городскимъ стѣнамъ.

X.

Отвѣтъ великому князю.

Прошло еще нѣсколько дней.

Софійская площадь очистилась. Мертвыя тѣла поклали на носилки и похоронили по христіанскому обряду за городскимъ валомъ, колокола замолкли, и вѣче перестало представлять собою простую мірскую сходку.

На первомъ мѣстѣ въ храминѣ засѣдалъ архіепископъ, подлѣ него тысяцкій Есиповъ, князь Василій Шуйскій, посадники Ѳома, Кириллъ и другіе. Марѳа-же съ Настасьей Ивановной уѣхали посѣтить свои села, находившіяся близъ Соловецкой обители.

Великокняжескаго посла, боярина Ѳедора Давыдовича, жившаго на Городице съ многочисленной дружиной, чествовали, какъ подобаетъ, ни чѣмъ не обижали, только не допускали на вѣче и рѣшились отпустить къ великому князю съ записью отъ имени вѣча Новгородскаго.

— Люди новгородскіе!—сказалъ Ѳеофилъ,— я написалъ отвѣтную грамоту въ Москву, останетесь-ли вы довольны ею?

Подъячій Родька Косой началъ громко читать ее, поглаживая свою бороду:

«Отъ Вѣча Великаго Новгорода къ Великому Князю Московскому и проч. отвѣтственная грамота!»

«Кланяемся тебѣ, Господину нашему, Князю Великому, а государемъ не зовемъ. Судъ твоимъ намѣстникамъ оставляемъ на сторонѣ, на Городищѣ, и по прежнимъ извѣстнымъ тебѣ условіямъ; дозволяемъ имъ править дѣлами нашими, вмѣстѣ съ нашими посадниками и боярами, но твоего суда полнаго и тіуновъ твоихъ не допускаемъ и дворища Ярославлева тебѣ не даемъ; хотимъ же жить съ тобою, Господиномъ хлѣбосольно, согласно, любезно, по договору, утвержденному съ обѣихъ сторонъ по Коростынѣ, въ недавнемъ времени».

«Кто же тебѣ предлагаетъ быть государемъ нашимъ, Великаго Новгорода, тѣхъ самихъ вѣдаешь, и то, какъ подобаетъ наказывать за криводушіе. Мы здѣсь также управились съ своими предателями, и ты не взыскивай съ насъ за самосудъ, данный намъ предкомъ твоимъ, Ярославомъ Великимъ, каковымъ мы нынче и воспользовались, сирѣчь, въ силу онаго дозволенія, не переступая нашей къ тебѣ чтимости и покорности».

«Молимъ и взываемъ къ тебѣ, Господинъ, всеусердно и всеуниженно: держи насъ по старинѣ, по крестному цѣлованію; и мы всегда будемъ вѣрными слугами тебѣ, и отчизнѣ твоей Великому Новгороду».

Руки приложили: владыка Великаго Новгорода, архіепископъ Ѳеофилъ, тысяцкій Ксенофонтъ Есиповъ, ново избранный дьякъ Титъ, по реклу: Остановъ, и проч.

— А если Іоанну не любо будетъ наше

посланіе?—замѣтилъ князь Шуйскій,—чего должны ожидать тогда?

— Битвы,—почти въ одинъ голосъ отвѣчали Есиповъ, Ѳома, Кириллъ и другіе.

Архіепископъ задумчиво молчалъ. Онъ чувствовалъ, что не уговорить ему своихъ согражданъ къ безусловному подданству, да и самому тяжело было рѣшать все лишь въ пользу Іоанна.

— Но въ силахъ-ли мы бороться съ нимъ?—понизя до шепота голосъ, промолвилъ дьякъ Ксенофонтъ.

Никто не отвѣчалъ.

— А ужъ когда онъ одолѣетъ насъ,—прибавилъ онъ,—много рѣзни будетъ, до сыта натѣшится мечъ его кровью новгородскою. Надобно чѣмъ нибудь отвратить эту грозу великую, черную...

— Красную, кровавую и непреодолимую,—продолжалъ его мысль посадникъ Ѳома:—На насъ она покатится, надъ нами и разразится! Тогда я первый не скрываю своего намѣренія поддаться Литвѣ.

Молодой парень, слушавшій съ прочимъ народомъ мнѣнія бояръ, стоялъ въ углу храмины и давно уже съ досады кусалъ губы и рвалъ оторочку своей шапки.

Послѣднія слова о подданствѣ Литвѣ, произнесенныя Ѳомою, заставили его вздрогнуть. Онъ сбросилъ съ себя охабень и бюстро вышелъ впередъ, окинулъ всѣхъ присутствующихъ орлинымъ взглядомъ своихъ глазъ, сверкающихъ и блестящихъ, какъ полировянный листъ.

— Владыко святый,—началъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—и вы всѣ, разумные, совѣтные мужи новгородскіе, надежда, опора наша, ужели вы хотите опять пустить этихъ хищниковъ литвиновъ въ нѣдра нашей отчизны? Скажите-же кто защитить ее теперь отъ нихъ, или отъ самихъ васъ? Развѣ они не обнажали уже не разъ передъ вами черноту души своей, и развѣ руки наши слабы держать мечь за себя, чтобы допускать еще завязнуть въ этомъ дѣлѣ лапамъ хитрыхъ пришельцевъ?

— Мальчикъ!—возразилъ ему Ѳома съ замѣтнымъ неудовольствіемъ,—что-же ты нашелъ противнаго въ литвинахъ, что у нихъ волчьи зубы, или лисьи хвосты?

— И то, и другое, чтимый мужъ, если хочешь, чтобы мальчикъ вразумилъ твои сѣдины!—отвѣчалъ ему гордо молодецъ.

— Чурчило, ты забываешься, такъ иди-же вонъ отсюда немедля!—вскричали въ одинъ голосъ Ѳома и Кириллъ.

— Уйду и унесу съ собою ретивое, которое бьется любовію къ родинѣ также сильно, какъ рука эта будетъ вертѣть головы вашихъ заступниковъ—челядинцевъ, и это такъ-же вѣрно, какъ то, что я называюсь Чурчилою!—сказалъ пристыженный и взбѣшенный витязь Новгорода и, натянувъ голицу свою, сжалъ кулакъ и быстрыми шагами вышелъ изъ вѣча.

— Я говорилъ тебѣ, что этотъ мальчикъ вреденъ и языкомъ и кулакомъ своимъ Новгороду. Слава Богу, что я это узналъ во

время!—замѣтилъ нахмурившись Ѳома Кириллу.

— Онъ пылокъ, но добръ. Однако, здѣсь не время и не мѣсто объясняться о немъ; теперь приходится всякому думать о себѣ,— съ досадой отвѣтилъ ему Кириллъ.

— На сей разъ довольно!—сказалъ владыко, вставая съ своего мѣста.

На его лицѣ ясно отпечатывались слѣды глубокихъ думъ.

Всѣ встали за нимъ.

Колоколъ ударилъ нѣсколько разъ, означая окончаніе засѣданія, и народъ, трепетно, съ какимъ-то вѣщимъ, не добрымъ предчувствіемъ смотрѣлъ на бояръ, тихо и задумчиво расходящихся по домамъ.

XI.

На берегу Волхова.

Ярко и весело свѣтилъ мѣсяцъ на землю, звѣздочки при немъ чуть искрились, то пропадали, то снова сверкали въ темной синевѣ горизонта, какъ рѣзвыя рыбки въ чистой водѣ блистаютъ своей серебристой чешуею.

Въ Новгородѣ ярко горѣли огни, но мракъ вечера давно уже сгущался; наступала ночь, свѣтлая, роскошная. Огни одинъ за другимъ стали потухать, и скоро вѣчно живой городъ, слившись вдали съ горизонтомъ въ одинъ блѣдный свѣтъ, затихъ и заснулъ.

На берегу рѣки Волхова сидѣлъ приго-

рюнившись добрый молодецъ. Съ правой стороны его стоялъ осѣдланный конь и билъ копытами о землю, потряхивая и звеня сбруею; съ лѣвой—воткнуто было копье, на которомъ развѣвалась грива хвостнаго стального шишака; самъ онъ былъ вооруженъ широкимъ двуострымъ мечемъ, висѣвшимъ на стальной цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ кушаку, чугунныя перчатки, крестъ-на-крестъ сложенныя, лежали на его колѣняхъ; черезъ плечо висѣлъ у него на шнуркѣ маленькій серебряный рожокъ; на обнаженную голову сидѣвшаго лились лучи луннаго свѣта и полуосвѣщали черныя кудри волосъ, скатившіеся на воротникъ полукафтанья изъ буйволовой кожи; тяжелая кольчуга облегала его грудь.

Онъ молчалъ и лишь порою затягивалъ какую-то заунывную пѣсню, глядя пристально и печально на Новгородъ и считая разсѣянно волны, бившіяся о берега.

Вдругъ ему послышался приближающійся отъ города звукъ конскихъ копытъ.

Онъ приложилъ ухо къ землѣ—звукъ слышался явственнѣе, и конь его насторожилъ уши. Вскорѣ показался конникъ, осматривающій пристально окрестности, какъ-бы на поискахъ. Заслышавъ шорохъ у берега, всадникъ свернулъ туда своего коня, вглядѣлся на полулежавшаго молодца и, радостно воскликнулъ: «Чурчило!», соскочилъ съ лошади и заключилъ его въ свои объятія.

— Постой, Димитрій, ты задушишь меня, какъ слабаго ребенка,—заговорилъ Чурчило

(это былъ онъ) въ свою очередь дружески обнимая прибывшаго,—я и такъ насилу дышу: у меня на сердцѣ камень, а въ душѣ—сиротство безсчастное!

— Такъ вотъ какъ поступаютъ наши задушевные-то—воскликнулъ Димитрій:—Помчался ты, какъ вихорь, невѣсть куда, и не сказалъ мнѣ прощальнаго словца! Богъ тебѣ судья, Чурчило! А мы съ тобой еще побратались на жизнь и смерть! Что я тебя изобидѣлъ что-ли чѣмъ, словомъ, али дѣломъ, аль нелюбымъ взглядомъ?

— Не кори меня ни тѣмъ, ни другимъ, братъ названный,—вздохнулъ тяжело новгородскій витязь:—Чудно тебѣ показалось отбытіе мое изъ родного края, особливо-же тогда, когда уже сковался я и кольцомъ обручальнымъ, но я еще чуднѣе дѣло повѣдаю тебѣ...

Крупная, какъ градина, слеза, скатившись по щекѣ его, разбилась о кольчугу.

— Да что ты, богатырская косточка, ужели и впрямь заплакалъ какъ баба? О чемъ-же? Разскажи скорѣй, не терпится?

— Эхъ, замолчи молодецкое сердце!—заговорилъ снова Чурчило, ударя себя въ грудь:—Дай вымолвить тоску-кручину другу закадычному! Нѣтъ, я веселъ, Димитрій, право, веселъ, какъ этотъ мѣсяцъ;—продолжалъ онъ, прикидываясь веселымъ—Да и о чемъ тосковать? Красотокъ много на бѣломъ свѣтѣ, а милая-то хоть и одна, да что-жъ? Коли забыла она слово клятвенное,

не въ омутъ же бросаться отъ того, чертямъ въ угоду.

Онъ улыбнулся, но эта улыбка была скорѣй болѣзненной гримасой.

— Такъ-то это такъ,—отвѣчалъ въ раздумьи Димитрій—да вотъ мнѣ не въ домекъ: во-первыхъ я тебя неузнаю, ты-ли это Чурчило-соколъ, кистень-рука, веселый, удалый, всѣмъ примѣръ, который, бывало, одинъ выходилъ на цѣлую стѣнку? во-вторыхъ, дивно мнѣ, какъ могла разлюбить тебя Настенька, новгородская звѣздочка? Хоть родитель ея, степенный посадникъ Ѳота Крутой, и впрямь крутъ, да твой родитель, Кириллъ, тоже посадникъ, не хуже его, они-же съ нимъ живутъ въ превеликовъ согласіи; издавна еще хлѣбъ-соль водятъ, такъ какъ и мы съ тобой, бывало, въ каждой схваткѣ жизнь дѣлили, зипуны съ одного плеча нашивали, да и теперь постоимъ другъ за друга, хоть ты меня и забылъ, сподручника своего, Димитрія Смѣлаго!

— Постой, братъ, не язви меня, дай передохнуть—все выскажу.

Глубоко и тяжело вздохнувъ, Чурчило началъ:

— Вѣдомо тебѣ хлѣбосольство и единодушіе отца моего съ Ѳомою и то, какъ они условились соединить насъ, дѣтей своихъ; памятно тебѣ, какъ потѣшались мы забавами молодецкими въ странахъ иноземныхъ, когда, бывало, на коняхъ перескакивали черезъ стѣны зубчатыя, крушили брони богатырскія и славно мѣрились плечами съ

врагами сильными, могучими, одолѣвали всѣ преграды и оковы ихъ, вырывали добро у нихъ вмѣстѣ съ руками и зубрили мечи свои о черепа противниковъ? Бывало, радость привольная обуяетъ удалыхъ такая, что десятью языками не сможешь разсказать о ней. А тотъ восторгъ, который чувствовалъ я въ душѣ при взглядѣ на мою суженую, когда благословили насъ Пречистой, когда вложили руки ея въ мою и наказали намъ жить въ любви и согласіи,—восторгъ, вознесшій меня на седьмое небо!.. Ахъ, Димитрій, еслибъ ты зналъ, еслибъ ты могъ знать, какъ билось мое ретивое!.. Бывало и смерть была мнѣ близкой сосѣдкой, и остріе меча мелькало передъ самыми глазами, но я не пугался, отобьешь его, да свое запустишь по самую рукоять—и правъ—и понесся далѣе, а тогда... О! нѣтъ, не умѣю!.. Какая она была приглядная, какъ понимала меня!.. Какъ хотѣла нѣжить мою буйную голову на колѣняхъ своихъ!.. Настя, добрая, милая моя Настя!

Съ этими словами онъ крѣпко сжалъ руку Димитрія и упалъ головой къ нему на грудь, стараясь скрыть выступившія на глазахъ слезы, которыхъ онъ стыдился.

Раздались сначала тихія, а потомъ громкія рыданія.

— Не одна она, и я понимаю тебя, добрый другъ!—говорилъ Димитрій, обнимая Чтрчилу.

— Да, теперь ты у меня остался одинъ, одинъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ; теперь онъ

почернѣлъ для меня: «Отсвѣтила звѣзда моя, отсвѣтила приглядная, покрылося саваномъ небо туманное»... Какъ бишь дальше-то поется эта пѣсня, которую сложилъ Владиміръ-утопленникъ?

— Полно, не обманывай ни себя, ни меня: до пѣсенъ-ли тебѣ, лучше разскажи, какъ поется дальше твоя-то пѣсня...

— Слеза смыла пятно тоски задушевной, какъ будто я подѣлися ею съ тобою! Отлегло немного отъ сердца. Слушай-же . далѣе! Я, какъ водится, съ большимъ поѣздомъ сватовъ и дружекъ, сталъ ѣздить къ невѣстѣ своей разгульно и весело!.. Пироги у ней на столахъ высились горами, напитки лились разливомъ, и положили уже день, когда совершить наше благословенное дѣло. Этотъ день былъ торжествомъ для всего народа день памяти по св. Софіи, къ которому отецъ Насти, Ѳома, хотѣлъ совсѣмъ изготовиться. Все шло своимъ чередомъ: старики наши отдались радости и руками и ногами, а дружки и всѣ поѣзжане всей головой, пили они какъ на заказъ, а мы... да и что говорить, такъ было привольно всѣмъ!.. Вдругъ, точно воронъ накаркалъ вину на насъ бѣдныхъ, нагрянулъ гонецъ изъ Москвы—и все пошло на разладъ. Дорога мнѣ моя Наста, не возьму я за нее всего міра подлуннаго, но родина... Сожму ретивое, заставлю молчать его и промѣняю безцѣнную мою, стотысячную, на безцѣннѣйшее сокровище—отчизну... Послѣ пусть самъ умру

несчетными смертями, не проживу мига безъ нея, за то на душѣ не будетъ зазорно.

Чурчило молодецки тряхнулъ своими кудрями.

Димитрій молча слушалъ исповѣдь друга.

— Ты знаешь клевретовъ Марѳиныхъ,— продолжалъ тотъ:—Они, въ томъ числѣ и Ѳома, зачинщики всему дѣлу, злоумышляютъ опять поддаться Литвѣ, а у насъ съ тобой никогда не лежало сердце къ этой челяди. Я, заслыша о томъ, протолкался въ думскую палату и горячо заговорилъ съ Ѳомою. Не любо стало ему эти, разсерчалъ онъ на меня и назвалъ обидными словами. Я тоже и при отцѣ своемъ и при всѣхъ совѣтныхъ мужьяхъ задалъ ему такую отповѣдь, что пристыдилъ его и тѣмъ накликалъ на себя немилость и ненависть. Когда-же сердце отошло у меня, простыло отъ обидъ его, я спохватился. Отецъ мой принялъ его-же сторону и послалъ меня повиниться передъ нимъ. Я тотчасъ кинулся туда, куда душа моя давно просилась и сталъ молить его забыть обоюдныя распри наши и покончить скорѣй начатое дѣло.

Чурчило перевелъ духъ.

— Когда-бы ты видѣлъ, какъ онъ разсвирѣпѣлъ на меня! «Одно условіе»,—рявкнулъ онъ какъ звѣрь,—«и я прощу тебя и назову сыномъ: приходи завтра на вѣче и на колѣняхъ при всемъ собраніи выползай у меня прощеніе вины твоей. Да еще согласись на всѣ помышленія наши: преклони

голову передъ прибывшими литвинами, и всячески ихъ привѣтствуя, моли заступиться за родину. Иначе, выкинь изъ головы мысль называться моимъ сыномъ, да и дочь моя выбрала уже себѣ другого суженаго». Слова эти затронули меня за живое. «Ползаютъ одни гады»,—отвѣчалъ я ему рѣзко,—«а привѣтствовать литвинъ я долженъ не языкомъ, а мечемъ. Когда-бы имъ прислучилось добыть меня живьемъ и, загнувъ голову, держать ножъ надъ горломъ, и тогда-бы не сталъ я унижаться и чествовать ихъ, просить пощады у заклятыхъ враговъ нашихъ!»—«Такъ если-же ты когда либо занесешь ногу свою черезъ подворотню мою»,—завопилъ онъ,—«я затравлю тебя лихими псами».—«Да я незахочу встрѣчаться съ тобой, ты злѣй ихъ облаиваешь»,—сказалъ я ему, какъ отрѣзалъ, и такъ сильно захлопнулъ за собой калитку, что ворота затряслись и окна задребезжали.

— А что-же отецъ?

— Отецъ мой напустился тоже на меня за то, какъ посмѣлъ я дерзко рѣчь вести съ чтимымъ посадникомъ, близкимъ его сотоварищемъ, зачѣмъ не уступилъ ему, не согласился на его условія. Къ жару добавилъ онъ еще жару. Я не стерпѣлъ:—«Стало, вы одной шайки!—больше не могъ я выговорить слова, выбѣжалъ на перекрестокъ и началъ кличъ кликать:—«Вѣрные мои молодцы-сотоварищи, кто хочетъ со мной рискнуть за добычею далеко, за Ново-озеро,

къ Божьимъ дворянамъ *), того жду я подъ вечеръ въ «Чертовомъ ущельи»,—а самъ вскочилъ на коня и не смѣлъ обернуться назадъ, чтобы косящатое окошешчко Ѳомина дома не мигнуло-бы мнѣ привычнымъ бывалымъ и не заставило воротиться, да пустился сюда какъ на вражескую стѣну, ожидать...

Не успѣлъ онъ договорить эти слова, какъ вблизи послышался конскій топотъ. Явилось множество всадниковъ, брони которыхъ сверкали при трепетномъ блескѣ луны. Раздался звонъ оружія, когда они, соскочивъ съ коней, окружили своего удалого предводителя.

— Ну, теперь прощай, другъ!—сказалъ Чурчило крѣпко обнимая Димитрія:—Она забыла меня! Но ты вспомни меня, умру не умру, а помчусь разсѣять тоску-кручину или прахъ свой.

— Какъ!—воскликнулъ Димитрій,—и ты думаешь, что я пущу тебя одного безъ себя. Да мнѣ и большой Новгородъ покажется широкимъ кладбищемъ.

— Нѣтъ, Димитрій,—сказалъ Чурчило,—не жертвуй: у тебя дряхлый отецъ. Прости!

Закинувъ на руки поводья, онъ прыгнулъ въ сѣдло и вмигъ исчезъ съ своею дружиною.

Димитрій остался одинъ.

— Да вѣдь отецъ мой любитъ больше стяжать сокровища, чѣмъ дорожить сыновнею любовью,—задумчиво говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая послѣднія слова Чурчилы:—

---

*) Такъ называли новгородцы литовскихъ рыцарей.

— Ты покинулъ меня, такъ я тебя не покину,—воскликнулъ онъ.

Луна скрылась въ это время за облако и открыла его погоню за своимъ другомъ-братомъ.

XII.

Въ домѣ Ѳомы,

Въ день столкновенія Чурчилы съ посадникомъ Ѳомой, послѣдній не возвращался домой изъ думной палаты до поздняго вечера.

Въ домѣ посадника еще никто не зналъ о происшедшей распрѣ жениха съ отцомъ невѣсты, а потому по обычному порядку въ домъ къ нему собрались на свадебныя посидѣлки дѣвушки—подруги невѣсты, которая еще убиралась и не выходила въ пріемную свѣтлицу. Гостьи, разряженныя въ цвѣтныя повязки, съ розовыми лентами въ косицахъ и въ парчевыхъ сарафанахъ, пѣли, рѣзвились и играли въ разныя игры, ожидая ее.

Скоро по извилистой лѣстницѣ, ведущей въ эту свѣтлицу, раздались стуки костыля и въ дверяхъ показалась, опирающаяся на него, сгорбленная старушка въ штофномъ полушубкѣ, въ черной лисьей шапкѣ и съ четками въ рукахъ.

Дѣвушки, завидя ее, кинули игры и, бросившись къ ней на встрѣчу, закричали:

— Ахъ, Лукерья Савишна, матушка!—подхватили ее подъ руки и начали съ нею

шутить, приглашая побѣгать, да поплясать съ ними.

— Охъ, полноте, рѣзвуньи,—говорила старуха, садясь въ передній уголъ, кряхтя отъ усталости и грозясь на нихъ костылемъ,—у васъ все бѣготня, да игры, а я ужъ урпыгалась, десятковъ шесть все на ногахъ брожу. Поживите съ мое, такъ забудете скакать, какъ стрековы, или козы молодыя. Да гдѣже мое дитятко, Настенька-то!

— Она еще не выходила, а мы ужъ давно собрались жениха да гостей встрѣчать хоть издали,—сказала одна изъ дѣвушекъ.

— Пожалуй, мы вмѣсто ее тебя повеличаемъ, Лукерья Савишна?—промолвила другая,—запѣть что-ли?

— Пошли-те вы,—отвѣчала старуха,—провеличайте тогда, когда мнѣ скоро ужъ запоютъ вѣчную память!

— Полно, что ты, Христосъ съ тобою, Лукерья Савишня! Развѣ на свадьбѣ о похоронахъ думаютъ?—вскричали всѣ дѣвицы, всплеснувъ руками.

— Да къ тому ужъ время подходитъ, милыя мои молодицы!—со вздохомъ произнесла старуха, задумчиво чертя по полу своимъ костылемъ.—Только-бы привелъ Богъ при своихъ глазахъ пристроить Настюшу, тогда-бы спокойно улеглись мои косточки въ могилу,—добавила она прослезившись.

—Да полно-же, перестань, такъ ты на насъ тоску наведешь. Повеселимся-ка лучше!—заговорили дѣвушки.

— Нѣтъ, это вѣдь я такъ къ слову мол-

вила, жаль дитятко стало, разлучаютъ насъ съ нею, некому будетъ мнѣ и глаза закрыть. Ѳома Ильичъ, Богъ его вѣдаетъ, какъ началъ опять на вѣче ходить, и не приступишься къ нему такой сумрачный сталъ. Спросишь что,—зыкнетъ, да рыкнетъ, такъ по неволѣ не радость на умѣ-то, какъ обо всемъ пораздумаешь. Прежде я и сама не такова была: въ посидѣлкахъ-ли на пиру-ли, на бесѣдѣ-ли, на масляной-ли въ круговомъ катаньи, о святкахъ-ли въ подблюдныхъ пѣсняхъ—первая я закатываюсь. Плясать-ли пущусь—выступаю плавно, подопрусь рукой, голову на бокъ, каблучками пристукну, да какъ пойду, пойду—всѣ заглядываются...

Не успѣла Лукерья Савишна договорить свои воспоминанія, какъ въ комнату, въ сопровожденіи сѣнныхъ дѣвушекъ, вошла невѣста. Настасья Ѳоминишна была красивая, стройная блондинка, съ бѣлоснѣжнымъ лицомъ, нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ и темными вздумчивыми глазами, глядѣвшими изъ-подъ темныхъ-же соболиныхъ бровей. Не даромъ по красотѣ своей она считалась «новгородской звѣздочкой». Этой красотѣ достойной рамкой служилъ ея нарядъ. Атласная голубая повязка, блистающая золотыми звѣздочками, съ закинутыми назадъ концами, облекала ея головку; спереди и боковъ изъ-подъ нея мелькали жемчужные поднизи, сливаясь съ алмазами длинныхъ серегъ: верхъ головы ея былъ открытъ, сзади ниспадалъ косникъ съ широкимъ бантомъ изъ струистыхъ разноцвѣтныхъ лентъ; тонкая полотня-

ная сорочка съ пуговкой изъ драгоцѣннаго камня и пышными сборчатыми рукавами съ бисерными нарукавниками и зеленый бархатный сарафанъ съ крупными бирюзами въ два ряда вмѣсто пуговицъ облегали ея пышный станъ; бусы въ нѣсколько нитокъ изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ переливались на ея груди игривыми отсвѣтами, а перстни на рукахъ и красныя черевички на ногахъ съ выемнами сзади дополняли этотъ нарядъ,

Дѣвушки кинулись къ ней на встрѣчу. окружили ее и повели къ старушкѣ, припѣвая всѣмъ хоромъ.

Шла дѣвица, голубица,
Свѣтъ нашъ, Настенька,
По крылечку, по тесову
Да по коврику.
Она шла, переступала,
Приговаривала:
Какъ роскошно, какъ богато
Здѣсь у батюшки;
Какъ приглядно, торовато
У родного мнѣ.
Славно птичкѣ поднебесной,
Рѣзвой ласточкѣ,
Порхать по полю чистому,
По зеленому,
Красоваться, любоватся
Свѣтлымъ ведрышкомъ,
Быстро виться, растилаться
По поднебесью.
Такъ и Настенькѣ таланливой
Быть вѣкъ дѣвицей
Притаманнѣй и привольнѣй,
Чѣмъ молодушкой!
Вдругъ откуда не возмися

Да на встрѣчу ей
Идетъ молодецъ красивый
Словно писанный.
Ясноокій и румяный,
Кудри черныя,
Онъ привѣтитъ ее рѣчью
Сладногласною:
Ты куда, моя дѣвица,
Настя-звѣздочка?
Воротися дай мнѣ руку:
Я твой суженый!
Хорошо тебѣ, раздольно
Въ отчемъ теремѣ;
А съ милымъ другомъ милѣе
Жить во бѣдности.
Мы согласно и совѣтно,
По любовному,
Не увидимъ, какъ промчатся
Годы многіе
Настя дрогнула, смутилась
И потупилась
Ея щеки жаромъ пышатъ,
Разгораются,
Ретивое бьется сильно,
Колыхается;
Словно сладкій медъ вливаютъ
Рѣчи молодца,
И разнѣжася вздыхаетъ
Тяжко, сладостно;
Изъ подлобья и украдкой
На него глядитъ
И съ стыдливою ухваткой
Говоритъ ему:
Суженый—возми дѣвицу,—
Полюби меня.
И сверкнула на рѣсницу
Жемчугомъ слеза.

Въ то время, когда дѣвушки привѣтство-

вали невѣсту этой пѣснею, она была въ объятіяхъ своей матери и, слушая съ удовольствіемъ пріятныя для нея напѣвы, скрывала на груди Лукерьи Савишны свое горящее лицо. Затѣмъ, какъ-бы очнувшись, она начала цѣловать по одиночкѣ своихъ подругъ.

— Что это?.. На дворѣ ужъ давно вечеръ, а жениха нашего все нѣтъ. Да и отецъ что-то запропалъ на вѣчѣ. Ну что ему тамъ дѣлать съ ранней зари да доселѣ. Вѣдь всѣхъ не перекричать!—сказала старуха-мать.

— Ужъ не приключилось-ли ему что недоброе?—замѣтила дочь, не спуская глазъ съ окошка.

— Кому?—спросила мать, смѣясь,—отцу или жениху? Кто для тебя дороже?

Настя смѣшалась и молчала. Лишь послѣ довольно продолжительной паузы вымолвила:

— Оба они неоцѣненные для меня, матушка, но батюшка дороже, онъ родитель, кормилецъ мой.

— Полно пустословить, Настюха!—перебила ее мать:—Я по себѣ это знаю: бывало, сидя на вышкѣ, да въ заперти въ своей дѣвичьей свѣтлицѣ, куда хочется найти такого человѣка, который-бы вынесъ тебя оттуда, какъ заговоренный кладъ. и какъ онъ послѣ того становится намъ дорогъ. Вотъ мы съ отцемъ твоимъ, такъ признаться сказать, не всегда ладили, норовомъ-то онъ крутенекъ и теперь. Сперва звались мы «голубками», хоть подчасъ и грызлись какъ кошка съ собакой, а послѣ сталъ онъ прозывать меня сорокою-трещеткою,—вѣдь вотъ

какой обидчикъ. Да впрочемъ, я ему сама не спускала: онъ меня за косу, я его за бороду—отступится поневолѣ. Я еще скромна, не все высказываю. Да что-же ты, Настенька призадумалась? Дѣвицы, гряньте-ка пѣсенку, да погромче какую, только, не заунывную, что душу тянетъ, а такъ—поразгульнѣе, повеселѣй... Я и сама подтяну вамъ.

Старуха запѣла дребезжащимъ голосомъ:

Отставала свѣтъ-лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго..

— Да ты ужъ, кажись, и плакать собралась?.. о чемъ это?.. Да, да, мы разстаемся съ тобой, неоцѣненное мое дитятко: Отдаю я тебя въ чужіе люди! Осиротѣемъ мы обѣ.

— Полно, родная, мнѣ и безъ того моченьки нѣтъ, что-то такъ тяжко взгрустнулось, такъ вѣщее замерло, и сама не знаю о чемъ!—отвѣчала, всхлипывая, дочь.

— О чемъ?.. Ну, вѣстимо, о чемъ, что долго суженаго нѣтъ? Вотъ пріѣдетъ онъ—дамъ я ему себя знать!

— Да пріѣдетъ-ли онъ, матушка?.. Что-то во мнѣ и вѣры нѣтъ! Я нонѣ сонъ видѣла зловѣщій такой...

— Я сама—тоже. Будто отецъ твой, мужъ мой, обратился въ медвѣдя, еще страшнѣе сталъ, да и...

— Вотъ кто-то подъѣхалъ... Чу, ужъ и голосъ раздается въ сѣняхъ. Должно-быть это они!—вскричали дѣвушки, и мать съ дочерью, несмотря на то, что послѣдней вмѣнялось въ

преступленіе самой показываться жениху, бросились встрѣчать жданныхъ гостей.

Дѣвушки между тѣмъ запѣли:

Вылеталъ соколъ ясный на долину,
Онъ искалъ соколицу, дѣвицу,
Онъ сыскалъ себѣ...

— Анютка! Палашка!—кричала старуха своимъ дѣвкамъ:—Ступайте, бѣгите скорѣй принимать кульки съ гостинцами отъ жениха! Накрывайте столы. Пойте, пойте, дѣвицы!

Дѣвушки заливались.

Вошелъ Ѳома съ нѣсколькими незнакомцами.

— Что это?—угрюмо проговорилъ онъ:—Чего вы вопите? Гасите свѣтцы и замолкните, теперь не до васъ!..

— Какъ! Да что это ты затѣялъ?—подхватила Лукерья Савишна, пятясь отъ него и раскинувъ удивленно руками:—Зачѣмъ гасить свѣтцы, да замолкать пѣснямъ? Что ты ворожить, или заклинать кого хочешь въ потемкахъ? Такъ ступай въ свою половину, а въ наши дѣла, жениха принимать, не мѣшайся.

— Женихъ нонѣ не будетъ!—грубо буркнулъ Ѳома и сталъ усаживать своихъ гостей, изъ которыхъ одинъ пристально и жадно вперилъ свои взоры въ блѣдную томную Настю.

— Чтобъ тебѣ самому попритчилось, старому лѣшему!—проворчала про себя старуха:—Почему-же? что-же ему подѣялось? Не хвораетъ-ли онъ и помнитъ-ли слово клятвен-

ное?—пристала она къ мужу съ вопросами уже вслухъ.

— Нечистый его знаетъ и съ тобой-то, отвяжись отъ меня!—закричалъ на нее Ѳома.

— И ты отъ меня съ своею челядью сгинь съ глазъ долой!—не осталась въ долгу Лукерья Савишна.

— Баба!—крикнулъ еще громче Ѳома:—Я вижу, у тебя волосъ дологъ, да и языкъ не коротокъ, замолчи, а не то я его совсѣмъ вытяну или укорочу.

— Да что ты взаправду разсерчалъ и озлобился на меня безъ пути, ужъ нельзя и слово вымолвить! Мы ждали жениха, а не тебя съ этими, сразу понизила она тонъ.

— Чурчило болѣе не женихъ моей дочери! Слышишь-ли? Теперь объ немъ болѣе ни слово. Скажи это Настѣ, чтобы и она не смѣла болѣе помышлять о немъ.

Старуха всплеснула руками, а Настя, сама услыхавъ свой приговоръ, дико взглянула на отца изумленными, помутившимися глазами и блѣдная, какъ подкошенная лилія, безъ чувствъ упала на полъ.

— Что ты, варваръ старый, что слово, то обухъ у тебя! Батюшки свѣты! Сразилъ, какъ ножемъ зарѣзалъ дѣтище свое... Развѣ она тебѣ не люба—кричала и металась во всѣ стороны Лукерья Савишна, какъ помѣшанная, между тѣмъ. какъ дѣвушка спрыскивала лицо Насти богоявленскою водою, а отецъ, подавляя въ себѣ чувство жалости къ дочери, смотрѣлъ на все происходившее, какъ истуканъ.

— Что-же теперь добрые люди скажутъ? Вотъ сердечный твой сынокъ старшій, Павлуша нелюдимый, знать болѣе тебѣ по нраву пришелся! Тебѣ нужды нѣтъ, что онъ деньденьской шатается, да съ нечистыми знается. Нѣтъ-же ему моего материнскаго благословенія! Отъ рукъ онъ отбился, ужъ и церковь Божію ни во что ставитъ! Али его совѣсть зазритъ, что онъ туда ноги не показываетъ? Али его нечистые закляли? Али сила небесная не пущаетъ недостойнаго въ обитель свою? Намедни онъ,—вопила старуха.

— Что ты отходную что-ли читаешь дочери?—мрачно сквозь зубы прервалъ ее Ѳома, сурово сдвинувъ брови.

— Ахти, мои родные! Сгубилъ тебя варваръ, мою крошечку!.. Заплатитъ ему Богъ,— стала было причитать Лукерья Савишна, но силы ее оставили и она, въ послѣдній разъ всплеснувъ руками, какъ снопъ упала подлѣ дочери.

XIII.

Въ «Чортовомъ ущельи».

Почти на концѣ Новгорода, далеко за Московскими воротами, былъ обширный пустырь, заросшій крапивою и репейникомъ. Вокругъ него торчали огромныя рогатыя сосны, любимое пристанище для грачей, воронъ и хищныхъ звѣрей; въ серединѣ нахо-

дилось ущелье, прозванное «Чортовымъ»,— въ немъ подъ грудами хвороста и валежника водились всякіе гады: змѣи и ужи.

Недалеко отъ него стояла маленькая избушка съ соломенною крышею и съ двумя прорѣзами маленькихъ оконъ. Покосившаяся отъ времени дверь, сколоченная изъ трехъ досокъ, поминутно билась и скрипѣла на крючьяхъ, то отворясь, то затворяясь.

Преданіе объ этой избушкѣ было недоброе.

Старожилы увѣряли, что они и не запомнятъ, кто построилъ ее. Мѣсто это обѣгали споконъ-вѣка, и только запоздалый путникъ рѣшался идти мимо нея, да и то въ нѣкоторомъ отдаленіи, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Разсказывали, будто дверь избушки, бьющая, какъ подстрѣленная птица крыломъ, была движима нечистой силой, которая нарочно заманивала любопытныхъ внутрь избушки, откуда уже они никогда не возвращались.

Молва шла далѣе и утверждала, что въ ней жилъ чернокнижникъ, злой кудесникъ, собой маленькій старичишка, а борода съ лопату и длинная, волочащаяся по землѣ; будто вмѣсто рукъ мотались у него желѣзныя крючья съ когтями, а ходилъ онъ на костыляхъ, но такъ шибко, что догонялъ ланей, водившихся въ окружности. Днемъ онъ не показывался, заклятый еще святителемъ Іоной Новгородскимъ, а по ночамъ прогуливался, если не на костыляхъ, то верхомъ на огненномъ козлѣ и съ такимъ пронзи-

тельнымъ свистомъ, раздававшимся по всему лѣсу, что распугивалъ всѣхъ хищныхъ птицъ, притаившихся въ гнѣздахъ. Птицы выли, стонали и били крыльями страшную тревогу по всему лѣсу.

Солнце глянуло своими лучами сквозь сѣрыя облака на мрачныя ели и сосны и зарумянило «Красный холмъ», находившійся передъ самой избушкой «Чортова ущелья». «Краснымъ» онъ былъ названъ потому, что подъ нимъ злой кудесникъ погребалъ свои жертвы, и въ извѣстные дни холмъ этотъ горѣлъ такъ ярко, что отбрасывалъ далеко отъ себя красное зарево.

На этомъ холмѣ сидѣло двое людей.

Одинъ изъ нихъ—человѣкъ мрачнаго вида въ нагольномъ пулупѣ и въ нахлобученной на глаза шапкѣ изъ черныхъ овчинъ, волосы его, черные какъ душа закоснѣлаго убійцы, были нечесаны и взъерошены и высовывались клочьями изъ подъ шершавой шапки, такъ что трудно было догадаться, гдѣ кончается овчина и гдѣ начинаются волосы. Кудрявая борода, смуглое лицо, кушакъ, кованный изъ чугунныхъ колецъ, на которомъ висѣли заржавленныя ножны,—ножемъ-же онъ шаркалъ по брусу,—лежавшая подле него рогатина—все это показывало въ немъ, если не хозяина сего мѣста, то достойнаго его жильца, обыкновенно называемаго «придорожнымъ удальцомъ».

Видъ его бѣлокураго товарища былъ менѣе свирѣпъ, но все-таки у посторонняго

зрителя могло сразу сложиться убѣжденіе, что они: два сапога—пара.

— Прощай-же, Семенъ!—говорилъ задумчиво черный.

— Видно, ты далеко на добычу хочешь отшатнуться! Куда это? Что-то давно я вижу тебя такимъ сумрачнымъ и что-то обдумывающимъ,—спросилъ его бѣлокурый.

— Куда мнѣ надобно!—уклончиво отвѣтилъ тотъ.

— Слушай, Павелъ Ѳомичъ,—началъ Семенъ—грѣхъ тебѣ таиться отъ товарища, который мыкаетъ съ тобою жизнь за одно, готовъ наткнуться за тебя на ножъ и копье.

Помолчавъ немного, Павелъ отвѣчалъ:

— Такъ и быть, повѣдаю тебѣ, что ни на есть мое задушевное. Мнѣ скучно на родинѣ, тѣсно въ обширномъ городѣ, люди не ласково смотрятъ на меня, да и самъ я не люблю никого изъ нихъ, словно рожденъ быть не человѣкомъ... Ты знаешь, какъ я ненавижу Чурчилу, и вотъ за что: до него я слылъ на кулачномъ бою первымъ бойцомъ и удальцомъ, но онъ разъ меня сшибъ такъ крѣпко, что я пролежалъ замертво цѣлыя сутки, а ты знаешь мой норовъ: али ему, али мнѣ могила, безъ того жить не хочу. Ты знаешь и то, что случилось въ нашемъ семействѣ. Если-бы онъ не повздорилъ съ отцомъ моимъ и свадьба ихъ съ сестрой состоялась-бы, я ужъ готовилъ ему подарокъ въ заздравной чарѣ... Но толковать теперь некогда. Онъ далеко ищетъ смерти, а я изъ стремя ноги не выпущу до тѣхъ поръ, пока

найду его и не помогу ему въ этомъ, т. е. не всажу ему ножъ въ горло. Онъ думалъ видѣть во мнѣ брата и обходился со мной всегда очень любезно, тѣмъ легче будетъ мнѣ втереться къ нему въ дружбу. Давно-бы выслалъ я его изъ бѣлаго свѣта, да за него здѣсь заступниковъ много, а тамъ, гдѣ онъ теперь скитается, вѣрнѣй и ходчей найдется рука на его шею. Самъ знаешь, грозенъ врагъ за горами, но грознѣй за плечами. А ты оставайся здѣсь рыскать по ночамъ за добромъ съ прочими товарищами. Прощай, конь мой далеко, руки зудятъ.

Съ этими словами Павелъ быстро вскочилъ на своего коня и исчезъ, мелькнувъ разъ-другой въ чащѣ деревъ.

— Вотъ оно что!—удивленно развелъ руками Семенъ, вытаращивъ глаза вслѣдъ удаляющемуся товарищу.

Оставимъ на время нашихъ героевъ, дорогой читатель, вернемся для объясненія нѣкоторыхъ описанныхъ въ предыдущихъ главахъ историческихъ событій за нѣсколько времени назадъ, причемъ заглянемъ въ московское княжество.

XIV.

Теремъ подъ Москвою.

Тихо, мертвенно было въ природѣ. Черныя тучи густо обложили горизонтъ, изрѣдка лишь мерцали на немъ рѣдкія звѣздочки,

но и тѣ одну за другою заволакивали дождевыя облака.

Ночь уже совершенно спустилась на землю и покрыла ее какъ-бы чернымъ траурнымъ крепомъ: молнія изрѣдка разрывала тучи, но этотъ мгновенный пожаръ неба еще болѣе сгущалъ сумракъ, висѣвшій на землею.

Громовые раскаты долго и яростно звучали въ пространствѣ.

Былъ конецъ августа 1477 года.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Москвы и на столько-же почти въ сторону отъ большой тверской дороги стоялъ деревянный теремъ, окруженный со всѣхъ сторонъ вѣковыми елями и соснами. При первомъ взглядѣ на него можно было безошибочно сказать, что прошелъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ, тогда топоръ звякнулъ послѣдній разъ при его постройкѣ. Крылья безостановочнаго времени, видимо, не разъ задѣвали его и оставили на немъ слѣды свои. Добрые люди давно не заносили ноги черезъ его порогъ.

Путники, застигнутые ночью, или непогодою, на большой дорогѣ, рѣдкіе не знали, что на ней находится пріятный шинокъ, содержимый однимъ жидовиномъ, по прозвищу Загреба, славившимся въ то время на всю окрестность молодою брагою и молодою женою, которая была весела и такъ-же гуллива, какъ брага и щеки которой были такъже пышны и румяны, какъ поджареные блины ея мужа.

Недобрые тоже давно не прокладывали

слѣдовъ къ этому терему, зная, что въ немъ, кромѣ вѣтра, хозяничавшаго по гриднямъ, ловить было некого, да и поживиться, кромѣ жившихъ въ немъ старика и старухи, было нечѣмъ и не у кого.

Теремъ этотъ, огороженный высокимъ бревенчатымъ заборомъ, раздѣлялся длинными сѣнями на двѣ не ровныя половины. Меньшая изъ нихъ, состоявшая изъ одной свѣтлицы, была занята упомянутыми стариками, а большая, по слухамъ, обитаемая нечистою силою, стояла запертою большою желѣзною дверью, сквозь которую продѣты были двойные заклепы, охваченные огромнымъ замкомъ съ заржавленною петлей.

Шесть долгихъ зимъ провели въ этомъ необитаемомъ теремѣ старикъ Савелій съ женой Агафьей; недаромъ говорятъ, что привычка долго-ли, а обращается во-вторую природу: старики были довольны своею судьбою и другъ другомъ. Въ послѣднемъ бывали исключенія лишь тогда, когда Савелій, побывавъ въ Москвѣ за харчами соблазнялся на возвратномъ пути елкой, гордо торчавшей надъ дверью шинкаря Заребы, ласково и умильно манившей къ себѣ конныхъ и пѣшихъ путниковъ, заѣзжалъ будто ненарокомъ къ хозяину шинка спросить: «нѣтъ-ли какой ни на есть работишки?» не смотря на то, что жидовинъ при всякой надобности всегда самъ присылалъ за нимъ.

Савелій при этихъ посѣщеніяхъ не былъ обносимъ ковшомъ пѣнистой браги, а при выходѣ изъ шинка пазуха его всегда топы-

рилась доброй краюхой пирога съ капустой, данной ему на дорогу или въ гостинецъ Агафьѣ Сидоровнѣ.

Послѣ такого задабриванья, гостепріимный Загреба ужъ и не спрашивался Савелія: можно-ли ему въ предѣлахъ лѣса, ввѣренныхъ послѣднему, рубить дрова для варки браги и печенья пироговъ.

Только Агафья-то Спиридоновна всегда недовольная встрѣчала своего муженька, замѣтивъ, что у него лицо алѣло какъ ея праздничная кичка, а ноги и, языкъ видимо, заплетаются. Онъ-же съ похмѣлья былъ недоволенъ женою, когда она своимъ ворчаньемъ прерывала его вмѣстѣ грустныя и сладостныя воспоминанія такъ недавно минувшаго.

Въ сущности они жили дружно, хотя и не припѣваючи.

Въ описываемый нами поздній вечеръ, зажженная лучина, воткнутая въ желѣзный свѣтецъ, слабо освѣщала Савелія, сидѣвшаго на скамьѣ; подлѣ него лежалъ готовый лапоть, другой онъ плелъ, спѣша докончить его къ утру на продажу. Противъ него Агафья дремала подъ однообразное жужжанье веретена, а послѣднему вторилъ сверчокъ за печкой.

Старики молчали.

Вдругъ молнія облила своимъ пламенемъ оконце свѣтлицы.

— Съ нами крестная сила!—воскликнула Агафья, перекрестясь и выронивъ изъ рукъ веретено.

— Упаси Господи, какая гроза насту-

паетъ!—сказалъ Савелій, также осѣнивъ себя широкимъ крестомъ.

Вслѣдъ вѣтеомовымъ ударомъ вдругъ забушевалъ, ширъ и полилъ проливной дождь: лѣсъ дрогнулъ, дерев ья порывисто закачались своими вершками.

— Сидоровна,—сказалъ Савелій,—заслоника окончину-то ставнемъ, а то задуетъ лучину.

Старуха поплелась, но только лишь подошла къ окну, какъ въ него ворвался порывъ вѣтра, лучина вспыхнула и потухла. Вмѣсто нея ослѣпительно блеснула молнія и освѣтила подъ окнами движущіяся фигуры людей.

— Батюшки-свѣты, что это?—воскликнули въ одинъ голосъ старики,—пораженные такою массою неожиданностей, но раскатъ грома заглушилъ ихъ слова.

— Эй, кто здѣсь живетъ, добрые люди, или недобрые? Укройте отъ темной ночи и непогоды заплутавшихся?—раздался у окна громкій голосъ.

— Да поскорѣй—поддержалъ другой хриповатый, дрожащій, видимо, отъ холода голосъ.

— Баба! вздувай огня:—заговорилъ Савелій пришедши въ себя,—а я побѣгу отворить ворота.

— Какъ-бы не такъ, вздувай огня!—передразнила Агафья мужа вполголоса:—Да кого это нелегкая принесла въ такую пору. Стану я свѣтить всякимъ бродягамъ. По мнѣ они хоть всѣ бѣльмы повыколи себѣ о рожны, побери ихъ нелегкая!

— Аль хозяевъ нѣтъ, аль они нехристи какіе, что не могутъ пустить насъ на часо-

чекъ пообогрѣться, да пообсушиться?—повторялъ за окномъ хриповатый голосъ.

— Да что тутъ попусту толковать... Ишь—ни привѣту, ни отвѣту... Если-бы они были добрые люди, то сами-бы позвали насъ, а съ злыми чиниться нечего!—прервалъ его громкій голосъ:—Если совсѣмъ нѣтъ хозяевъ, то мы и безъ нихъ обойдемся... Теремъ не игольное ушко—пролѣземъ... Эй, люди, ломайте ворота, а я попробую окно...

По стуку ноженъ меча не трудно было догадаться, что говорившій спрыгнулъ съ лошади.

— Иду, сейчасъ, вотъ только накину зипунишко!—закричалъ Савелій, струсивъ передъ рѣшительными поступками незванныхъ гостей.

Черезъ нѣсколько минутъ, медленно скрипя, растворились ворота, и Савелій вышелъ изъ нихъ, таращa глаза, какъ-бы желая разсмотрѣть сквозь окружающій густой мракъ пріѣзжихъ.

— Входите, вотъ сюда, за мной... Да многоли васъ?—съ тревогой спрашивалъ онъ.

— Всего четверо,—отвѣтилъ ему громкій голосъ, ощупавъ его плечо и ухватясь за него,—авось углы твоей свѣтлицы не растреснутся отъ насъ.

Остальные трое, введя на дворъ лошадей, ухватились тоже одинъ за другого и, такимъ образомъ, медленно, гуськомъ ощупью, вступили въ обиталище Савелія.

XV.

Поздніе гости.

— Да посвѣти намъ, хозяинъ, намъ не въ чужички играть; нѣтъ-ли хоть на алтынъ огоньку! — заговорили пріѣзжіе, войдя въ свѣтлицу Савелія.

— Шарю... родимые... Куда то въ потьмахъ свѣтецъ обронилъ?—отвѣчалъ съ растановкой хозяинъ:—Жена, баба, хозяйка!—продолжалъ онъ,—ты куда еще запропастилась? Вздуй-ка господамъ огоньку. Небось, они не тронутъ.

Молнія блеснула и освѣтила Агафью, выползавшую, какъ ящерица, изъ-подъ печки.

— Ха-ха-ха! Видно хозяйка тамъ цыплятъ высиживаетъ!—захохотали пріѣзжіе,—ты-бы ее крышкой покрылъ, а то сглазятъ.

Молнія повторилась. Агафья приподнялась съ пола и, прокравшись по стѣнкѣ къ мужу, начала что-то шептать ему.

— Что? Не хочешь вздувать огня? Вотъ дамъ я тебѣ затрещину, такъ поневолѣ засвѣтишь, какъ искры изъ глазъ посыплятся,—отвѣчалъ ей тоже полушепотомъ Савелій.

Агаѳья, ворча себѣ что-то подъ носъ, отыскала трутницу, высѣкла огонь, вздула его на лучину и освѣтила свѣтлицу, и находившихся въ ней.

Четырехугольная, обширная свѣтлица, вопреки своему названію, была закопчена, какъ

угольная яма. Въ переднемъ углу, въ божницѣ, стояло нѣсколько иконъ въ мѣдночеканныхъ окладахъ; подъ божницей висѣла запыленная занавѣска, прикрывавшая полку, на которой лежали писанныя святцы и четки изъ Богородицыныхъ слезекъ. Въ передней стѣнѣ находились два узкія продолговатыя окна, называемыя—красными. Въ рамахъ были вставлены стекла,—что для описываемаго нами времени составляло значительную роскошь, такъ какъ они получались изъ чужихъ краевъ,—только кой-гдѣ, вмѣсто разбитыхъ верешковъ, была наклеена холстина, обмазанная масломъ. Въ боковыхъ стѣнахъ были волоковыя окна, заткнутыя говяжьими пузырями. Все это, какъ и колоссальная изразцовая печь указывало, что свѣтлица была нѣкогда обитаема не Савеліемъ съ Агаѳьей, а ближними бо́рами великаго князя.

По стѣнамъ свѣтлицы были лавки, а въ переднемъ углу стоялъ вымытый и выскобленный столъ, въ заднемъ, на двухъ столбахъ, стояло корыто, надъ которымъ находились полки съ разной посудой.

Агаѳья, засвѣтивъ огонь, стала у шестка, обтирая руки о полосатую поневу, и исподлобья оглядывала позднихъ гостей; невдалекѣ отъ нея Савелій былъ занятъ тѣмъ-же самымъ.

Посрединѣ свѣтлицы стоялъ высокій среднихъ лѣтъ мужчина, съ открытымъ, добродушнымъ лицомъ, въ комлотовой однорядкѣ, застегнутой шелковыми шнурками и перех-

наченной козыблатскимъ *) кушакомъ, за которымъ заткнутъ былъ кинжалъ. Широкій мечъ въ ножнахъ изъ буйволовой кожы, на кольчатой цѣпочкѣ, мотался у него съ боку, когда онъ отряхивалъ свою мокрую шапку съ рысьей опушкой. На ногахъ его были надѣты сапоги съ нѣсколько загнутыми къ верху носками; на мизинцѣ правой руки висѣла нагайка.

Подлѣ него стоялъ, недовѣрчиво озираясь, другой человѣкъ, постарѣе, но плотный, съ рѣдкою рыжею бородою, съ широкою плѣшью на головѣ и съ быстрыми маленькими глазами, одѣтый почти такъ-же, какъ и его товарищъ, исключая развѣ вооруженія, которое у этого состояло изъ одного широкаго ножа съ серебряной рукояткою.

На двухъ другихъ были надѣты простые, суровые охабни, но они были вооружены съ головы до ногъ—видимо это были холопы двухъ бояръ.

— Ну, здорово, хозяева!—сказали пришедшіе, помолясь въ передній уголъ и слегка поклонясь Савелію и Агаѳьѣ:—Не взыщите, что мы напросились къ вамъ, нужда привела:

— Милости просимъ, бояре, рады гостямъ!—отвѣчали хозяева въ одинъ голосъ.

— За что взыскивать?—продолжалъ уже Савелій одинъ,—мы по силѣ помощи рады пріютить васъ чѣмъ Богъ послалъ отъ темной ночи и непогоды... Не знаю, какъ ваша милость прозывается.

---

*) Персидскимъ.

— Меня зовутъ Назаріемъ, а товарища моего — Захаріемъ, — отвѣчалъ высокій:—А тебя какъ звать?

— Да былъ Савелій Тихоновъ!.. А далеко-ли ѣдете?—говорилъ Савелій, обтирая полою своего зипуна переднюю лавку и усаживая на нее гостей.

— Ужъ это не твое дѣло!—замѣтилъ Захарій, садясь и отдуваясь отъ усталости.

— Вѣстимо, не мое, бояринъ, я такъ, спроста спросилъ—отвѣчалъ Савелій, кланяясь.

Онъ отошелъ въ сторону и сталъ сложа руки.

— Вотъ думали-гадали нонче до Москвы доѣхать анъ вышло иначе!—заговорилъ Назарій:—Дождь загналъ насъ въ лѣсъ; хотѣли укрыться подъ какое-нибудь дерево и проплутали, да ужъ слава Богу, что у тебя ошарили въ потемкахъ ночлегъ.

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, это искони ведется бояринъ!—отвѣчалъ Савелій:—Вѣстимо, въ лѣсу жутко. Теперь молонья такъ и обливаетъ заревомъ, а громъ-то стономъ стонетъ. Чу? ваши лошадушки такъ и храпятъ, сердечныя.

— Да, вотъ спасибо напомнилъ! Что-жъ вы, олухи, забыли про лошадей-то?—закричалъ Захарій, оборотясь къ холопамъ,—самихъ васъ вытолкать на дворъ, пусть-бы дождикъ доколотился до вашихъ костей, стали-бы впередъ заботиться о животныхъ.

— Лошадей мы ввели сюда, на дворъ, бояринъ; а наше дѣло—не знаемъ, куда ихъ по-

ставить!—отвѣтилъ одинъ изъ холоповъ:— Вышь, мы не дома.

— Хозяинъ, нѣтъ-ли у тебя навѣса какого для нихъ?—спросилъ Назарій.

— Какъ-же, бояринъ,—отвѣчалъ Савелій,— тамъ позади сарай, въ немъ и моя кляченка стоитъ.

— Ну, чтожъ вы буркалы-то вылупили? Ступайте за хозяиномъ!—снова закричалъ на холоповъ Захарій и сталъ что-то нашептывать своему товарищу.

Савелій зажегъ лучину и, прикрывая ее полою, пошелъ было къ двери, но Назарій вернулъ его вопросомъ:

— Слушай, хозяинъ, да много-ли васъ здѣсь живетъ въ теремѣ?

— Мы съ женой, бояринъ, двое только. Вотъ въ Микитинъ день минетъ шесть лѣтъ, какъ мы здѣсь одни маемся; а прежде онъ стоялъ пустой, прахъ его возьми! до того еще жили въ немъ...

— До прежняго намъ дѣла нѣтъ... а теперь не утаивая все выскажи. Знай, что мы не поддадимся тѣмъ, кого ты прикрываешь здѣсь; только тронь насъ, вѣдь ты-же поплатишься головой и тѣхъ бородой своей не заслонишь... даромъ что она широка.

— Да что ты, бояринъ, кормилецъ, я хоть рабъ на бѣломъ свѣтѣ, а меня добрые люди знаютъ и ничѣмъ не хаютъ... Правда, парнишки шинкаревы трунятъ, да зубоскалятъ иное время надо мной: ты, дескать не лѣсничій, а лѣшій... Намедни...

— Врешь, провоцишь.., вотъ какъ мы до-

просимъ тебя палашами, такъ не такъ заговоришь,—сказалъ прищурясь Захарій.

— А еще, кажись, добрые бояре!—отвѣчалъ Савелій, покачавъ головой:—Сѣдые волосы мои порукой, что я не грѣшенъ передъ Богомъ и добрыми людьми во лжи! Что-жъ мнѣ-то о васъ думать?..

— Вѣримъ, вѣримъ тебѣ, старинушка!—сказалъ Назарій ласковымъ голосомъ, трепля его по плечу:—И ты повѣрь намъ, что мы ни одной сѣдины твоей не тронемъ, вотъ тебѣ правое слово мое.

— Да было-бы за что и тронуть,—вмѣшалась въ разговоръ Агаѳья,—вѣдь мы—москвичи, судъ найдемъ: насъ рабовъ своихъ, ни бояринъ нашъ, ни самъ князь великій въ обиду не дастъ всякимъ заѣзжимъ.

— Ого! наконецъ, и ты каркнула, старая ворона. На чью только голову?—замѣтилъ Захарій, язвительно улыбаясь

— Да въ своемъ гнѣздѣ и ворона коршуну глаза выклюетъ, не погнѣвись, бояринъ,—поклонилась старуха.

— Слушай ты, лягушка! Передъ чѣмъ ты расквакалась? Пикни еще, такъ я тебѣ засмолю пасть-то! Эка, невидалъ—москвичка! А москвитяне-то всѣ рабы!

Агафья струсила и замолчала, продолжая ворчать что то себѣ подъ носъ.

— Полно, товарищъ,—сказалъ Назарій съ неудовольствіемъ,—твое дѣло не право; лучше изслѣдуемъ сами истину! Дѣдушка, посвѣтика намъ до твоего сарая; чай наши лошади продрогли.

Савелій молча и нахмуренно направился къ двери, за нимъ слѣдовали всѣ четверо пріѣзжихъ.

Захарій шелъ послѣднимъ, недовѣрчиво оглядываясь на Агаѳью, какъ-бы боясь преслѣдованій ея ухвата, опершись на который она стояла у шестка.

XVI.

Исторія терема.

Захарій вернулся со двора ранѣе своего товарища и, убѣдившись въ справедливости словъ Савелія, не въ примѣръ храбрѣе вошелъ въ свѣтлицу. Агаѳья оказалась относительно его такой неласковой хозяйкой, что тотчасъ-же убралась въ сѣни по его приходѣ.

Захарій пройдя нѣсколько разъ по свѣтлицѣ, отошелъ къ сторонкѣ и, вынувъ изъ-за пазухи кожанную кису, зашнурованную ремнями на сборчатыхъ кольцахъ, высыпалъ изъ нея на ладонь нѣсколько серебряныхъ монетъ, сталъ любоваться ихъ блескомъ, видимо, обдумывая, куда-бы повѣрнѣй спрятать свои сокровища.

Вошедшій вслѣдъ за нимъ Назарій, довѣрчиво скинулъ съ себя охабень, разложилъ его на лавку, подкинулъ подъ голову шапку и, приготовивъ, такимъ образомъ, себѣ постель, оглянулся на товарища.

— Эй, послушай,—заговорилъ онъ:—Экъ у тебя глаза-то приросли къ деньгамъ; такъ и впились въ нихъ, что не оттянешь ничѣмъ! Сколько не пересчитывай, этимъ не прибавишь! Да и на что тебѣ больше? Ихъ и то столько у тебя, что до страшнаго суда не проживешь, а тогда отъ смерти не откупишься; черти-же и въ долгъ повѣрятъ,— по знакомству,—а не то на нихъ настрочишь челобитную...

— Ты только зубоскалишь!—пасмурно отвѣчалъ Захарій:—Чѣмъ-бы дать добрый совѣтъ, да защитить товарища, а тебѣ все равно: ограбятъ-ли его или прихватятъ горло... А я, кажись, почтеннѣе тебя, потому что постарѣе: не тебѣ языкъ чесать надо мною,—ты еще ползкомъ ходилъ, а я уже засѣдалъ въ думной палатѣ.

— То-то и есть, ты отъ всѣхъ отпрыскаешься чернилами... А на счетъ добрыхъ совѣтовъ: я и тебѣ подаю его—спрячь-ка ненаглядныя свои, они тебя вводятъ частенько въ искушеніе, но не избавятъ отъ лукаваго... Ужъ я тебѣ предрекаю, что ими ты не одинъ ножъ призовешь на свою шею... Да вонъ кто-то ужъ и идетъ.

Захарій поспѣшно задернулъ шнурками кису и, опустивъ ее за пазуху, пріосанился какъ ни въ чемъ не бывало.

— Самаго свѣжаго, сочнаго сѣнца задалъ лошадушкамъ вашимъ, бояре и кадушку овса почалъ для нихъ,—сказалъ вошедшій Савелій:—Ишь какъ измучились сердечныя. Одна чья-то ужъ куда добра, вся въ мылѣ

какъ посеребрѣла, паръ валомъ валитъ отъ нея, и на мѣстѣ мигъ не стоитъ, взвивается... Холопскія ужъ куда не то, а то еще одна тамъ есть, не дать, не взять моя колченогая... Промѣняйте-ка ее въ Москвѣ на ногайскую, что привели намедни татары цѣлый табунъ для продажи... Дайте придачи рублей...

Захарій весь вспыхнулъ отъ злости, обидясь тѣмъ, что старикъ браковалъ его лошадь, и рѣзко прервалъ его:

— Что гроза еще не унялась?

— Слава Богу, постихло, дождь чуть покрапываетъ, только съ деревьевъ больно сыплетъ его вѣтеръ, какъ вѣникомъ смахиваетъ.

Вошелъ холопъ Назарія и подалъ своему господину яшмовую фляшку съ гречеческимъ виномъ, серебряный рожокъ и конецъ бѣлаго папушника.

Назарій, наливъ въ рожокъ вина, перекрестился и, поклонясь хозяевамъ, разомъ опорожнилъ его, а, наливая другой, обратился къ Захарію:

— На-ка, промочи живой водицей свою душеньку, небось она зачерствѣла со страху въ лѣсу.

Тотъ не отказался и, прильнувъ къ рожку, вытянулъ вино какъ насосомъ.

Дошла очередь до хозяина, но тотъ обѣими руками отмахивался отъ вина.

— Что ты, бояринъ! Намъ не во льготу это снадобье, наше рыло неотворачивается

только отъ пѣнной браги, да и то въ праздничный день, а не въ будни *).

Не мало труда стоило Назарію уговорить его выпить хотя одинъ рожокъ. Савелій опасался, что среди пріѣзжихъ есть соглядатай изъ холопьяго приказа **), который послѣ возьметъ съ него виру ***).

Только тогда, когда Захарій поклялся ему московскимъ чудотворцемъ, св. Петромъ митрополитомъ, что никто изъ нихъ изъ избы сору не вынесетъ, т. е. не будетъ на него доносчикомъ, старикъ охотно согласился опорожнить не только рожокъ, но даже цѣлую флягу.

Полюбилась ему, видимо, лакомая влага. Съ самодовольной улыбкой погладилъ онъ свою бороду, которую звали полосатой, такъ какъ она была черная съ просѣдью, и любовно посмотрѣлъ на оставшееся во флажкѣ вино.

Агафья тоже промочила себѣ горло, не отказываясь, но прихлебыва и приговаривая:

— Куда голова, туда и хвостъ, живши съ мужемъ четыре десятка, такъ ужъ и пить изъ одной чаши!..

Вино развязало языки старикамъ.

Савелій пустился въ розказни о теремѣ, утверждая, что онъ болѣе чѣмъ ровесникъ Москвѣ, что прадѣду великаго князя, Юрію Владиміровичу Долгорукому подарилъ его

---

*) Въ описываемое нами время строжайшимъ указомъ запрещено было пить въ будни.

**) Судъ для рабовъ.

***) Денежная пеня.

на зубокъ замышляемому имъ городу какой-то пустынникъ-чародѣй, похороненный особо отъ православныхъ на Красномъ холму, въ концѣ Алексѣевскаго лѣса, подлѣ ярославской дороги, что кости его будто и до сихъ поръ такъ бьются о гробъ и пляшутъ въ могилѣ, что земля летитъ отъ нее вверхъ глыбами, что этотъ весь изрытый холмъ по ночамъ превращается въ страшную разгорѣвшуюся рожу, у которой вмѣсто волосъ вьются огненные змѣиные хвосты, а вмѣсто глазъ высовываются жала и киваютъ проходящимъ; что пламя его видно издалека и оттого онъ «Краснымъ», Великій князь подарилъ этотъ теремъ боярину Савелія за вѣрную службу, вскорѣ послѣ похода подъ Казань, и что съ тѣхъ поръ сталъ тутъ жить бояринъ съ семействомъ до самой опалы великокняжеской.

Савелій проговорилъ-бы до утра, если-бы его не прервалъ Захарій.

— Уйми ты жерновъ свой,—крикнулъ онъ на него,—сказка твоя слишкомъ тощая закуска для меня... Эй, вы, подите ошарьтека тороки у моего сѣдла, тамъ, я запримѣтилъ, мотались давича калачи..

— Да они, бояринъ, всѣ размокли отъ дождя, — отвѣчалъ одинъ изъ холоповъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошо-бы закусить что-нибудь,— замѣтилъ Назарій.

— Скудна наша трапеза, бояринъ, а если тебѣ въ угоду, то бьемъ челомъ всѣмъ, что сыщется,—произнесъ Савелій:—Эй, жена, все, что есть въ печи, на столъ мечи!

— Что тамъ разбирать, люба, али не люба, все благословеніе Господне,—отвѣчалъ Назарій:—Что до меня, я человѣкъ привычный ко всему, росъ не на печкѣ, не былъ кутанъ хлопкомъ подъ материнымъ шугаемъ, а все почти въ полѣ; одѣвался не полостями мѣховыми, а желѣзной скорлупой и питался зачастую чѣмъ ни попало.

Агафья тѣмъ временемъ всунула руки и голову въ печь, вытащила изъ нея горшокъ съ ячменной кашицей, приправленной чеснокомъ и свинымъ саломъ. Савелій досталъ съ полки ковригу ржаного хлѣба, толокно и все это они поставили съ поклономъ передъ своими гостями.

Савелій нацѣдилъ ендову квасу, подалъ его вмѣстѣ съ деревянною узорной рѣзьбы солоницею гостямъ и пожелалъ имъ на здоровье откушать его хлѣба-соли.

Назарій, усердно помолясь Богу, сѣлъ за столъ, отрушилъ себѣ добрую краюху хлѣба и, зачерпнувъ широкой ложкой кашицы, сталъ аппетитно уплетать далеко не изысканныя явства.

Захарій сперва морщился и дѣлалъ себѣ подъ носъ замѣчанія, что на хлѣбѣ не менѣе плесени, чѣмъ но лицѣ хозяйки морщинъ, что онъ жестокъ такъ, что ему не по зубамъ, но видя, что аппетитъ его товарища грозитъ опустошить весь горшокъ кашицы, началъ взапуски наверстывать потерянное время.

Когда оба проголодавшіеся гости насытились, Захарій даже самодовольно разгладилъ

рукою свое увѣсистое брюхо и почти дружески спросилъ Савелія:

— Скажи-ка намъ, Тихонычъ,—мы люди заѣзжіе,— нѣтъ-ли на Москвѣ чего новенькаго? Полакомь-насъ какой-нибудь вѣсточкой.

XVII.

Разсказъ Савелія.

— И, бояринъ, откуда намъ, набраться новостей,—отвѣчалъ Савелій,—живемъ мы въ глуши, птица на хвостѣ не принесетъ ничего. Иной разъ хоть и залетитъ къ намъ заносная вѣсточка, да Богъ вѣсть, кому придетъ она по нраву, другой поперхнется ею, да и мнѣ не уйти. Вотъ вы, бокре, кто васъ разгадаетъ какого удѣла, не московскіе, такъ сами, чай, вѣдаете, своя рука только къ себѣ тянетъ.

— Хотя мы не москвитяне, не земляки твои, однако, такіе-же русскіе,—сказалъ Назарій,—такіе-же православные христіане, ходимъ съ вами подъ однимъ небомъ, поклоняемся одному Богу, грѣемся почти одною кровью и баюкаетъ насъ одна мать—Русь святая.

— Да отецъ-то не одинъ,—продолжалъ Савелій:—Мы чтимъ и челомъ бьемъ своему князю, на кого онъ, на того и мы, за кого онъ, за того и мы, а вы, чай, чествуете своего.

— Мы,—гордо воскликнулъ Назарій,—всѣ мы одно тѣло! Душа наша...

Онъ остановился, такъ какъ Захарій толкнулъ его ногой и добавилъ живо:

— Что-то будетъ!..

— А бывала-ли ваша милость въ Москвѣ? нарушилъ Савелій вопросомъ наступившее было молчаніе.

— Я былъ но давно уже—отвѣчалъ Захарій,—когда еще въ Москвѣ замирала жизнь и души во всѣхъ дремали. Помнишь-ли, когда истекала седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, что погреческимъ писаніямъ означало приближеніе конца свѣта?

— Какъ-же, родимый! То была черная година! Знать на нее взглянулъ Касьянъ немилостивый. Я жилъ тогда въ Красномъ селѣ. Бывало, пойдешь въ Кремль къ боярину, да еще не доходя до посада все сердце изноетъ; въ какую сторону ни взглянешь вездѣ идетъ народъ въ смирномъ *) платьѣ, на каждомъ шагу, видишь, несутъ одеръ или сани **) съ покойниками, а за ними надрываются голосатые. ***) Слухи носились, что железа ****) рыскала по всей Руси, а у насъ, кажись, нахватала народу болѣе всѣхъ. Вѣдь что его вымерло—гибель! А какъ студено было, какія снѣги сыпались даже въ весенніе дни, солнышко-то Божье отвернулось тогда отъ грѣшной земли нашей, бывало и не проглянетъ и не обрадуетъ насъ безчастныхъ; а лѣтомъ-то еще пущая при-

---

*) Траурномъ.

**) Повозка для покойниковъ.

***) Плакальщики.

****) Моровая язва

шла невзгода; ни дождичка, ни росинки, жаръ обдаетъ, а напиться нечего, вода-то вся, какъ выпарилась! Хлѣба всѣ опалило— и голодно и душно, хоть живымъ ложись въ могилу. А ночи-то какіе ужасы наводили на насъ. Вдругъ сдѣлается темень такая, что хоть глазъ выколи, ни мѣсяца, ни звѣздъ, да еще, самъ не видалъ, а молва разносила, озера по ночамъ воемъ выли, такъ что спать не давали, кто жилъ къ нимъ близко. Не вѣсть, что претерпѣли мы тогда! И чѣмъ прогнѣвали только Владыку Небеснаго, что послалъ Онъ на насъ, горькихъ, напасть такую лютую.

Назарій, внимательно слушавшій разсказъ Савелія, задумчиво и печально произнесъ:

— Бѣдная наша отчизна! Чужіе и свои враги, и гнѣвъ Господень подавляютъ тебя.

— Какіе-же это враги, бояринъ?—спросилъ его Савелій:—Кажись, теперь всѣ князья живутъ въ ладу, какъ дѣти одной матки, дружно, согласно. Нашъ-же московскій, какъ старшій братъ, властію своею покрываетъ другихъ. О прежнемъ времячкѣ страшно подумать. Вотъ недавно сломилъ онъ, нашъ батюшка, разбойниковъ...

Захарій быстро смекнулъ, о чемъ хочетъ заговорить Савелій и, замѣтя, что въ глазахъ Назарія блеснулъ лучъ гнѣва, поспѣшно перебилъ старика:

— Ну, Тихонычъ, что-же далѣе-то было?

— Да что? Грянулъ громъ и хватились за умъ,—начали всѣ креститься: кто вносилъ богатые вклады въ храмы Божіи, кто стро-

илъ ихъ, кто, не въ судъ будь сказано, протопталъ колѣни и отмахалъ всю голову, молившись, а съ ближнихъ своихъ сдирали вчетверо за хлѣбъ насущный, несмотря на то, что у самихъ были полные закрома всякой всячины, а другимъ и куснуть было нечего; иные-же, зазорно и вымолвить, нанимали за себя молельщиковъ... Всякъ кто не хотѣлъ трудиться да работать, дѣлался ихъ попомъ... Ихъ ублажали всячески, а они, прости Господи, вмѣсто утѣшенія да моленія за православныхъ, только соблазняли народъ и безчинствовали до того, что добрый владыко, нашъ пастырь и святитель Ѳеодосій, не будучи въ состояніи терпѣть далѣе такихъ баззаконій, сложилъ съ себя санъ митрополичій и заключился въ Чудовомъ монастырѣ. Тамъ, сказывали, ухаживалъ онъ все за какимъ-то прокаженнымъ-омывалъ его раны, молился за насъ грѣшныхъ и творилъ многія богоугодныя дѣла до конца своей жизни.

— А церковь-то Божья и вы остались безъ стража, отданные на добычу этимъ развратнымъ искусителямъ?—спросилъ Назарій.

— Мѣсто свято пусто не живетъ, да и вѣрующіе въ него тоже. Духовные сановники вскорѣ всѣмъ соборомъ избрали на упразднившееся мѣсто въ московскіе пастыри суздальскаго святителя Филиппа. Этотъ мужъ, разумный и красноглаголивый, силою слова своего разогналъ во имя Божіе эту челядь, а насъ просвѣтилъ надеждою, проповѣдуя объ испытаніи и покорности ра-

бовъ земныхъ Отцу нашему небесному, чадолюбивому.

— Помнится мнѣ, москвитяне ваши загомозились на Казань послѣ этого падежа людскаго?—спросилъ Захарій.

— Не послѣ, а въ это-же время, бояринъ, какъ великій князь встрепенулъ вѣрноподданныхъ громкимъ кличемъ идти на невѣрцевъ. Какъ выкатили на площадь Кремлевскую не тараны стѣнобитные, не туры подвижныя, не перевѣсы приступные *), а огнеметы чугунные **), все это такъ ободрило народъ, что всѣ подняли головы, какъ будто грянула страшная труба и вызвала всѣхъ изъ гробового сна. Сбылись и священныя слова нашего пастыря: «молитесь и дастся вамъ». Настала весна, проглянуло солнышко, Боже, какъ обрадовались ему православные. Солнышко, родное, глазокъ Божій ненаглядное ты наше! — вскрикивали всѣ, рыдая, а оно-то такъ умильно, такъ свѣтло взглянуло на насъ... и заиграли его искорки на крестахъ соборныхъ, и разгорѣлись наши сердца радостью, и... Да что и говорить, всего не вымолвишь, что было на душѣ! Земля отдохнула — и съ тѣхъ поръ уже жутко стало показываться снѣгамъ до морозамъ въ вешніе дни.

Окончивъ свой разсказъ, Савелій утеръ рукавомъ выступившія слезы.

---

*) Эти орудія составляли русскую артиллерію до 1450 года.

**) Пушки.

Прослезился и затуманившійся Назарій.

Лучина нагорѣла. Въ свѣтлицѣ былъ полумракъ. Все было тихо; вдругъ Захарій вывелъ носомъ такую ноту, что всѣ оглянулись, подумавъ, что это прозвучала сапелка *). Затѣмъ онъ сильно всхрапнулъ и, тутъ-же проснувшись, удивленно смотрѣлъ посоловѣлыми глазами на молчавшимъ собесѣдниковъ.

— Охъ, да какъ славно я вздремнулъ!— произнесъ, наконецъ, онъ, и замѣтивъ, что завѣтная киса его высунулась на половину изъ-за пазухи во время сна, поспѣшно спряталъ ее.

Назарій всталъ изъ-за стола и помолился Богу, за нимъ поднялся, зѣвая, и Захарій.

— Ну, теперь моя очередь заснуть!—сказалъ первый и прилегъ на свой охабень.

— Старуха, покорми чѣмъ нибудь нашихъ холопей. Кстати. вотъ тебѣ за все тепло и добро твое,—продолжалъ онъ, выкидывая на столъ серебряную рѣзань **), а Захарій, сверхъ того, отложилъ нѣсколько литовскихъ грошей ***).

— Эго тебѣ, Сидоровна, за хлопоты и услуги.

— Спасибо-ста, господа милостивые!—сказали хозяева, низко кланяясь имъ.

— Вотъ эта наша, свѣтленькая-то,—при-

---

*) Родъ дудки—старинный инструментъ.

**) Въ гривнѣ ихъ считалось 50, каждая изъ нихъ стоила 20 коп.

***) Вслѣдствіе торга съ иностранцами, въ Россіи въ то время были въ обращеніи монеты разныхъ странъ.

бавилъ Савелій, перевертывая рѣзань и любуясь ею:—а эти мѣдяшки-то Богъ вѣсть какія; тѣ-же пулы, да не тѣ, на нихъ и грамотѣй не разберетъ всѣхъ каракулекъ. А что, бояринъ,—продолжалъ онъ, обратясь къ Захарію:—должно быть, издалека эти кружки?

— Нужды нѣтъ, что отсюда не видать, гдѣ ихъ круглятъ, однако, тебѣ за нихъ и въ Москвѣ насыплятъ добрый оковъ *) хлѣба.

— Я не сумлеваюсь, бояринъ; всякая деньга становится всѣмъ притоманна, — отвѣчалъ Савелій.

XVIII.

Разсказъ Агаѳьи.

— Ну-ка, старина, — что-то сонъ не беберъ,—поразскажи-ка намъ теперь о дворѣ вашего великаго князя,—сказалъ Захарій:— О прошлыхъ дѣлахъ не такъ любопытно слушать, какъ о тѣхъ, съ которыми время идетъ рядышкомъ. Ты-же о чемъ-то давича заговорилъ, будто иную вѣсть не проглотишь. Небось, говори смѣло, мы вѣрные слуги московскаго князя, у насъ вѣдь добро не въ горлѣ останавливается, а въ памяти: оно дымомъ не разсѣется и глазъ не закоптитъ.

— Я, бояринъ, опять-таки молвлю: мои вѣсти короче бабьяго разума, сами будете въ Москвѣ, все разузнаете и диву дадитесь,

*) Хлѣбная мѣра того времени.

какъ она красится, какъ добры и сильны стали дѣтки ея и какъ остры мечи ихъ. Вотъ хоть-бы взять, къ примѣру, мурзы татарскіе, эти казанцы-поганцы, съ своимъ псомъ-царемъ Ибрагимомъ; ужъ не они теперь на насъ, а мы на нихъ; наши дружины протоптали дорожку даже къ самому гнѣзду этихъ невѣрцевъ... Да вотъ только привелъ-бы Господь батюшкѣ нашему великому князю сбить остатную спѣсь съ чопорныхъ новгородцевъ, онъ-бы ихъ ошеломилъ, какъ намедни этихъ.

— Да знаешь-ли ты, косноязычникъ, что погубило новгородцевъ?—воскликнулъ взволнованно Назарій и даже привскочилъ съ лавки, на которой лежалъ:—Если-бы не измѣна Упадыша *) съ его единомышленниками, брызнулъ-бы на москвитянъ такой огненный дождь, что сразу спалилъ-бы ихъ, а гордыя стѣны Новгорода окрасились-бы кровью новыхъ враговъ и еще краше заалѣли-бы. Такъ-то, сѣдая борода,—добавилъ онъ, нѣсколько успокоенный, изумленному Савелію,—что не знаешь о томъ и не болтай.

— Вотъ то-то, бояринъ сами вы напросились на нелюбое слово. Я говорилъ, что на всякаго не приберешь нравную вѣсть. Однако, за что-же ты застѣняешь крамольниковъ,—они кругомъ виноваты, въ нихъ видно,

*) Новгородскій житель, тайный доброжелатель великаго князя Іоанна, заколотившій 55 пушекъ своихъ земляковъ, за что былъ мучительно казненъ правителями Новгорода.

и кровинки русской нѣтъ, а то-бы они не промѣняли своихъ на чужихъ, не стали-бы якшаться да совѣтъ держать съ иновѣрною Литвою! Мы холопы, а тоже кое-что смѣкаемъ; не я одинъ, вся Москва знаетъ о чемъ теперь помышляетъ князь нашъ.

Назарій задумался, и, видимо, не найдясь, что отвѣтить ему, глубоко вздохнулъ и опустилъ голову на шапку, замѣнявшую ему подушку, и закрылъ глаза. Захарій-же съ удареніемъ замѣтилъ:

— Полно гуторить-то, мы точнѣе тебя вѣдаемъ, какія мысли ворошатся теперь въ головѣ вашего любовластнаго князя.

Савелій пристально посмотрѣлъ на него, и какъ-бы сообразивъ что-то, схватилъ себя за голову и поспѣшно выбѣжалъ изъ свѣтлицы. Агафья-же, кормившая холоцевъ, отвѣчала ему вмѣсто мужа:

— Вѣстимо, бояринъ, но мы-таки понавѣдались кой-чего, а когда бояре наши были во времени *), то тогда мы и болѣе знавали.

— Кстати, Сидоровна, за что-же опала-то опалила крылышки твоимъ боярамъ? Кто они таковые и гдѣ находятся теперь?—спросилъ Захарій.

— Долга будетъ пѣсня про все, бояринъ!—отвѣчала она:—вотъ дождь-то, кажись, унялся, небо прояснилось и свѣтать скоро начнетъ, вамъ будетъ въ путь пора, а намъ на покой.

— Да, что-то сонъ давича у меня какъ

---

*) Т.-е въ милости.

рукой сняло; поразсмажи-ка теперь что нибудь-ты.

— Ну, коли изволишь слушать, да это тебѣ въ угоду—такъ пожалуй! Бояринъ нашъ прозывается Алексѣемъ Полуектовичемъ, онъ былъ въ чести у великаго князя, а жена его, боярыня Наталья Никоновна, у великой княгини Марьи Михайловны *)—первой любимицей. Въ свадьбу великокняжескую она осыпала жениха и невѣсту хмѣлемъ изъ золотой миссы, да опахивала тридесятью дорогими соболями. И жили поживали наши бояре при дворѣ въ высокихъ теремахъ чинно и раздольно и ѣдали съ княжескихъ блюдъ сладко и разносольно. Подниметься-ли, бывало, князь великій въ походъ, и бояринъ съ нимъ, охраняетъ его особу вѣрно, а боярыня остается потѣшать сиротиночку княгиню великую,—и много годовъ прошло такимъ чередомъ. Вдругъ съ Марьей Михайловной что-то подѣялось; бывало, ни соснетъ ни на мигъ, ни промолвитъ словечка, ни проглотитъ кусочка, — ужъ чѣмъ ни забавлялъ ее великій князь: заставлялъ слѣпого гудочника играть подлѣ постели ея на гудкѣ и веселыя пѣсни и умильныя пѣсни, ластилъ ее и медомъ золотымъ, шипучимъ и всякими закусками и гостинцами сладкими, ни чѣмъ не угодишь. Знахари думали-передумывили, судили, рядили и сказали въ одинъ голосъ, что она испорчена злыми снадобьями. На кого подумать? Стали спрашивать у всѣхъ

*) Первая супруга Іоанна была тверская княжна.

сѣнныхъ и сановитыхъ прислужницъ ея строго, и показали всѣ, что видѣли, какъ боярыня наша Наталья Никоновна ходила съ поясомъ великой княгини къ ворожеѣ и что будто эта ворожея и привила ей недугъ лютый. Отворили храмы святые, подняли образа чудотворные, служители Божіе преклонили колѣна и начали упрашивать силы небесныя о здоровьи матушки нашей великой княгини, но знать Богу не угодно было ниспослать ей милостей Своихъ — тѣло ея почернѣло какъ вороново крыло и отекло такъ, что и разсказать невозможно. Не долго маялась она, сердечная, и отошла тихо, какъ заснула. Только что ударили въ колоколъ о выносѣ тѣла ея. Наталью Никоновну какъ ножемъ по сердцу урѣзнуло, забѣгала она по гриднямъ своимъ и занесла такую гиль, что Господи упаси всякаго было слушать ее. Видно, убоясь праведнаго гнѣва великокняжскаго, вдругъ пропала она, да такъ скрытно, что самъ Алексѣй Полуевктовичъ не могъ придумать, куда-бы ей дѣться? Вотъ онъ и переселился изъ Москвы сюда, въ родовой свой теремъ, удалилъ всѣхъ своихъ закупныхъ рабовъ, только мы съ Тихонычемъ остались служить ему. И жилъ онъ здѣсь не много, не мало, шесть годовъ въ половиною, и потребовалъ его князь опять передъ лицо свое, повелѣлъ ему занять прежнее его мѣсто окольничьяго. Съ тѣхъ поръ запустѣлъ нашъ теремъ. Одни мы домыкиваемъ жизнь свою въ немъ, а о боярынѣ ни слуху, ни духу, какъ ключъ ко дну сгинула. Дивились мы,

что за причта такая: за что-бы ей посягнуть на государыню, и гдѣ она положила головушку свою, въ чьей землѣ улеглись косточки ея? И жутко, страхъ жутко случается намъ, какъ на той половинѣ терема кто-то по ночамъ словно въ набатъ бьетъ, особливо въ темную ночь, какъ зашелеститъ дождикъ проливной, да завоютъ вѣтры бурливые...

— Жена, баба, дура, хозяйка! — тревожно позвалъ Агаѳью, пріотворивши дверь въ свѣтлицу, Савелій и перервалъ этимъ ея разсказъ.

— Что ты, одурѣлая, распрыгалась языкомъ-то?—говорилъ онъ, когда она вышла къ нему въ сѣни:—Знаешь-ли, что это соглядатаи, враги наши, которыя нарочно вывѣдываютъ отъ тебя всякую всячину. Дойдетъ до ярыжекъ, такъ не отмолиться ни чѣмъ.

— А по мнѣ, прахъ ихъ побери!—отвѣчала Агафья:—Мнѣ почто знать кто они такіе? Ну, что-жъ! Я говорила, да не проговорилась. Ужъ нелегкое дѣло, будто не смыслю съ твое-то, ты и самъ давича...

— Нѣтъ, смертью искупимъ славу! Родились вольными и умремъ такими-же! — воскликнулъ такъ громко Назарій, что Агафья съ Савеліемъ вздрогнули.

— Онъ бредитъ!—произнесъ тихо Захарій, наклонясь надъ своимъ соннымъ товарищемъ.

Затѣмъ онъ улегся снова на свою лавку.

На цыпочкахъ прокрался Савелій въ свѣтлицу и сталъ выманивать шопотомъ холоповъ идти спать въ клѣть, но они улеглись у порога. Тогда онъ указалъ Сидоровнѣ на

печь, задулъ свѣтецъ, перекрестилъ издали своихъ постояльцевъ и, взобравшись на палати, еще долго прислушивался въ окружавшую его тишину, прерываемую лишь храпомъ спящихъ, да безсвязномъ бредомъ Назарія о свободѣ.

XIX.

На пути къ Москвѣ.

Было раннее утро 29 августа 1477 года.

Изъ сумрачнаго лѣса на большую тверскую дорогу медленно выѣзжали четыре вершника *), въ которыхъ не трудно было узнать путниковъ, ночевавшихъ въ лѣсномъ теремѣ.

Назарій сидѣлъ пасмурно, такъ низко поникнувъ головой, что заломъ его шапки, висѣвшей напередъ, нерѣдко касался гривы бодро выступавшаго коня. Захарій-же, сгорбился и посвистывалъ, переваливаясь то въ ту, то въ другую сторону, мотая ногами и сидя, какъ туго-набитый мѣшокъ на маленькой лошаденькѣ, неохотно трусившей подъ нимъ. Холопы ѣхали сзади и съ глупымъ любопытствомъ осматривали окрестности, видимо, для нихъ совершенно незнакомыя.

— Вотъ и часовня! Должно быть отсюда московскій рубежъ начинается! — сказалъ Захарій.

---

*) Верховые.

Товарищъ его поднялъ голову, какъ-бы пробужденный, поспѣшно скинулъ шапку, перекрестился и снова погрузился въ свои думы.

— Что ты, ошалѣлъ, землякъ, али отъ Москвы-то тебя огнемъ обдаетъ... Вымолви словечко, оправь шапку, будь молодцомъ! Смотри, какое утро, солнышко играетъ такъ ярко и весело...

— У кого на душѣ сумерки, такъ и въ глазахъ не заря!—отвѣчалъ Назарій, тяжело вздохнувъ.

— Знать, твою удаль что-нибудь сковало со вчерашняго — не шевельнешься... Видно, сарый колдунъ Савелій сильно уязвилъ тебя послѣдними словами о нашихъ.

— А ты безъ зазору хлопаешь глазами, когда земляковъ твоихъ поносятъ, называютъ разбойниками, помышляютъ о нихъ какъ...

— Да, а вотъ ты не хлопалъ, такъ у тебя глаза-то и выѣло, какъ дымомъ.

— Знаю я, что тебя ничто не беретъ: ни стыдъ, ни дымъ.

— Вѣстимо, что кручиниться? Ужъ коли взялся за гужъ, не говори что не дюжъ.

— А понимаешь-ли ты, кого ты теперь представляешь въ лицѣ своемъ?

— Кѣмъ былъ, тѣмъ и останусь: вѣчевымъ дьякомъ Захаріемъ. А по твоему какъ-же?

— По моему, былъ ты Захаріемъ, а когда окунулся въ купель корысти, то вышелъ оттуда—Іудой.

— Гм...—крякнулъ Захарій: — Поэтому мы съ тобой тески...

— Какъ, чернильная гадина!—гнѣвно воскликнулъ Назарій и даже осадилъ своего коня:—Недомѣрокъ человѣческаго рода тянется подъ мою стать, или хочетъ окоротить меня, чтобы сравняться со мною. Господи, до чего я дожилъ!—добавилъ онъ съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Да что ты серчаешь? Я сказалъ это потому, что мы цѣлимся въ одну мѣту!..

— Въ одну, да какимъ образомъ... Я дѣйствую прямо, иду на всякаго лицомъ къ лицу, а ты, заспинная шпилька, подкрадываешься мѣдяницей, неспѣшной стопою.

— Пусть такъ, да ужалимъ-то мы оба одинаково.

— Отецъ Небесный!—вновь воскликнулъ Назарій, возведя пламенный взоръ къ небу:— Передъ Тобой я весь! Душа моя не темна и передъ людьми, а наипаче передъ Тобою. Ты видишь, способенъ-ли я ужалить отчизну мою. Родная моя, пусть прежде разсыплюсь я во прахъ, нежели помыслю что-нибудь недоброе о тебѣ.

Нѣкоторое время онъ оставался въ нѣмомъ созерцаніи лазурнаго неба.

Захарій что-то ворчалъ сквозь зубы.

Наконецъ, Назарій прервалъ молчаніе.

— Слава Тебѣ, Господи! Нашла Тебя молитва моя, молитва скорбная, глазъ сердца моего доступенъ Тебѣ!—произнесъ онъ, вздохнувъ полною грудью, какъ-бы послѣ тяжелаго сна:—отлегло... на душѣ легче стало! Я

не продаю отечества... Я отвожу лишь его отъ пропастя.

— Вѣдь и я тоже!—добавилъ самодовольно Захарій.

— Если совѣсть твоя отшатнулась отъ тебя, то я вмѣсто нее растолкую тебѣ разницу между нами. Слушай-же меня!.. Ты знаешь, какъ чествуютъ имя мое, имя чиновника Назарія, и до нынѣ въ Новгородѣ Великомъ, и въ Псковѣ сосѣднемъ, и у латышей *) съ тѣхъ поръ, какъ зарубилъ я на воротахъ Нейгаузена православный крестъ, даже самой Москвѣ не невѣдомъ я, когда великій князь Іоаннъ приперъ ономнясь нашъ городъ копьями да бердышами несмѣтной своей рати,—я не послѣдній подавалъ голосъ на вѣчѣ, хотя послѣдній произнесъ его на казнь славнаго измѣнника Упадыша—вѣчная ему память... И на мнѣ есть пятнышко черное... и на меня брызнула кровинка его!

Назарій вздохнулъ.

— Ты знаешь,—продолжалъ онъ,—правыли мы были, поднявъ руку на потомка Ярослава Великаго и на нашего государя! Чего намъ хотѣлось, сытымъ, богатымъ? Правдива поговорка на Руси «отъ жиру собаки бѣсится». Накликали мы сами на себя гнѣвъ Божій и мечь государевъ. Помнишь, чай, какъ мы глодали кулаки съ голоду и, наконецъ, рѣшились, да проститъ насъ Господь, въ постъ. великій ѣсть мясо и чье-же,—палыхъ лошадей и собакъ, которыми не пока-

*) Ливонцы—названіе того времени.

зано питаться рабамъ Христовымъ. Въ это смутное время не я-ли съ Васисіемъ Никифоровымъ и прочими боярами и степенными посадники молилъ князя снять осаду съ города и дозволить намъ, сирымъ, похоронить по христіанскому обряду тѣла павшихъ братій нашихъ.

— Ихъ безъ насъ схоронилъ Ильмень *),— вставилъ Захарій.

— Для тебя, конечно, все равно: муха-ли утонула въ стопѣ, изъ которой ты пьянствуешь, землякъ-ли захлебывается собственною кровію, но дѣло не въ томъ. Не разъ и моя кровь смывала ржавчину съ мечей новгородскихъ, а тѣло—зазубрило вражескіе. Не пальцами на рукахъ, а волосами на головѣ слѣдуетъ считать мои заслуги. Но, недавно, кто заглушилъ голосъ мой на вѣчѣ? Жена хитрая, баба поганая, человѣкъ неумный... Мареа Борецкая. Передъ кѣмъ принуждали меня преклонить выю? Передъ мозглякомъ, литвиномъ, бродягой, полюбовникомъ ея. Широка рана на груди отчизны, такъ они еще увеличаютъ ее злыми извѣтами на законнаго владыку своего, всякими неистовыми проступками! Я сказалъ, что самъ побью челомъ великому князю отъ лица Новгорода Великаго, чтобы онъ сжалъ его крѣпкой, самодержанной мышцей своей и наложилъ-бы на него праведную десницу.

---

*) Озеро новгородское, въ которомъ потонуло много людей во время сраженія съ Іоанномъ въ 1471 году.

Во что-бы то ни стало, избавлю земляковъ отъ домашнихъ враговъ, уличу злыхъ, накажу дерзкихъ, а послѣ самъ скажу всѣмъ новгородцамъ: «Я виновникъ вашего счастья покарайте меня!» И если голосъ мой заглохнетъ въ крикахъ обвинителей, пусть торговою казнью снимется съ плечъ голова моя—дѣло мое уже будетъ сдѣлано. Вотъ для чего я согласился дѣйствовать съ тобою и впервые въ жизни осквернилъ языкъ свой ложью, которую мы произнесемъ передъ великимъ княземъ на своихъ, навести согласился на отчизну одного врага, чтобъ спасти ее отъ многихъ. Я чувствую, что въ дѣлѣ этомъ я правъ и чистъ.

— Мы надѣли кафтанъ одного покроя, больны однимъ недугомъ, теперь ѣдимъ изъ одного сосуда, пьемъ изъ одной братины, одинъ топоръ грозится на насъ!—сказалъ Захарій.

— Ну, да... послушай,—прервалъ его Назарій:—всемъ я былъ доволенъ, на душѣ свѣтло, на сердцѣ легко, да только вотъ съяшкался съ тобою, и думаешь ты, не узналъ я, что нашептывалъ тебѣ московскій намѣстникъ, какъ одарилъ тебя щедро великій князь въ Москвѣ. Онъ намѣтилъ тебя на поклонъ къ нему, какъ вѣчевого дьяка, зная, что званіе это почетно... Такъ-то, хоть отъ рукъ твоихъ не пахнетъ, но я знаю, что онѣ давно уже смазаны московскимъ золотомъ.

— Стало и ты знакомъ съ нечистыми, коли все знаешь...

— Молчи лучше! Душа твоя темна, какъ дно чернильницы, и чернота ея пробивается иногда наружу. Такъ ужъ и быть, докончу я наше дѣло, а тамъ пойду поклониться могилѣ св. Савватія, если только молитвы заступника Божія спасутъ меня отъ смерти... Услыши, Господи, обѣтъ мой и помоги исполнить его.

— Вотъ и Москва показалася!—воскликнулъ Захарій.

Исполинъ-городъ, колоссъ Россіи, Москва златоглавая вдругъ развернулась, какъ на ладонѣ, передъ взорами путниковъ и ярко заблистала на солнцѣ своими свѣтлыми маковками.

Золоченые кресты храмовъ, казалось, сотканы были изъ слившихся солнечныхъ лучей.

Картина была ослѣпительная.

Вдругъ донесся отъ Москвы ударъ церковнато колокола, за нимъ другой, третій, и разлился торжественный благовѣстъ къ обѣднямъ во всей столицѣ.

— Кажись, нонѣ не воскресный день? Развѣ празднество какое, что такъ звучно гудятъ колокола въ Москвѣ?—сказалъ Захарій, снимая шапку.

— Святый угодникъ Божій Іоанне! Помози намъ, благослови пріѣздъ нашъ!—произнесъ Захарій, истово крестясь, и оборотился къ Назарію:—Развѣ ты не знаешь, что нонѣ день усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи? А еще книжный человѣкъ!

— А, вотъ что... Такъ, значитъ, великій

князь сегодня именинникъ. Вотъ кстати у насъ для него готовъ подарокъ,—замѣтилъ Захарій

XX.

Москва въ 1477 году.

Подгородныя деревушки и пригородныя слободы московскія тянулись длинными и грязными улицами, одна отъ другой въ недалекомъ разстояніи. Промежутки между ними были менѣе полуверсты. Слободы отличались отъ деревушекъ тѣмъ, что были обширнѣе, чище, новѣе строеніями и, вообще, красивѣе послѣднихъ; первыя принадлежали казнѣ, что можно было замѣтить по будкамъ, которыя служили тогда жилищемъ нижнихъ чиновъ полиціи и подъячихъ. Въ каждый слободѣ было по одной такой будкѣ. Нѣкоторыя изъ слободъ, прилегавшихъ къ самой Москвѣ, составляли съ ней одно цѣлое и потому назывались пригородными.

Проѣхавъ нѣсколько такихъ деревушекъ и слободокъ, наши путешественники въѣхали въ большую слободу, отличавшуюся болѣе кипучею дѣятельностью и многолюдствомъ. Поминутно мелькали передъ ними обывателя: кто съ полными ведрами на коромыслѣ, кто съ кузовами спѣлыхъ ягодъ, и всѣ разодѣтые по праздничному: мужики въ синихъ зипунахъ, охваченныхъ разноцвѣтными опояскамп, за которыми были заткнуты широкія

палицы, на головахъ ихъ были шапки съ овчинною опушкою, на ногахъ желтѣлись лапти; нѣкоторые изъ нихъ шли ухарски, на распашку, и подъ ихъ зипунами виднѣлись красныя рубашки и дутыя, мѣдныя пуговицы, прикрѣплявшія ихъ вороты; бабы-же—въ пестряныхъ паневахъ, въ рогатыхъ кичкахъ, окамленныхъ стеклярусовыми поднизьями—кто былъ зажиточнѣе—а сзади злато-вышитыми подзатыльниками.

Всѣ встрѣчавшіеся низко и привѣтливо кланялись нашимъ путешественникамъ.

— Путь дорога, бояре!

— Богъ въ помощь.

— Спасибо!

— Съ праздникомъ!

— Спасибо, спасибо.

Такіе восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ.

— Не позволите-ли остановиться, бояре, да дать передохнуть животнымъ своимъ и покормить ихъ—ишь, какъ онѣ упарились,—послышался голосъ одного изъ выбѣжавшихъ изъ избы мужиковъ.

— Да и самимъ-бы перекусить чего-нибудь!—кричалъ другой мужикъ, подбѣгая къ путешественникамъ.

Онъ еще издали имъ кланялся, горбился, вытягивалъ голову и трясъ своими волосами.

— У меня бураки изъ свѣжей свеклы!—выкрикивалъ одинъ.

— У меня щи изъ кочанной капусты! У меня панушники пухленькіе, горяченькіе, только что съ пылу! У меня пышки подо-

выя съ сытой!—закричали вдругъ нѣсколько голосовъ изъ окружавшихъ путниковъ.

— Нѣтъ, братцы, благодарствуемъ на приглашеніи, намъ привалъ въ Москвѣ.

— А у насъ-то что? Развѣ другой городъ?—сказалъ одинъ, видимо, обидѣвшись.

— Пусть ихъ добираются до Загородья, аль до посада, тамъ подороже поплатятся!—замѣтилъ другой.

— По насъ, хоть за посадъ, только тамъ теперь порожняго угла не найдешь, въ избѣ и душно, да они битюмъ набита, а за чистую свѣтлицу отдашь полтривны на день за постой!

— Ништо... Не въ Кремль-же ихъ пустятъ для нонѣшняго дня, тамъ и безъ нихъ много пріѣзжихъ, такъ что маковой росинкѣ, чай, негдѣ упасть.

— Если вы хотите, добрые люди, угостить насъ!—сказалъ Захарій, перебивая говоръ окружающихъ,—то вынесите намъ по ковшу квасу.

Мигомъ нѣсколько человѣкъ бросились къ своимъ домамъ, принесли цѣлый жбанъ и, зачерпнувъ ковшикъ, подали Захарію, а затѣмъ и остальнымъ, увѣряя что квасъ прямо съ ледника и такой холодный, что только глядя на него уже заноютъ зубы.

— Ну теперь закусите, бояре, бѣлымъ калачикомъ. Чай, проголодались, уже обѣдни позднія, а нынѣ вы навѣрняка ничего еще не вкушали, заморите червячка, намъ грѣшнымъ людямъ еще рано, грѣшно, а вамъ, дорожнымъ, Богъ проститъ,—говорили ра-

зомъ нѣсколько человѣкъ, насильно суя въ руки путникамъ калачи.

Назарій кинулъ имъ нѣсколько кунъ *), и проѣзжіе поѣхали далѣе.

— Ну, братецъ, ужъ о сію пору москвичи сказываются; видно, что не промахи, умѣютъ деньгу нажить, а нажитую беречь. Что-то будетъ далѣе?—сказалъ Захарій, почесывая затылокъ.

Черезъ нѣсколько времени, при въѣздѣ въ одну улицу, показались на ней рогатки, отодвинутыя въ сторону съ дороги и означавшія начало настоящаго города, хотя тогда это мѣсто называлось Загородьемъ.

Оглядывая пристально проѣзжаемыя имъ мѣста, Захарій продолжалъ говорить:

— Вотъ мы и въ Москвѣ! Да какъ она разрослась, разубралась, раскинулась на всѣ стороны—и узнать ее нельзя! Помнится мнѣ, прежде стояли тутъ избенки одна отъ другой на перелетъ стрѣлы, а нонѣ какъ будто всѣ подъ одной крышей.

На самомъ дѣлѣ громады деревянныхъ построекъ, безъ симметріи, безъ вкуса, тянулись длинными рядами и составляли кривыя узкія улицы, которыя вдругъ раздваивались отъ выстроенныхъ посреди ихъ теремовъ, церквей. Глухіе переулки оканчивались поперечными зданіями также теремовъ боярскихъ, вышекъ, высокихъ заборовъ со шпильками, въ угрозу ворамъ которые-бы вздумали лѣзть черезъ нихъ, и каменныхъ

*) Въ гривнѣ ихъ считалось 25.

церквей съ большими пустырями, заросшими крапивой и репейникомъ, изъ которыхъ нѣкоторые были кладбищами, и на могилахъ мельками выкрашенные кресты и бѣлые, поросшіе мхомъ, камни.

Самыя зданія казались нестройными потому, что подлѣ двухъ-этажныхъ хоромъ, обнесенныхъ тесовой оградой, стояли покосившіяся низкія, вросшія въ землю избы, огрожденныя поломаннымъ тонкимъ частоколомъ. Не только посреди Москвы были тѣнистыя рощи, пруды, озера и зеленые волнистые луга, но почти каждый бояринъ и зажиточный человѣкъ имѣлъ на своемъ дворѣ тѣнистый садъ, по преимуществу изъ дикихъ яблонь. Черезъ тынъ сада переваливали головки свои статные подсолнечники, а въ самомъ саду пестрились гирлянды разноцвѣтняго мака, ноготковъ и проч. Въ большинствѣ садовъ были рыбные пруды— чистые, зеркальные, цвѣтистыя лужайки, улья пчелъ. Кромѣ того, на дворѣ были разныя строенія: часовни, амбары съ запаснымъ хлѣбомъ, кладовыя съ желѣзными дверями и подвалы, теплыя особыя свѣтлицы, вышки, мыльни, голубятни, толстые необхватные столбы съ блистѣвшими на нихъ мѣдными кольцами, въ которыя застольные гости хозяевъ вдѣвали удила своихъ коней Дворы были гладко вымощены бревнами, имѣли снаружи на воротахъ навѣсы, а подъ ними иконы. Глубокіе погреба хранили крѣпкіе меда и греческія и фряжскія вина.

Богатство и роскошь бояръ составляли

еще: божницы, въ которыхъ находились иконы въ богатыхъ серебряныхъ и золото-чеканныхъ окладахъ; драгоцѣнная посуда серебряная и золотая, кубки, ковши, братины, блюда, тарелки, и проч., нарядная одежда изъ шелка и парчи съ узорчатыми нашивками изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, и, наконецъ, множество слугъ или холоповъ, обѣльныхъ, закабаленныхъ и закупныхъ *).

Имущество-же бѣдныхъ огнищанъ **), купцовъ черныхъ сотенъ и слободъ***), половныхъ ****) и прочихъ людей состояло изъ ветхихъ хибарокъ съ соломенными крышами съ небольшимъ дворомъ, внутри котораго виднѣлись жердь съ веревкою и бадьею для колодца, да длинныя гряды съ капустой, свеклою, рѣдкою, морковью и другими огородными овощами.

Такова была Москва въ описываемое нами время, за исключеніемъ Кремля, описанію котораго мы посвятимъ особую главу.

Въ настоящее время остались только нѣкоторые храмы, на которыхъ не изгладились еще слѣды глубой древности нашей родной столицы. Другіе-же памятники хотя и носятъ названіе древнихъ, но реставрированы до неузнаваемости.

---

*) Т.-е. крѣпостныхъ вѣчныхъ, временныхъ и нанятыхъ.

**) Нынѣшніе мѣщане.

***) Такъ назывались продавцы мелочныхъ товаровъ.

****) Цеховые или мастеровые люди.

Единственно что напоминало и тогда сегодняшнюю Москву—это неумолкаемый говоръ народа, особенно на торговыхъ площадяхъ въ праздничные дни.

Этотъ говоръ поразилъ пріѣзжихъ новгородцевъ сильнѣе вида самаго города.

XXI.

Въ Кремлѣ.

Колокольня церкви Іоанна Лѣствичника была въ описываемое нами время колоссальнымъ сооруженіемъ московскаго Кремля и на далекое разстояніе бросалась въ глаза, высясь надъ низкими лачужками. Впрочемъ, чѣмъ ближе путникъ приближался къ Кремлю, тѣмъ лучше, красивѣе и выше попадались хоромы, двухъ-этажные терема съ узенькими оконцами изъ мелкихъ цвѣтныхъ стеклышекъ, вышки съ припорками вмѣсто балконовъ, для голубей, обращенными въ дворъ, и густые сады.

Великолѣпный-же садъ, находившійся на берегу Москвы-рѣки, хотя и былъ разбитъ на низменномъ мѣстѣ, но его букетныя рощицы изъ молодого орѣшника, перемѣшавшіяся съ густнымъ малинникомъ, виднѣлись издалека. Подлѣ великокняжескаго сада, отдѣленнаго высокимъ тыномъ, были сады бояръ, полные густолиственныхъ деревьевъ и пестрыхъ цвѣтовъ.

Картина этихъ сплошныхъ садовъ была особенно великолѣпна весною и лѣтомъ.

Сады эти, конечно, не были распланированы и дорожки въ нихъ протаптывались, въ большинствѣ случаевъ, самими хозяевами.

Множество балагановъ, разныхъ гостиныхъ, купеческихъ и монастырскихъ подворьевъ, скученныхъ около Кремля, не заграждали его высокихъ бойницъ, доминировавшихъ надъ всѣми этими постройками. На высокихъ, отъ времени посѣдѣвшихъ и во многихъ мѣстахъ поросшихъ мхомъ, каменныхъ зубцахъ кремлевскихъ стѣнъ вились плющъ и павилика.

Весь Кремль обнесенъ былъ широкимъ тыномъ, низъ и бока котораго были выложены кирпичами, а къ воротамъ вели деревянные мосты съ крашеными перилами.

Въ самомъ Кремлѣ скученность построекъ была еще больше. Громадное пространство занималъ одинъ дворецъ, въ которомъ находились разныя палаты и хоромины, писцовые и пріемные дворы: соколиный, кухонный, мыльный *) ясельничій **). Службы: кладовыя, погреба, запасные подвалы и разныя великокняжескія хранилища. Особенно замѣчателенъ былъ тайникъ, или подземный ходъ, вокругъ всего Кремля, относящійся, вѣроятно, къ XII столѣтію, времени владычества татаръ, и имѣвшій своей цѣлью прикрытіе отъ набѣговъ этихъ варваровъ.

---

*) Банный.

**) Конюшенный.

Кромѣ дворца съ его многочисленными пристройками, въ Кремлѣ находились соборы: Успенскій, Архангельскій, Спасъ на Бору, Чудова монастыря, Рождества Іоанна Предтечи, а подлѣ него митрополичій домъ, Думная палата *), въ которой засѣдали думные или совѣтные бояре и въ которой рѣшались всѣ важныя государственныя дѣла; ордынское подворье, терема ближнихъ бояръ, ворота: Боровицкій, Тайницкія, Флоровскія, Константино-Еленскія.

Среди толпы народа, валомъ валившей въ Кремль, пробирались и наши знакомцы, Назарій и Захарій. У Боровицкихъ воротъ они слѣзли съ лошадей, и передавъ ихъ съ коекакой поклажей своимъ холопамъ, приказали имъ ѣхать въ домъ ихъ знакомаго и родственника Назарія — князя Стрига-Оболенскаго, а сами, снявъ шапки, перешли пѣшкомъ черезъ мостъ въ Кремль и, смѣшавшись съ все возраставшею толпою, стали подходить къ Успенскому собору.

Въ это время только что кончилась обѣдня и раздался колокольный звонъ, означавшій выходъ великаго князя.

— Тише, тише!—послышался голосъ отъ церкви.

— Тсъ! Князь, князь!—раздалось со всѣхъ сторонъ и говоръ народа моментально смолкъ.

Хотя дворецъ находился недалеко отъ собора, но во время параднаго шествія, для соблюденія церемоніала, великому князю по-

*) Гдѣ теперь зданіе судебныхъ установленій.

данъ былъ праздничный возокъ, запряженный шестью рослыми лошадьми, ногайскаго привода. Шлеи у лошадей были червчатыя, уздечки наборныя, серебряно-кольчатыя; отдѣланъ возокъ былъ посеребрянным желѣзомъ и обитъ снаружи лазуревымъ сафьяномъ, а внутри голубою полосатою камкою; сѣдельныя подушки были малиновыя шелковыя съ золотою бахрамою. Бока возка были расписаны золотомъ, а колеса и дышло крашеныя.

Впереди ѣхали вершники *), раздвигая народъ, за ними московскіе копейщики подъ предводительствомъ статнаго, богато-разряженнаго юноши, а затѣмъ уже медленно двигался возокъ, въ которомъ сидѣлъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ, милостиво кланяясь на обѣ стороны шумно привѣтствовавшему народу.

По сторонамъ войска шли съ обнаженными головами первые сановники двора.

Вслѣдъ за нимъ несли на носилкахъ, обитыхъ алымъ бархатомъ, великую княгиню Софью Ѳоминишну съ дѣтьми и ея пасынкомъ.

Она величественно сидѣла на парчевыхъ подушкахъ, унизанныхъ жемчугомъ.

За носилками шли ближніе бояре, окольничьи, стольничьи, кравчіе и остальной придворный штатъ.

Толпы народа замыкали шествіе.

Когда вся процессія остановилась у дворца,

---

*) Верховые.

дворецкій *), по повелѣнію великаго князя, обратился къ народу и провозгласилъ:

— Для имянинъ своихъ великій князь приглашаетъ подданныхъ на трапезу, устроенную противъ его палатъ.

Слова эти были встрѣчены кликомъ восторга:

— Да здравствуетъ отецъ, нашъ, Іоаннъ Васильевичъ, съ матушкою великою княгинею, съ чадами и со всѣми потомками своими!

Толпа хлынула къ мѣсту пиршества.

Между двухъ столбовъ, находившихся другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, были протянуты веревки, на которыхъ висѣли калачи и мясные окорока; на стоявшихъ тутъже столахъ были нагромождены кучи пироговъ, караваевъ, блиновъ, сырниковъ и другихъ яствъ Возлѣ столовъ стояли чаны съ брагою и медомъ.

Угощенье народа началось.

Назарій замѣтилъ между сановниками, сопровождавшими возокъ великаго князя Ивана князя Стригу-Оболенскаго, и послѣдній, также узнавъ его въ толпѣ, протолкался къ нему и, заключая его въ свои объятія, изумленно спросилъ:

— Какими судьбами очутился ты здѣсь?

— И самъ хорошенько не знаю, какъ занесло насъ сюда съ товарищемъ,—отвѣчалъ Назарій, указывая на Захарія,—и отвѣтить не рѣшусь: волею, али неволею?

---

*) Должность, соотвѣтствующая должности гофмаршала.

Захарій отвѣсилъ князю неуклюжый поклонъ.

Послѣдній продолжалъ смотрѣть на нихъ вопросительно.

— Впрочемъ, здѣсь не мѣсто и не время разсказывать!—добавилъ Назарій.

— Такъ пойдемте ко мнѣ и отдохните у меня, а тамъ я васъ представлю нашему высокому имениннику,—сказалъ князь Стрига-Оболенскій.

Всѣ трое двинулись изъ Кремля въ хоромы княжескія, находившіяся по близости.

Быть представленными князю и было цѣлью пріѣзда новгородцевъ, а потому обѣщаніе Стриги-Оболенскаго пришлось имъ очень кстати.

XXII.

Царь.

Іоаннъ III Васильевичъ, царствовавшій съ 1462 по 1505 годъ, первый изъ русскихъ государей сталъ именовать себя царемъ и былъ однимъ изъ величайшихъ монарховъ Россіи. Онъ довершилъ труды своихъ предшественниковъ въ собираніи русскихъ отдѣльныхъ княженій въ единое государство и своими мудрыми дѣлами ясно указалъ цѣли и намѣтилъ тотъ путь, по которому и пошли потомъ его преемники вплоть до нашихъ временъ.

Съ 1425 по 1462 года въ Москвѣ былъ великимъ княземъ внукъ Димитрія Донскаго, Василій Васильевичъ Темный. Много этотъ князь потерпѣлъ несчастій на своемъ вѣку, но великое удовольствіе доставлялъ ему подроставшій сынъ. Слѣпой князь прозиралъ духомъ великую будущность сына, и, кромѣ того, эта будущность была ему предсказана, когда Иванъ былъ еще отрокомъ.

Въ Москву пріѣзжалъ ходатаемъ за буйныхъ своихъ согражданъ одинъ изъ святыхъ мужей новгородскихъ, архіепископъ Іона. Во время бесѣды его съ великимъ княземъ о дѣлахъ Руси, внезапно вошелъ въ горницу сынъ и наслѣдникъ Васильевъ,— Иванъ.

Святитель взглянулъ на него и сказалъ:

— Вотъ кому Богъ пошлетъ свободу отъ власти ордынской.

Затѣмъ долго въ молчаніи глядѣлъ на отрока, на его разумныя очи и вдругъ закрылъ лицо свое руками и, заплакавъ, сквозь слезы произнесъ:

— Отрокъ сей приведетъ и мою родину, Великій Новгородъ, подъ свою руку.

Василій Темный умеръ въ 1462 году, 17-го марта. Ему наслѣдовалъ этотъ Иванъ, или Іоаннъ, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду.

Двадцать лѣтъ прошло со времени взятія турками Царь-Града.

Въ это время греки,—даже тѣ, которые понадѣялись было на папу и подписали соединеніе вѣръ,—поняли, что спасеніе ихъ можетъ выйти только изъ самаго правосла-

вія, и такъ какъ изъ православныхъ государствъ въ то время, очевидно, возвышалось одно государство Московское, то на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока.

У грековъ завязались тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой церкви самъ не могъ пріѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ россійскому духовенству самому, соборнѣ, выбрать себѣ митрополита.

Но званіе защитника церкви,—лежавшее по преемству отъ святаго Константина Великаго, на греческихъ царяхъ,—греки задумали передать торжественно и по всѣмъ правамъ государю московскому.

Дѣло это они устроили такимъ образомъ.

Многіе изъ грековъ проживали въ Римѣ, но лишь по наружности признавали папу. Они, и особенно грекъ, кардиналъ Виссаріонъ, стали внушать папѣ Пію II мысль, что съ великимъ княземъ московскимъ можно обдѣлать разомъ два дѣла: обратить его въ католичество и получить помощь для борьбы съ турками. Для этого надо-де постариться женить его на племянницѣ послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога, Софіи, которая въ приданое принесла-бы ему свои права на престолъ Константиновъ и обратила-бы самого его въ католичество; онъ-де вдовъ, и молодъ и противъ женской прелести и хитрости не устоитъ.

Папа съ радостью ухватился за эту мысль

и послалъ въ Москву сватомъ грека-же Георгія.

Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, «Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль», и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ смотрѣть невѣсту и вести переговоры своего посланца, итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина. Начались переписки и дѣло длилось около двухъ лѣтъ. Наконецъ, невѣсту отправили въ Россію.

— Ну, дочь моя—говорилъ, отпуская ее, папа,—послужи римскому престолу, и будешь ты великая изъ женъ, если еритическаго царя Ивана приведешь въ римскую вѣру.

Невѣсту провожалъ папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно, въ своей красной мантіи и чтобы впереди его несли большій латинскій крестъ.

Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по римско-католическому обряду.

Но за нѣсколько верстъ отъ Москвы крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда не измѣняла православію,—и въ тотъ-же день, 12 ноября 1471 года, была обвѣнчана съ Іоанномъ Васильевичемъ въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ.

Кардиналъ началъ было разговоръ о вѣрѣ, но когда митрополитъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что не взялъ съ собой нужныхъ книгъ, не ожидая спора, такъ какъ Иванъ Фрязинъ говорилъ въ Римѣ, что здѣсь всѣ согласны

на соединеніе вѣръ. Ему отвѣчали, что вольно имъ былй вѣрить. Фрязинъ-де никакихъ грамотъ съ собой о томъ не имѣлъ: и за ложь великій князь прогонитъ его съ очей своихъ.

И точно, великій князь прогналъ его, но не надолго,—потомъ опять принялъ на службу.

Кардиналъ съ тѣмъ и уѣхалъ.

Папа римскій остался непричемъ.

Іоаннъ-же Васильевичъ женившись на греческой царевнѣ, принялъ на себя права ея предковъ, облаченіе императорское и гербъ византійскихъ императоровъ—двухглавый орелъ.

Митрополитъ на торжественныхъ службахъ, обращаясь къ нему, сталъ называть его царемъ: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, преславный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ» *).

Въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ онъ сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ завелъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей; иностранныхъ пословъ сталъ принимать въ порфирѣ, въ шапкѣ древняго греческаго императора Константина Мономаха, въ его бармахъ и со скипертомъ въ рукѣ. Всѣ эти царскія украшенія были Софьино приданое и привезены ею.

Въ глазахъ своихъ подданныхъ Іоаннъ Васильевичъ уже сталъ монархомъ, требу-

*) А. Н. Майковъ—«Иванъ III».

ющимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до недосягаемой царственной высоты, передъ которою бояре и князья одного съ нимъ корня должны были благовѣйно преклоняться наравнѣ съ послѣднимъ изъ его подданныхъ

Таковъ былъ Іоаннъ—первый русскій самодержецъ.

До него князья московскіе, начиная съ Ивана Даниловича Калиты, и московскій народъ, словно молча, не понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ татаръ, и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали,—чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, а объ общемъ дѣлѣ не помышляли и тяготы его не несли, каковы были, напримѣръ, новгородцы.

Теперь дѣло было сдѣлано: отъ орды Русь была свободна. Народъ русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи побѣды и великій умъ Іоанна III еще болѣе возвысили мнѣніе русскихъ о самихъ себѣ и о величіи своего государя.

Когда-же палъ Царь-градъ и съ нимъ прирожденный защитникъ иравославія, царь греческій, и Іоаннъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ и на него перешло, вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регаліями, высокое званіе, права и обязан-

ности великаго и единаго поборники истинной вѣры, тогда русскіе съ гордостью стали говорить:—«Государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится! Два Рима пало, третій стоитъ, а четвертому не быть».

XXIII.

Начало новгородской смуты.

Прежде нежели мы послѣдуемъ за Стригой-Оболенскимъ и его нежданными гостями въ княжескія хоромы, разскажемъ вкратцѣ исторію новгородской смуты и причину таинственнаго появленія двухъ оффиціальныхъ представителей Великаго Новгорода въ ненавистной, какъ мы видѣли ранѣе, ему Москвѣ.

По новгородскимъ хартіямъ значилось, что пригородъ Москвы,—Торжокъ и окружныя земли издавно были подъ властію Великаго Новгорода, но дѣдъ Іоанна, III великій князь Василій Дмитріевичъ, завоевалъ ихъ и оставилъ за собою, по договорнымъ-же грамотамъ съ сыномъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, прозваннымъ Темнымъ, Торжокъ снова обратился подъ власть новгород-

скаго вѣча, а прочія земли остались какъ-бы затаенныя за Москвою и помину объ нихъ не было. Думные и совѣтные бояре новгородскіе много разъ собирались на вѣчѣ, чтобы рѣшить, кому владѣть ими. По праву онѣ должны были оставаться за Іоанномъ Васильевичемъ, какъ пріобрѣтенныя мечемъ, хотя и его предками. Такъ говорили разумные мужи, но молодость не хотѣла объ этомъ и слушать.

«Подавай намъ судъ и правду»!—кричали они, не вѣдая ни силы, ни могущества московскаго князя:—«Наши дѣды и отцы были уже черезъ чуръ уступчивы ненасытнымъ московскимъ князьямъ, такъ почему-же намъ не вступиться и не поправить дѣла. Еще подумаютъ гордецы-москвитяне, что мы слабы, что въ Новгородѣ выродились всѣ храбрые и сильные, что вымерли всѣ мужи, а остались дѣти, которыя не могутъ сжать меча своею слабою рукою. Нѣтъ возстановимъ древнія права вольности и смѣлости своей, не дадимъ посмѣяться надъ собою».

У новгородцевъ того времени текла въ жилахъ не кровь, а кипятокъ: зарони искру въ одного, и во всѣхъ—полымя.

Такъ случилось и тогда.

Думали, думали, съ чего-бы начать дѣйствовать? Явно напасть на владѣнія великаго князя не хотѣли, а можетъ быть и не смѣли, и потому начали дѣйствовать изподтишка, понемногу, захватя доходы его, воды и земли, заставляли присягать народъ только именемъ Великаго Новгорода, а о князѣ умал-

чивали, наконецъ, схватили великокняжскаго намѣстника и пословъ и властію вѣча заключили ихъ подъ стражу.

Великій князь, узнавъ объ этомъ, прислалъ изъ Москвы гонца съ требованіемъ удовлетворенія, но они его отослали безъ отвѣта.

Вскорѣ новгородскій намѣстникъ Василій Ананьинъ поѣхалъ въ Москву съ земскими дѣлами, но ни слова не сказалъ объ этомъ дѣлѣ великому князю. Послѣдній самъ сдѣлалъ ему по этому поводу запросъ.

— Я ничего не знаю,—отвѣчалъ Ананьинъ,—Великій Новгородъ не далъ мнѣ о семъ никакихъ повелѣній.

Князь промолчалъ, но когда сталъ отпускать его въ обратный путь, то промолвилъ прощаясь:

— Скажи новгородцамъ, моей отчинѣ, чтобы они исправились, заточенныхъ освободили-бы съ честью, въ земли мои и воды отнюдь не вступались, а имя мое держали-бы честно и грозно по старинѣ, исполняя обычай крестный, если хотятъ отъ меня милости и защиты. Прибавь имъ и накажи помнить, что терпѣнію бываетъ конецъ, а мое истощается... Ступай.

Послѣ отъѣзда Ананьина, великій князь послалъ боярина Селиванова съ грамотою псковитянамъ, приглашая ихъ, въ случаѣ войны, быть готовыми выступить въ походъ съ московскими дружинами противъ ослушниковъ. Намѣстникомъ въ Псковѣ былъ тогда Ѳедоръ Юрьевичъ, великій воевода, храбро гонявшій нѣмчиновъ, какъ стаю трус-

ливыхъ зайцевъ, отъ области ему ввѣренной. Псковитяне прислали великому князю судное право во всѣхъ своихъ двѣнадцати пригородахъ, а до тѣхъ поръ московскіе князья судили и рядили только въ семи, остальные-же оставались въ зависимости отъ народной власти.

Псковитяне предложили новгородцамъ свое посредничество между ними и великимъ княземъ, но совѣтъ новгородскій имъ отвѣчалъ: «Если вы добросовѣстны и намъ не вороги, а добрые сосѣди, то вооружитесь и станьте за насъ противъ самовластія московскаго, а кланяться вашему владыкѣ не хотимъ, потому что считаемъ это дѣло зазорнымъ, да и ходатайства вашего не желаемъ и не принимаемъ, а коли вы согласны на наше предложеніе, то дайте знать, тогда и мы сами будемъ вамъ всегда вѣрны и дружественны».

Вмѣсто отвѣта псковитяне сообщили обо всемъ великому князю.

Это неустрашило новгородцевъ, они надѣялись на собственныя свои силы и на мужество всегда могучихъ сыновъ св. Софіи, какъ называли они себя, продолжали своевольничать и не пускали на вѣче никого изъ московскихъ сановниковъ. Въ это время король польскій прислалъ въ Новгородъ посломъ своего воеводу, князя Михаила Оленьковича, и съ нимъ прибыло много литовскихъ витязей и поповъ. Зачѣмъ было прислано это посольство, долго никто не зналъ, тѣмъ болѣе, что смерть новгородскаго вла-

дыки Іоны отвлекла вниманіе отъ заѣзжихъ гостей.

Совѣтъ бояръ и посадниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Назарій, избралъ протодьякона Ѳеофила. Избраніе произошло по жребію, взятому съ престола св. Софіи, куда былъ положенъ жребій протодьякона Ѳеофила и ключника Пимена. Избрать-то избрали, а постановить его надо было въ Москвѣ по древнему обычаю. Какъ туда ѣхать безъ согласія великаго князя? Рѣшились, однако, послать боярина Никиту съ просьбою къ нему, къ его матери и къ митрополиту. Великій князь оказалъ милость, далъ опасную грамоту *), для пріѣзда Ѳеофила въ Москву, а отпуская его обратно, велѣлъ передать новгородцамъ:

— Онъ вами избранъ — и принятъ былъ мною съ честью. Я готовъ жаловать васъ, мою отчину, и всегда, если вы чистосердечно признаете вину свою и не забудете, что мои предки чествовалить великими князьями Новгорода и всея Руси.

Новопоставленный владыка Ѳеофилъ, тронутый пріемомъ и милостями великаго князя, началъ стараться прекратить распрю между нимъ и новгородцами и успѣлъ-бы въ этомъ, такъ-какъ народъ сталъ поддаваться на его увѣщанія, но вдругъ открыся мятежъ со стороны никѣмъ не ожиданной.

---

*) Предохранительный листъ для свободнаго пріѣзда въ Москву.

XXIV.

Польская интрига.

Вопреки наставленіямъ дѣдовъ и отцовъ, вопреки древнимъ обычаямъ, запрещавшимъ женщинамъ принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ народа, въ одинъ прекрасный день на вѣчѣ появилась гордая, честолюбивая и хвастливая женщина—Мареа Борецкая. Оно была вдова бывшаго посадника Исаака Борецкаго, мать двухъ взрослыхъ сыновей. Богатства ея были несмѣтны, знатность, краснорѣчіе, гостепріимство были извѣстны всѣмъ далеко за предѣлами Новгорода; благодаря этимъ качествамъ овладѣвала она душами людей, всѣ подчинялись ея уму и умѣнью излагать свои мысли. Слова ея такъ лились изъ ея устъ, что ласкали слухъ и вмѣстѣ подчиняли память до такой степени, что трудно было ихъ изгнать изъ головы.

Въ одно изъ засѣданій вѣча, гдѣ находился Назарій, вдругъ въ совѣтную комнату вбѣжала, прорвавшись сквозь стражу стоявшую у входа, высокая, немолодая, хотя все еще красивая женщина. Видъ ея былъ растрепанъ, покрывало на головѣ смято и отброшено съ лица, волосы раскинуты, глаза-же горѣли какимъ-то неестественнымъ блескомъ.

Это была Мареа.

Она остановилась, обвела глазами собра-

ніе и, не давъ никому опомниться отъ неожиданности, заговорила:

— Кого я вижу передъ собой? Здѣсь-ли вѣче Великаго Новгорода? Куда дѣвались совѣтные мужи его? Я ихъ не вижу! Это слабые ребята, которымъ пригрозили розгою, и они отступаются отъ правъ своихъ, отдаютъ угнетенную родину, какъ агнца въ зубы хищнаго волка.

Она перевела духъ.

— Сокройтесь отсюда,—грозно вскрикнула она:—Пустите насъ, женъ, на мѣста свои: мы засядемъ въ совѣтѣ, мы будемъ защищать васъ отъ враговъ московскихъ.

Долго говорила она, и что ни слово—все больше и больше лилось съ ея языка яду, что ни взглядъ то упрекъ, презрѣніе...

Но нахальство восторжествовало: рѣчь ея подчинила себѣ новгородское вѣче, и съ этого момента Новгородъ оказался въ ея рукахъ.

Подчинился ей и сравнительно молодой Назарій.

Присутствіе ея стало на вѣчѣ дѣломъ обыкновеннымъ.

Прошло нѣсколько недѣль.

На одномъ изъ собраній она радостно объявила, что польскій король прислалъ новгородцамъ запросъ: не хотятъ-ли они его помощи?

Немногіе благоразумные изъ новгородцевъ поняли тогда, что означало прибытіе Михаила Оленьковича съ литовскою дружиной, но даже и сторонники Мареы находили рѣшеніе вопроса, задѣтаго Казиміромъ, опаснымъ.

— Предложеніе выгодно, но и въ золотомъ кубкѣ можно поднесть яду!—слышались замѣчанія.

Вѣче призадумалось.

Литовцы между тѣмъ безчинствовали и грабили въ городѣ, позволяли себѣ выражать неуваженіе къ народнымъ представителямъ даже на вѣчѣ, куда были призваны для выслушанія отвѣтовъ.

Архіепископъ Ѳеофилъ первый подалъ голосъ, что непристойно соединяться съ литвинами. Къ нему примкнули бояре: Василій Никаноровъ, Захарій Овинъ, Назарій и еще нѣсколько другихъ.

Борецкая, присутствовавшая на вѣчѣ встала.

— Слушайте, чтобы послѣ не раскаяться. Король польскій хотѣлъ быть заступникомъ нашимъ, а вы, недостойные, не хотите признать и оцѣнить его милостей. Онъ требуетъ съ насъ дани менѣе Іоанна, обѣщаетъ не притѣснять насъ и всегда стоять крѣпко за будущую отчину свою противъ Іоанна и всѣхъ враговъ Великаго Новгорода.

Многіе стали было возражать ей, но наемные клевреты ея заглушили голоса возражавшихъ криками:

— Не хотимъ Іоанна, хотимъ Казиміра! Да здравствуетъ Казиміръ!

Марѳа снова побѣдила.

Дѣло сдѣлалось, покорились даже благоразумные, въ числѣ которыхъ былъ и Назарій. Приложили всѣ руки и печати къ роковой грамотѣ и послали ее съ богатыми подар-

ками къ Казиміру, прося не одного заступничества, но и подданства, т. е. того, за что хотѣли поднять руку на своего законнаго правителя—Іоанна.

Вскорѣ отъ Казиміра было получено подписанное имъ согласіе.

Статья седьмая этого договора гласила:

«Если ты примиришь насъ съ Іоанномъ, княземъ московскимъ, то обязуемся выплатить тебѣ, господину честному королю, всю народную дань, состоящую въ годовомъ окладѣ».

Изъ этого было ясно, что легкомысленныхъ новгородцевъ не особенно прельщала перспектива подданства Литвѣ и что скрытой задушевной ихъ мыслью было примириться съ Іоанномъ Васильевичемъ. Большинство разсчитывало, что онъ малодушно откажется отъ борьбы съ Литвою.

Московскіе намѣстники были освобождены и жили попрежнему спокойно на Городищѣ. Имъ, конечно, не нравилась интрига Борецкой, но въ правленіе новгородскихъ посадниковъ они не мѣшались и лишь отписывали обо всемъ великому князю. Новгородцы продолжали ихъ чествовать, какъ представителей Іоанна, и убѣждали ихъ, что отъ послѣдняго зависитъ навсегда оставаться другомъ св. Софіи, а между тѣмъ, въ Двинскую землю былъ уже отправленъ воевода, князь суздальскій Василій Шуйскій-Гребенка, охранять ее отъ внезапнаго вторженія московской рати.

Вскорѣ отъ великаго князя Іоанна была

получена грамота, въ которой онъ уговаривалъ мятежниковъ смириться. Митрополитъ въ приписѣ увѣщевалъ ихъ на тоже самое и, соболѣзнуя о народѣ русскомъ, писалъ, что вдаются они въ ересь нечестивую, какъ въ сѣти дьявола.

На вѣчѣ снова заволновались умы, и снова побѣда осталась за Мареой и ея сторонниками.

Грамоту оставили безъ отвѣта.

Терпѣніе Іоанна истощилось, и онъ прислалъ новгородцамъ складную грамоту, т. е. объявленіе войны, исчисляя въ ней всѣ дерзости, которыя они нанесли его лицу.

XXV.

Война.

Многочисленное войско, предводимое самимъ великимъ княземъ, выступило противъ Новгорода, Іоаннъ убѣдилъ князя тверского Михаила дѣйствовать съ нимъ заодно, псковитянамъ приказалъ выступить съ московскимъ воеводою Ѳедоромъ Юрьевичемъ Шуйскимъ, по дорогѣ къ Новгороду, устюжанамъ-же и вятчанамъ идти на Двинскую землю подъ начальствомъ Василія Ѳеодоровича Образца и Бориса Слѣпого-Тютчева, а князю Даніилу Холмскому—на Рузу.

Сынъ князя Оболенскаго-Стриги, Василій, съ татарскою конницей спѣшилъ къ берегамъ Мечи, съ самимъ-же великимъ княземъ отправились прочіе бояре князья, воеводы и та-

тарскій царевичъ Даніяръ, сынъ Касимовъ. Кромѣ того, молодой князь Василій Михайловичъ Верейскій, предводительствовавшій своими дружинами, пошелъ окольными путями къ новгородскимъ границамъ.

Новгородцы, наскоро набравъ войско изъ разныхъ званій и состояній, выступили противъ москвитянъ.

Войска встрѣтились у самаго Ильменя.

Завязалось жаркое дѣло.

Среди новгородцевъ было много новобранцевъ, а потому войско ихъ не выдержало натиска дружинъ князя Холмскаго и боярина Ѳедора Давыдовича и бѣжало.

Москвитяне побѣдили, бросились вслѣдъ за бѣглецами. Началась страшная рѣзня. Множество плѣнныхъ новгородцевъ были трофеями побѣды. Имъ отрубили носы, уши, губы и искалѣченныхъ отпустили въ Новгородъ, а отнятое оружіе топили въ Ильменѣ.

«Измѣнническимъ оружіемъ мы не нуждаемся»!—говорили москвитяне. Такой-же перевѣсъ оказался вездѣ на сторонѣ послѣднихъ. Среди плѣнныхъ были посадники, начальствовавшіе надъ войскомъ, воевода Казиміръ и сынъ Мареы, Димитрій Исааковъ Борецкій.

Боярскій сынъ Иванъ Замятинъ представилъ ихъ всѣхъ великому князю, находившемуся въ Яжелбицахъ, и вручилъ ему договорную грамоту съ королемъ польскимъ, эту законопреступную хартію — памятникъ новгородской измѣны. Ее нашли въ обозѣ, перехваченномъ еще наканунѣ битвы.

Нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ казнили на мѣстѣ, а другихъ, скованныхъ, отослали въ Коломну.

Оставалась одна опора Новгорода—князь Василій Шуйскій-Гребенка, но вскорѣ пришла вѣсть, что онъ, разбитый и раненый, бѣжалъ въ Холмогоры. Явившись съ полей битвъ, обрызганные кровью и искалеченные воины произвели панику въ городѣ — новгородцы спохватились. Имъ жутко стало и стыдно. Пронадѣялись на литву, а литвины сами только вредили имъ: Михаилъ Оленьковичъ бѣжалъ еще ранѣе битвы и по дорогѣ разграбилъ Рузу. Въ Новгородѣ остался только совѣтникъ Мареы, шляхтичъ Звержановскій, котораго она скрывала въ своемъ домѣ отъ народной ярости.

Уныло загудѣлъ, какъ-бы застоналъ вѣчевой колоколъ. Сошлись на вѣчѣ сыны св. Софіи съ поникшими головами. Думали, гадали и, наконецъ, рѣшили во чтобы то ни стало сопротивляться.

Повсюду наступилъ голодъ, появились недуги, продовольствія взять было не откуда, такъ какъ всѣ обозы перехватывали москвитяне. Воины новгородскіе съ башенъ и бойницъ валились мертвые грудами, да, кромѣ того, нѣкто Упадышъ, бывшій до того времени вѣрнымъ слугою отечества, заколотилъ стѣнные огнеметы и этимъ довершилъ безсиліе новгородцевъ къ защитѣ,

Упадыша отыскали, отрубили ему голову и трупъ бросили въ ровъ.

Въ тоже время пришло въ Новгородъ из-

вѣстіе о казни именитыхъ посадниковъ и въ числѣ ихъ Димитрія Борецкаго. До тѣхъ поръ никто изъ великихъ князей не рѣшался покуситься на жизнь первостепенныхъ бояръ новгородскихъ.

Архіепископъ Ѳеофилъ вразумилъ своихъ согражданъ просить пощады у грознаго, раздраженнаго Іоанна и взялся самъ ходатайствовать передъ лицомъ его о прощеніи.

Новгородцы дали ему свое согласіе и полную свободу дѣйствій при заключеніи мира, и онъ со свитою, въ которой находился Назарій, отправился къ великому князю.

Смиренно преклонило посольство передъ нимъ свои головы и упросило смилостивиться надъ своимъ народомъ и поберечь свою отчину.

Порѣшили на томъ, чтобы внести въ его казну 50 пудовъ серебра *), а затѣмъ платить ежегодно черную, или народную дань, возвратить ему прилегающія къ Вологдѣ земли, берега Пинеги, Мезени, Нелевючи, Выи, Песчальной Суры и Пильи горы. Эти мѣста были уступлены Василію Темному, но послѣ новгородцы снова отняли ихъ. Архіепископовъ обязались ставить въ Москвѣ, у гроба св. Петра-чудотворца, въ домѣ Богоматери, не принимать враговъ великаго князя: князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василія Ярославича Боровскаго, отмѣнить вѣчевыя грамоты и обѣщались не издавать судныхъ правъ безъ утвержденія и печати

*) 15,500 рублей.

великаго князя, и многое другое, и по обычаю цѣловали крестъ въ увѣреніе въ исполненіи ими всего обѣщаннаго.

Великій князь помирилъ съ своей стороны новгородцевъ съ псковитянами, и бояринъ Ѳедоръ Давыдовичъ, взявъ на вѣчѣ присягу, тѣмъ закончилъ дѣло.

Миръ былъ заключенъ.

Марѳа Борецкая скрылась въ свои вотчины, но про нее великій князь не обмолвился ни словомъ въ договорной грамотѣ, какъ-бы презирая слабую жену.

Простился онъ съ новгородцами привѣтливо и со славою возвратился въ Москву.

Въ Новгородѣ наступили тишина и спокойствіе.

Хотя онъ много потерялъ, но зато пріобрѣлъ сильнаго защитника противъ другихъ хищниковъ.

За три года до пріѣзда Назарія въ Москву, великій князь посѣтилъ Новгородъ, былъ встрѣченъ съ почестями и въ особенности среди новгородскихъ сановниковъ отличилъ Назарія.

Послѣдній, дѣйствительно, честно и искренно служилъ своему отечеству и рукой и головой, но почти передъ самымъ пріѣздомъ великаго князя былъ обойденъ стоими согражданами,—его обошли посадничествомъ и избрали по проискамъ, Борецкой какого-то литвина.

Назарій, бесѣдуя съ Іоанномъ, высказалъ ему свою обиду и открылъ ему свое сердце.

— Я стерпѣлъ за себя, но не могу стер-

пѣть за отечество, — заключилъ онъ свой разсказъ, — такъ какъ чуетъ мое сердце, Мареа снова завладѣетъ новгородскими душами.

Іоаннъ предложилъ ему пріѣхать къ нему въ Москву и отъ имени Новгорода назвать его государемъ, что означало-бы полное подданничество.

Назарій испросилъ время на размышленіе.

Три долгихъ года обдумывалъ онъ этотъ роковой шагъ—однимъ словомъ передать во власть Москвы свое отечество.

Сильно и часто за эти годы билось его сердце. Жаль было ему родины съ обѣихъ сторонъ, но что было дѣлать? Лучше отдать своему, чѣмъ чужимъ!

Назарій рѣшился проѣхать въ Москву.

XXVI.

Въ домѣ князя Стриги-Оболенскаго.

— Ну, теперь мы одни,—сказалъ князь Оболенскій, усаживая гостей своихъ въ свѣтлицѣ на широкихъ дубовыхъ лавкахъ, покрытыхъ суконными настилками:—Повѣдай-же мнѣ, Назарій Евстигнѣевичъ, такъ какъ мы съ тобой считаемся кровными и недальними,—ты мнѣ внучатый братъ доводишься,—волею или неволею занесла васъ лихая студь къ намъ, вашимъ ворогамъ?

— Не знаю, братъ,—отвѣчалъ Назарій,—какъ тебѣ на это отвѣтить, тутъ все есть: и воля, и неволя.

— Да уразумѣлъ-ли ты вопросъ мой, на что онъ мѣтитъ и о чемъ я рѣчь веду?

— Какъ не уразумѣть! А ты-бы насъ сперва напоилъ накормилъ, да спать уложилъ, а послѣ-бы и спрашивалъ: зачѣмъ-де вы, дальнія птицы, прилетѣли на чужбину? Здѣсь не накормятъ васъ пшеницей ярой, а съ васъ-же послѣднія перышки ощиплятъ,—замѣтилъ Захарій.

— И, вѣдомо, такъ,—сказалъ улыбнувшись Оболенскій: — Вы народъ хитровой, сперва надо расплавить задушевныя рѣчи винцомъ горячимъ, а тамъ онѣ ужъ сами съ языка польются.

Вскорѣ слуги уставили столъ яствами и питіями и удалились.

— Съ тобой, какъ съ кровнымъ, сердечнымъ и старшимъ,—началъ Назарій, машинально принимаясь за пищу,—хочу я вмѣстѣ побесѣдовать, чтобы раздумать думу крѣпкую и растосковать тоску тяжелую.

— Ты знаешь, братъ,—отвѣчалъ Оболенскій съ дрожью въ голосѣ, — я теперь сиръ и душой и тѣломъ, хозяйка давно уже покинула меня и если-бы не сынъ — одна надежда—пуще-бы зарвался я къ ней, да ужъ и такъ, мнится мнѣ, скоро я разочтусь съ землей. Дни каждаго человѣка сочтены въ руцѣ Божіей, а моихъ уже много, такъ говори-же смѣло, въ самую душу приму я все, въ ней и замретъ все.

— Потому-то я тебя и избралъ, какъ образецъ честности. Дѣло такого рода, — загово-

рилъ Назарій, поставивъ на столъ кубокъ и отодвинувшись отъ стола,

— Такъ говори-же, не мѣшкай, и у меня кусокъ коломъ становится въ горлѣ,—вопросительно взглянулъ на него князь, положивъ на столъ ложку.

— Начну тебѣ издалека, какъ взбаламутились земляки мои. Помнишь-ли, что было лѣтъ за пятокъ передъ симъ? Подробно ты не знаешь, впрочемъ, какъ и почему все случилось...

— Да, я оставался тогда править Москвой вмѣстѣ съ братомъ великаго князя, Андреемъ меньшимъ, а сынъ мой Василій направился отсюда съ татарской конницей прямехонько на берега рѣки Мечи—прервалъ его князь Иванъ.

— Не забудь меня въ присловьи,—сказалъ насытившійся Захарій, прислонясь спиной къ стѣнѣ,—а я немного прикурну.

Назарій началъ свой разсказъ. Онъ подробно передалъ князю Стригѣ-Оболенскому все то, что уже извѣстно нашимъ читателямъ изъ предыдущихъ главъ, и высказалъ ему свой уговоръ съ великимъ княземъ и цѣль своего пріѣзда въ Москву.

— Но гдѣ ты добылъ себѣ этого чудака? Кто онъ таковъ? — въ полголоса спросилъ Оболенскій, указывая на Захарія, который давно уже, сидя на лавкѣ, раскачивался всѣмъ тѣломъ съ полуразинутымъ ртомъ въ пріятномъ усыпленіи.

— Его подкупилъ намѣстникъ московскій сопутствовать мнѣ, онъ дьякъ вѣча, чтобъ

въ случаѣ надобности, приложить и его руку въ доказательство новгородцамъ, что мы посланы отъ нихъ. Происками своими онъ съумѣлъ достигнуть такого важнаго чина. Съ виду то онъ хоть и простъ, не казистъ, но хитеръ, какъ сатана, а богатъ, какъ ханъ.

Назарій замолчалъ и лишь послѣ довольно продолжительнаго раздумья, непрерываемаго деликатнымъ хозяиномъ заговорилъ снова:

— Все готовъ я перенесть, даже отдать подъ топоръ повинную голову, если князь вашъ не исполнитъ обѣщанныхъ условій, но чѣмъ загладить неповинную казнь Упадыша. Изъ любви къ Новгороду поступилъ онъ такъ, чтобы спасти его и не дать поводъ разгромить его. Вотъ что выпытали у него передъ смертью. А я подалъ голосъ противъ него... я открылъ его измѣну!.. Живо помню я то время... какъ теперь гляжу я на эти сѣдины, вдругъ обагрившіяся алою кровью... А что тяжелѣй всего—съ тѣхъ-поръ пропалъ безъ вѣсти малолѣтній сынъ его... непризрѣнный никѣмъ сирота. Должно, умеръ онъ съ голода или съ холода! Эта мысль душитъ, терзаетъ меня

Наступило снова унылое молчаніе.

Вдругъ князь Иванъ произнесъ какъ-бы вдохновенно.

— Ты не виновенъ!..

Точно пудовая тяжесть скатилась съ души Назарія взглядъ его просвѣтлѣлъ.

— Почему-же ты считаешь меня бѣлымъ между черными?

— Потому что ты былъ только окрутанъ черными пеленами, но когда ангелъ Госпо-

день, охраняющій всякаго человѣка, внушилъ тебѣ оборвать таинственныя сѣти, сплетенныя рукою дьявола, ты вышелъ изъ нихъ. И власъ главы твоей не погибнетъ по слову Божію, безъ Его произволенія. Сынъ-же мученика Упадыша, если живъ, то, повѣрь, бережется также Отцемъ Небеснымъ и призрѣнъ добрыми людьми. Судьба темна и мудрена. Можетъ быть, ты найдешь его, замѣнишь ему родителя, и сойдетъ на васъ благословеніе Неба. Доверши-же начатое. Тебѣ еще мало вѣдомъ князь нашъ, но когда самъ узнаешь, кого намъ послалъ Господь въ лицѣ его, то возрадуешься и совершенно успокоишься. Видно, молитва православныхъ нашла его и наступили времена свѣтлыя для насъ, уже не тѣ, когда Москва свѣтилась заревами и раздиралась на части. Выстрадала она, сердечная, долю свою.

Съ сердечнымъ умиленіемъ прислушивался Назарій ко всякому слову князя. Вдругъ спящій Захарій встрепенулся и вскочилъ:

— А что? Пора? — бормоталъ онъ, вытаращивъ глаза.

Назарій невольно улыбнулся:

— Ты, видно, думаешь, что мы все еще въ дорогѣ? Экъ она убаюкала тебя... Не очнешься...

Насмѣшливый тонъ Назарія омрачилъ лицо новгородскаго дьяка въ ту минуту, когда довольная улыбка было освѣтила его.

— Теперь время отправляться и въ палаты великокняжескія!—замѣтилъ Оболенскій.

Назарій вздрогнулъ.

— Итакъ должно все рѣшиться!—прошепталъ онъ.

— Въ рукѣхъ у Него милостей много. Не намъ судить и разбирать, къ чему ведетъ Его святой Промыселъ. Намъ остается вѣрить только, что все идетъ къ лучшему!—сказалъ князь Иванъ, указывая рукой на кроткій ликъ Спасителя, въ ярко-горящемъ золотомъ вѣнцѣ, глядѣвшій на собесѣдниковъ изъ передняго угла свѣтлицы.

Назарій вздохнулъ съ облегченіемъ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, твердой походкой вышелъ вслѣдъ за княземъ и Захаріемъ.

XXVII.

Въ палатахъ великокняжескихъ.

На широкій великокняжескій дворъ вела по Кремлю извилистая дорога, убранная по сторонамъ воткнутыми елками и березками и усыпанная бѣлымъ пескомъ съ Воробьевыхъ горъ.

Народъ, послѣ только-что окончившейся пирушки, данной ему великимъ именинникомъ, толпился по этой дорогѣ въ ожиданіи проѣзда во дворецъ бояръ, князей и прочихъ сановниковъ

Въ иныхъ мѣстахъ слышалась залихватская пѣсня, прерывавшая несмолкаемый говоръ толпы,—всѣ были пьяны, довольны и веселы.

Но вотъ показался боярскій поѣздъ, потянулась цѣпь разноколиберныхъ возковъ и колымагъ, и народъ, заслышавъ стукъ колесъ и конскихъ копытъ, раздвинулся на двѣ стороны, чтобы дать дорогу проѣзжающимъ.

Иные сторонились по собственной волѣ, а иные—вслѣдствіе неоднократнаго убѣжденія нагайками, которыми боярскіе вершники или знакомцы, въ цвѣтныхъ платьяхъ съ большими бубнами въ рукахъ, скакавшіе передъ каждой повозкой, щедро надѣляли всякаго, медленно сворачивавшаго съ дорогу.

— Что ты, охальный холопъ, озорничаешь!

— А что ты, неторопиха, медвѣдь, чуть поварачиваешься!

Эти возгласы слышались то и дѣло.

Поѣздъ тянулся непрерывною полосою и въ немъ, въ одной изъ повозокъ, находился князь Стрига-Оболенскій съ своими гостями Назаріемъ и Захаріемъ. Недоѣзжая до высокихъ, настежъ отворенныхъ дворцовыхъ воротъ, всѣ поѣзжане вышли изъ колымагъ и возковъ и отправились пѣшкомъ съ непокрытыми головами къ воротамъ, около которыхъ по обѣимъ сторонамъ стояли на караулѣ дюжіе копейщики, въ свѣтлыхъ шишакахъ и крѣпкихъ кольчугахъ, держа въ рукахъ иные бердыши, а иные—копья.

Около воротъ тѣснилась придворная челядь, глазѣя на великокняжескихъ гостей: псари, сокольники, кречетники, ястребники,

кашевары, медовары, пивовары, ясельники *) подъяки изъ писцовой и другихъ палатъ и приказовъ, шашарничьи **), стременные, стольничьи и проч.

Обширный дворъ дворцовый раздѣлялся на маленькіе дворики. Въ одномъ мѣстѣ высились терема, вышки, въ другомъ виднѣлись низкіе кирпичные своды погребовъ, гдѣ хранились вина: волжскія, греческія, фряжскіе и квасы.

Около самой Красной палаты, то есть пріемной залы, дворъ расширялся въ площадяхъ, на которой тоже тѣснились люди изъ дворцоваго штата, а также юродивые и увѣчные нищіе, размѣстившіеся у задняго крыльца палаты и получавшіе мелкіе деньги изъ рукъ дворцовыхъ стряпчихъ ***), а получившіе сидѣли по сторонамъ дороги, поджавъ ноги и кланяясь гостямъ, выискивая между ними себѣ милостивцевъ.

По ступенямъ параднаго крыльца и по косому корридору палаты змѣился кармазинный коверъ, тянувшійся по длиннымъ и круглымъ съ каменнымъ поломъ полутемнымъ сѣнямъ, такъ какъ освѣщавшія ихъ смежныя и узкія окна были расположены въ самой верхней части купола. Въ концѣ сѣней были другія двери, охранявшіяся двойной стражей копейщиковъ, ведшія въ прихожую, въ которой суетились высшіе при-

*) Конюшіе.
**) Завѣдующіе уборкой комнатъ.
***) Нынѣшніе камеръ-юнкеры.

дворные чины: кравчіи, стольники, казначеи, постельные, чайники, комнатные дворяне, степные ключники, путевые ключники, горошники, комнатные стражи, или гридни, и другіе.

Всѣ боярѣ, которыхъ считалось при великомъ князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ до двадцати, были въ свѣтломъ, т. е. праздничномъ платьѣ, степенно раскланивались между собою и съ придворными и съ удивленіемъ, искоса, посматривали на новыхъ лицъ—на Назарія и Захарія.

Въ ожиданіи пріема ихъ великимъ княземъ для принесенія поздравленія и поднесенія поклонныхъ даровъ, они вполголоса бесѣдовали другъ съ другомъ.

Вдругъ кто-то произнесъ магическія слова.

— Т-съ... великій князь!

Все разомъ смолкло. Двери въ Красную палату ряспахнулись.

Опишемъ вкратцѣ внутреннее убранство этой палаты. Въ то время въ Россіи было еще мало вкуса и матерьяловъ для уборки комнатъ. Стѣны ея были обиты вызолоченными голландскими кожами;—на одной изъ этихъ стѣнъ висѣли двѣ большія картины въ кипарисныхъ рамахъ, изображавшія притчу о блудномъ сынѣ и о трехъ отроцѣхъ, въ печи сожженныхъ,—вывезенныхъ изъ Греціи великою княгинею Софіею Ѳоминишной и считавшихся тогда большою рѣдкостью; на другой стѣнѣ, въ такихъ-же рамахъ, висѣло нѣсколько картинъ мозаической живописи съ изображеніями рыбъ и птицъ. Полъ былъ

устланъ широкимъ персидскимъ ковромъ съ вычурными узорами. Про передній уголъ и находившуюся въ немъ большую божницу и говорить нечего. Иконы горѣли какъ жаръ; дорогіе камни и жемчужны, унизывавшіе ихъ золотыя вѣнцы переливались всѣми цвѣтами радуги.

Великій князь, одѣтый въ богато убранную изъ золотой парчи ферезю, — по которой ярко блестѣли самоцвѣтные каменья и зарукавья которой пристегивались алмазными, величиною съ грецкій орѣхъ, пуговицами,—въ бармы *), убранныя яхонтами, величественно сидѣлъ на тронѣ съ рѣзнымъ высокимъ задомъ изъ слоновой кости, стоявшемъ на возвышеніи и покрытомъ малиноваго цвѣта бархатной полостью съ серебряной бахрамою; передъ нимъ стоялъ серебряный столъ съ вызолоченными ножками, а съ боку столбецъ съ полочками **), на которыхъ была раставлена столовая утварь изъ чистаго литого серебра и золота.

Надъ головою великаго князя висѣла, искусно утвержденная къ потолку, богатая, украшенная драгоцѣнными каменьями корона, изъ-подъ которой спускался балдахинъ изъ голубой парчи съ серебряными звѣздами, поддерживаемый двумя поставленными крестъ на крестъ копьями, увитыми цвѣтными гирляндами.

---

*) Оплечья.
**) Этажерка.

По сторонамъ трона стояли оруженосцы, или тѣлохранители, великаго князя, называвшіеся рындами, въ бѣлыхъ длинныхъ отложныхъ кафтанахъ и въ высокихъ, опущенными соболями, шапкахъ на головахъ. На правомъ плечѣ они держали маленькіе топорики съ длинными серебряными рукоятками и стояли, потупя очи и не смѣя шевельнуться.

Бояре, впущенные въ палату, стали низко кланяться великому князю; онъ въ свою очередь ласково привѣтствовалъ ихъ наклоненіемъ головы. Каждый по очереди подносилъ ему на большихъ блюдахъ разную хлѣбъ-соль: караваи, сгибень, именинные пироги, и проч. На блюдахъ подъ ними лежало еще по нѣскольку пенязей. Князь Михаилъ Верейскій, отецъ Василія Верейскаго, давно былъ у него и поднесъ ему серебряное блюдо, полное разныхъ дорогихъ каменьевъ. Великій князь, принимая отъ каждаго боярина, хлѣбъ-соль, давалъ въ знакъ милости своей цѣловать свою руку *) и ставилъ дары передъ собою на столъ.

По окончаніи поздравленій, духовникъ великокняжескій сталъ говорить молитву, затѣмъ поставилъ подъ иконами водоосвященныя свѣчи, освятилъ воду и, обернувъ сосудъ съ нею сибирскими соболями, поднесъ ее великому князю, окропилъ его, бояръ и

---

*) Великій князь Іоаннъ III первый ввелъ въ обыкновеніе цѣлованіе монаршей руки.

всѣхъ находившихся въ палатѣ людей. Великій князь всталъ, приложился къ животворящему кресту и поднятому изъ Успенскаго собора образу св. великомученика Георгія, высѣченному на камнѣ *), а за нимъ, стали прикладываться и другіе.

По окончаніи богослуженія, великій князь снова сѣлъ на тронъ, а слуги стали накрывать столы: одинъ для великаго князя и князей Верейскихъ, другой, названный окольничьимъ, для избранныхъ и ближнихъ бояръ, и третій, кривой, для прочихъ бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ.

Князь Стрига-Оболенскій, взявъ за руку Назарія и Захарія, подвелъ ихъ къ великому князю и, низко поклонившись, сказалъ:

— Представляю тебѣ, государю и великому князю моему, сихъ двухъ людинъ... Вотъ этотъ,—указалъ онъ на Назарія,—посадникъ новгородскаго вѣча, а сей—дьякъ вѣча,—онъ указалъ на Захарія:—Оба они прибыли къ тебѣ, великому князю и государю своему, съ дѣлами предлежащими до тебя, и посланы къ тебѣ соборомъ всего вѣча.

Окончивъ представленіе, князь Оболенскій отошелъ въ сторону.

Только очень зоркій взглядъ посторонняго наблюдатель могъ замѣтить измѣнившееся на мгновеніе выраженіе лица великаго князя: взглядъ его радостно заблисталъ. Но

*) Этотъ образъ вывезла изъ Рима великая княгиня Софья Ѳоминишна

Іоаннъ, какъ тонкій политикъ своего вѣка, тотчасъ овладѣлъ собою и ласково, но равнодушно отвѣтилъ на низкій поклонъ неожиданныхъ гостей. Онъ ждалъ ихъ, но не такъ скоро.

Послѣ этого оффиціальнаго привѣтствія, великій князь всталъ съ своего трона и прошелъ въ сосѣднюю храмину, подавая знакъ пріѣзжимъ новгородцамъ слѣдовать за собою.

Назарій и Захарій послѣдовали за Іоанномъ.

Удивленные бояре столпились вокругъ князя Стриги-Оболенскаго, ожидая узнать отъ него подробности и цѣль пріѣзда новгородскихъ представителей.

XXVIII.

Предъ лицомъ великаго князя.

Назарій и Захарій были одни предъ лицомъ Іоанна.

Передъ ними стоялъ тотъ, слава о чьихъ подвигахъ широкой волной разливалась по тогдашней Руси, тотъ, чей взглядъ подкашивалъ колѣна у князей и бояръ крамольныхъ, извлекалъ тайны изъ ихъ очерствѣлой совѣсти и лишалъ чувствъ нѣжныхъ женщинъ. Онъ былъ въ полной силѣ мужества, ему шелъ тридцать седьмой годъ, и все въ немъ дышало строгимъ и грознымъ величіемъ.

— Ну, что, созрѣли-ли думы твои? Рѣ-

шился-ли ты быть спасителемъ твоего отечества?—спросилъ Іоаннъ Назарія.

— Отечество мое взываетъ къ тебѣ о помощи. Избавь его отъ крамольниковъ и огради силою власти твоей. Передаю тебѣ его неискупно... невозвратимо.. Государь! накажи беззаконіе, притупи жало злобы... но не притѣсняй, защити и награди достодолжно добро,—отвѣчалъ Назарій.

— Судъ и правду держу я въ рукахъ. Теперь дѣло сдѣлано. Съ закатомъ нынѣшняго дня умчится гонецъ мой къ новгородцамъ съ записью, въ которой воздамъ я имъ благодарность и милость за ихъ образумленіе. Пусть удивятся они, но когда увидятъ рукоприкладство твое и вѣчевого дьяка, то должны будутъ рѣшиться. Иначе, дружины мои проторятъ дорожку, по которой еще не совсѣмъ занесло слѣды ихъ, и тогда ужъ я вырву у нихъ признаніе поневолѣ.

— Государь, мечъ твой не обсохъ еще, а ты уже думаешь опять о крови... не заставь меня клясть, какъ Іуду, и. ...

— Даю тебѣ клятву,—перебилъ его великій князь:—ни одна кровинка не скатится на родную землю твою, если они не будутъ упорствовать... И даже тогда я постараюсь сберечь ее отъ погибели—вѣдь она русская, моя...

— Понимаю: мертвить, но не умерщвлять,—возразилъ съ удареніемъ Назарій.

— Рабъ, вспомни, передъ кѣмъ ты стоишь и съ кѣмъ дерзаешь перекоряться!.. Разсуди, что и безъ кроткихъ мѣръ я въ силахъ налечь

на Новгородъ мечемъ своимъ и повергнуть его въ прахъ!—вскричалъ Іоаннъ, и глаза его сверкнули гнѣвомъ, а щеки покрылись румянцемъ раздраженія.

— Государь! Яви милость, прости меня,— преклонилъ колѣна Назарій: — Разсуди и самъ,—продолжалъ онъ, закрывъ лицо руками,—что отдаю я тебѣ и на кого обрушится проклятіе?

— Встань, я прощаю и понимаю тебя. Если ты признаешь справедливыми слова мои и держишься того-же мнѣнія, что земляки твои мечемъ свои нестолько защищаются, сколько роютъ себѣ гибельную пропасть, то, согласись, не должно-ли отобрать у нихъ оружіе? Если-же они добровольно не отдадутъ его, то надо вырвать насильно, иначе они, какъ малыя дѣти, сами только порѣжутся. Просвѣти-же душу свою спокойствіемъ и надеждой на меня.

— Я дѣло свое окончилъ и отъ тебя, наконецъ, услыхалъ слово ласковое... съ меня довольно.

Іоаннъ обратился къ Захарію.

— А ты доволенъ-ли, дьякъ?

— Я не прочь. Съ моей стороны, что обѣщано, все исполнится, — отвѣчалъ Захарій, переминаясь съ ноги на ногу.

— И съ моей тоже,—сказалъ великій князь и, отыскавъ съ сундукѣ своемъ, обитомъ желѣзными обручами, кису, туго набитую деньгами, поднесъ Назарію и сказалъ:

— Знаю тебя давно, а потому не могу

предложить принять это. Чѣмъ-же наградить тебя, говори смѣло?

— Вѣчною милостью твоею къ старой отчинѣ твоей, ново-пріобрѣтенной тобою въ вѣчное владѣніе. Золото-же твое горитъ, какъ жаръ, я страшусь принять его: оно прожжетъ руку мою; звукъ его будитъ совѣсть, а не усыпляетъ ее. Благодарность Всевышнему, она еще бодрствуетъ во мнѣ, благорность и тебѣ, государь, что ты не обижаешь меня подношеніемъ твоего гостинца. Всѣ сокровища московскія скудны ослѣпить очи души моей. Разумъ, доблесть твоя подкупили меня, закабалили въ твою полную волю. И не страхъ грома оружій твоихъ вынудилъ меня рѣшиться предаться тебѣ. Не столько мечемъ, сколько рѣчью пронзаешь ты грудь. Теперь я весь твой...

Государь милостиво взглянулъ на него и крѣпко пожалъ ему руку, которую Назарій съ чувствомъ поцѣловалъ.

Направляясь назадъ въ Красную палату, Іоаннъ опустилъ въ жадно-протянутыя руки Захарія отвергнутую Назаріемъ кису.

Послѣдній принялъ ее съ довольной улыбкой и, вѣроятно, тоже опасаясь, чтобы она не прожгла ему ладоней, быстро отправилъ ее за пазуху.

Накрытые столы ломились отъ множества поставленныхъ на нихъ блюдъ, кубковъ, чаръ, стопъ и бражекъ. Чашники, каравайники и гридни суетились около нихъ.

Великій князь, войдя съ веселымъ лицомъ

въ кругъ своихъ верховыхъ *), объявилъ имъ, что новгородцы прислали къ нему этихъ двухъ именитыхъ мужей, — онъ указалъ на Назарія и Захарія,—поклониться и назвать его государемъ своимъ отъ лица архіепископа, вѣча и всего Великаго Новгорода.

— Изготовься съ провоженною дружиною ѣхать къ нимъ въ повечерье. Я хочу обослаться съ ними вѣстью и спросить ихъ, что разумѣютъ они подъ словомъ «государь»? — обратился онъ къ боярину Ѳедору Давыдовичу.

— Что разумѣть иное,—отвѣчалъ Ѳедоръ Давыдовичъ,—какъ не совершенное покореніе ихъ подъ власть твою, государь!

Начались шумныя поздравленія и клики непритворной радости.

— Насилу-то хватились за умъ!

— Что, видно, Литва-то не по губѣ пришлась!

— Не какъ прежде таращились!

— Спѣшили мы ихъ!

— Теперь одной грудью будемъ отстаивать Русь святую!

— Теперь пора ближайшую сосѣдку, Тверь, добыть мечемъ!—воскликнулъ кто-то.

— Вѣстимо,—подхватили другіе, — вишь, слухи носятся, будто и къ нимъ Литва бѣсовская привела чуму свою.

Великій князь приказалъ бирючамъ **) разгласить народу о прибытіи пословъ нов-

*) Придворныхъ.
**) Герольдамъ.

городскаго вѣча и выкатить ему еще нѣсколько бочекъ вина, а гостей пригласилъ къ трапезѣ.

Почетный пиръ начался.

Когда онъ близился къ концу, Іоаннъ повелѣлъ принести запись къ новгородцамъ, и дьякъ, составившій ее, прочиталъ ее вслухъ. Назарій и Захарій приложили свои руки, а бояринъ Ѳедоръ Давыдовичъ почтительно принялъ ее отъ великаго князя, обернулъ тщательно въ хартію, въ камку, спряталъ ее, и, переговоривъ о чемъ-то въ полголоса съ Іоанномъ, поклонился ему и вышелъ поспѣшно изъ палаты.

— Быть войнѣ! — шепотомъ заговорили бояре.

— Да, не миновать!—отвѣчали тихо другіе.

— Дѣло сдѣлано, полно крушиться,—замѣтилъ Стрига-Оболенскій задумавшемуся Назарію.

Да, не воротишь, — вздохнулъ тотъ:— Теперь, можетъ, ужъ роковая запись мчится...

— Не только врата моихъ хоромъ, но и сердце всегда для тебя открыто, честный бояринъ! — сказалъ великій князь Назарію, прощаясь съ нимъ.

Мы знаемъ, какое впечатлѣніе произвело въ Новгородѣ полученіе записи Іоанна, и знаемъ также отвѣтъ на нее мятежныхъ новгородцевъ.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОДЪ ВЛАСТЬ МОСКВЫ.

L

На берегу Наровы.

Остзейскія провинціи были нѣкогда достояніемъ Великаго Новгорода и полоцкихъ князей. Не задолго до нашествія татаръ и вторженій литовскихъ полчищъ, начали изподтишка, въ маломъ числѣ, показываться монахи и рыцари на ливонскихъ берегахъ и съ дозволенія безпечныхъ новгородцевъ и полочанъ, строить замки и кирки. Когда двѣ кровавыя тучи, одна послѣ другой, съ востока и запада покрыли всю раздробленную Россію, тогда и наши нѣмцы, усиленные прибытіемъ многочисленныхъ сподвижниковъ, начали расширяться на сѣверѣ. Татары нагрянули, вломились, нѣмцы-же воспользовались гостепріимствомъ и засѣли, мечомъ начали крестить несчастныхъ эстовъ и скоро захватили два русскихъ города, Юрьевъ и Ругодивъ (названный ими Дерптомъ и недавно снова переименованный и Нарву), не считая селеній, переименованныхъ ими на нѣмецкій ладъ; если-бы не могущество республикъ новгородской и псковской, они-бы проникли во внутренность Россіи.

Въ описываемое-же нами время ихъ самихъ въ захваченныхъ ими владѣніяхъ часто

бродили новгородскія вольныя дружины, подъ предводительствомъ молодцовъ-охотниковъ.

Въ борьбѣ съ издревле ненавистными для русскаго человѣка нѣмцами искали вольные дружинники ратной потѣхи, когда избытокъ силъ молодецкихъ не давалъ имъ спокойно оставаться на родинѣ, когда отъ мирнаго бездѣлья зудили богатырскія плечи. Кличъ къ набѣгу на «Божьихъ дворянъ», какъ называли новгородцы и псковитяне ливонскихъ рыцарей, не былъ никогда безотвѣтнымъ въ сердцахъ и умахъ молодежи Новгорода и Пскова, недовольной своими правителями и посадниками—представителями стараго Новгорова.

Нѣмцы съ своей стороны принимали мѣры къ огражденію себя отъ набѣговъ русскихъ и платили имъ за ненависть ненавистью, не разрѣшая вопроса о томъ, что самовольно сидѣли на землѣ ненавистныхъ имъ хозяевъ. Они и въ описываемую нами отдаленную эпоху мнили себя хозяевами вездѣ, куда вползли правдою или неправдою и зацѣпились своими крючковатыми лапами.

Съ береговъ рѣки Москвы перенесемся-же и мы, читатель, въ страну этихъ нѣмецкихъ пауковъ, на берегъ рѣки Наровы, вслѣдъ за дружиной новгородскою, подъ предводительствомъ Чурчилы и Дмитрія, покинутыхъ нами, если припомнить читатель, при выѣздѣ ихъ изъ Новгорода.

Въ трехъ верстахъ отъ города Нарвы, близь мѣстечка Кулы, рѣка Нарова образу-

етъ водопадъ, и свѣтлыя ея воды съ шумомъ низвергаются съ высоты 14 футовъ по острымъ, какъ-бы отточеннымъ, камнямъ, разбиваясь объ нихъ въ мельчайшія брызги, далеко по сторонамъ разсыпая водную пыль и разнося однообразно гудящіе звуки.

Невдалекѣ отъ берега, на разостланныхъ войлокахъ сидѣли знакомые намъ Чурчила и Дмитрій.

Оба молчали, погруженные въ глубокую думу.

Вокругъ нихъ, вповалку, лежали товарищи, плотнымъ кольцомъ окружая своихъ предводителей.

Царившая тишина нарушалась лишь гуломъ водопада, а вокругъ этого стана вольныхъ дружинниковъ разстилались необозримыя обожженныя поля и дымилось селеніе Кулы, наканунѣ взятое ими на копье и выжженное до тла.

Всѣ дружинники были въ полномъ вооруженіи, что доказывало, что они не намѣрены были ограничиться вчерашнимъ пожаромъ, а были готовы вскочить на коней и ринуться за новой добычей.

Ихъ сильные шишаки, кромѣ наличниковъ, имѣли назади опущенныя сѣтки, сплетенныя изъ желѣзной проволоки, а наборные доспѣхи кольчугъ, охватывающихъ ихъ груди, доходили до колѣнъ, на ноги, кромѣ того, были надѣты набедренники.

Чурчила первый прерваль молчаніе.

— Куда-же намъ теперь метнуться? Развѣ

[illegible] Ніеншанцъ *). Догромить ее?— [illegible], ни къ кому особенно не [illegible].

Мы и такъ въ ней не оставили камня [illegible], хотя и не спалили ее, какъ эту,— [illegible] Дмитрій, указавъ рукою на погорѣлыя Кулы.

— Мнѣ, надо сознаться, не хотѣлось объ [illegible] и рукъ марать, да все-жъ эти желѣзные [illegible]ние Божьи сами стали задирать насъ, когда мы ѣхали мимо, пробираясь къ замку Пальмстъ, — они начали пускать въ насъ стрѣлы... У насъ вѣдь и своихъ много,—замѣтилъ Чурчила.

— Вѣстимо, не спускать-же нѣмчинамъ,— вставилъ свое слово одинъ изъ дружинниковъ, Иванъ, по прозвищу Пропалый, и поправилъ свой мечъ, висѣвшій на широкомъ ремнѣ черезъ плечо.

— Не пора-ли и во-свояси, кажись довольно, побушевали,—сказалъ Дмитрій.

— Во-свояси! — воскликнулъ съ горечью Чурчила: — Да лучше въ адъ кромѣшный! Давно-ли мы здѣсь, да и что дѣлали? Это была не драка, а ребячья игра!..

— Выгодная присказка, особенно когда не пропадетъ охота мѣряться плечомъ съ сильнымъ врагомъ,—промолвилъ Пропалый.

— Да, когда разойдется рука, только помни это присловье, стыдно ужъ станетъ попятиться,—сказалъ Чурчила.

---

*) Крѣпость Ніеншанцъ была на мѣстѣ Петербурга, на болотистыхъ и лѣсистыхъ берегахъ Невы.

— Мы, кажись, такъ и поступаемъ, а ты служишь примѣромъ, я былъ всегда твоимъ однополчаниномъ и слѣдую давно этому правилу. Вѣрно-ли говорю я? — спросилъ Чурчилу Дмитрій.

— Что тутъ говорить, конечно, такъ. Да и къ чему это? Развѣ мы сомнѣваемся въ тебѣ, Дмитрій. Не тебѣ-бы это говорить, не мнѣ-бы слушать...

— Да такъ, къ слову пришлось. А теперь, когда я доподлинно знаю, что слова мои не сочтешь за языкъ трусости, я далѣе поведу рѣчь свою. Широки здѣсь края гарцовать молодцамъ, много можно побрать золота, вино льется рѣкой, да и въ красоткахъ нѣтъ недостатка, но въ родимыхъ теремахъ и солнышко ярче, и день свѣтлѣе, да и милыя милѣй. Братъ Чурчила, послушайся пріятеля, твоего вѣрнаго собрата и закадычнаго друга: воротимся.

— Нѣтъ, родина теперь для меня—пустыня! Не смущай меня, не мѣшай мнѣ размыкать грусть, или домыкать жизнь. Поле битвы теперь для меня—и отчизна и пища, и воздухъ, словомъ, вся потребность житейская, только тамъ и отдыхаетъ душа моя, — въ широкомъ раздольѣ, гдѣ бренчатъ мечи булатные и баюкаютъ ее словно младенца пѣснею колыбельною. Не мѣшай-же мнѣ! Я отвыкаю отъ родины, отъ Насти.

— А самъ чуть не плачешь! Вижу, что затронулъ твою сердечную рану, но разсуди самъ, враги рыкаютъ какъ звѣри на родину нашу, да, можетъ, и Настя не виновата.

Сдается что-то мнѣ, что мы съ тобой сгоряча круто повернули. Теперь-же молодецкое сердце твое потѣшилось вдосталь, отдохнуло, такъ и довольно! Мы вѣдь здѣсь пятнадцатыя сутки, а за это время много воды утекло, можетъ, все измѣнилось и насъ опять приголубитъ тамъ счастье.

Чурчила повѣсилъ голову и задумался.

Вдругъ Пропалый завидѣлъ всадника, который, замѣтя русскій станъ, торопился ускользнуть изъ его вида и поспѣшно своротилъ въ сторону съ дороги. Не вымолвивъ ни слова, быстро вскочилъ Иванъ на коня, вонзилъ въ его бока шпоры, и звукъ копытъ черезъ мгновенье заглохъ вдали.

Дружинники опомнились лишь тогда, когда Пропалый исчезъ изъ вида.

— Это какой нибудь соглядатай, право слово, недругъ намъ! Семка я помогу Ивану ссадить его съ коня и допросить путемъ!— всталъ Дмитрій.

— Нѣтъ, не стыди и не обижай Пропалаго, онъ и одинъ заарканитъ его... Вишь, вонъ что-то чернѣется вдали! Вонъ еще далеко отъ него... Это онъ, кажись... догоняетъ, догоняетъ, близко... Лошадь его какъ и разстилается; ну, остановился. Что это? Вдали утекаетъ кто-то, а на мѣстѣ, должно возятся?

Всѣ вперили взоры свои въ туманнную даль, и вдругъ вся дружина захлопала въ ладоши въ радостномъ восторгѣ.

Она привѣтствовала побѣду Пропалаго.

II.

Плѣнникъ.

Иванъ въ самомъ дѣлѣ быстро возвращался назадъ, волоча за собою на веревкѣ сраженнаго имъ всадника, конь котораго радостно мчался безъ сѣдока по широкому полю.

— Богъ помочь! Какъ у васъ дѣло обошлось?—посыпались ему навстрѣчу вопросы...

— Обошлось очень просто... Молодецкій конь разомъ сталъ догонять чужака... Я ему крикнулъ: «Стой и отдай оружіе»! а у него, видно, норовъ-то упрямъ. Куда тебѣ! Вытащилъ мечъ изъ ноженъ и давай имъ отмахиваться, не говоря ни слова, да шпорить коня. Я, видя, что словами не возьмешь его, послалъ въ догонку стрѣлу... Онъ въ этотъ мигъ повернулъ въ сторону, а стрѣла вонзилась въ лошадь, получше чѣмъ его шпоры. Та закружилась подъ нимъ, подпруга, даромъ что кованная, разметалась въ стороны, сѣдло скользнуло на бокъ, а онъ съ нимъ. Тутъ-то я и зацѣпилъ его, какъ волка, да и айда къ вамъ. А лошадь его съ перевернутымъ сѣдломъ понеслась вихремъ, закуся удила,—разсказывалъ усталый Иванъ, соскочивъ съ лошади, въ кругу обступившихъ его товарищей.

— Ты, Пропалый, нигдѣ не пропадешь,—сказалъ подошедшій Чурчила, осматривая плѣнника:—Спасибо, товарищъ, отъ всѣхъ

спасибо!—Однако, раскупорить-бы бѣглеца. Долой съ него шлемъ и латы, не таится-ли чего подъ нимъ.

Пойманный лежалъ недвижимо. Затянутый арканомъ, долго волочился онъ по кочковатой порогѣ за Пропалымъ, лицо его было во многихъ мѣстахъ окровавлено. а налившіеся кровью глаза полуоткрыты.

— Латы его подбиты хлопчатой бумагой, должно быть, отъ стрѣлъ!—говорилъ одинъ изъ дружинниковъ, развязывая кольца и застежки вооруженія плѣнника.

Затѣмъ онъ опустилъ руку въ его котомку, вытащилъ кипу бумагъ, бросилъ ихъ по вѣтру и замѣтилъ:

— Отъ этихъ латышей, кромѣ пустыхъ флягъ, да пробокъ ничего не дождешься!

— Постой, можетъ, это нужныя грамотки,— сказалъ Дмитрій, собирая разметанныя по полю вѣтромъ бумаги и пристально вглядываясь въ нихъ:—Ишь, вѣдь какъ писалито! Самъ чортъ прежде ослѣпнетъ, чѣмъ разберетъ и пойметъ, что здѣсь написано; я малую толику знаю грамотѣ, а отъ этого отступлюсь. Этотъ лѣсной народъ перенялъ языкъ у медвѣдей, такъ диво ли, что по нашему рѣдкіе изъ нихъ смыслятъ.

— Лучше допросить его на словахъ, подѣльнѣе, такъ сознается, куда и зачѣмъ ѣхалъ и что содержится въ этихъ бумагахъ. Быть можетъ, онѣ и до насъ касаются,—замѣтилъ Чурчила.

— Эй, оборотонь, нѣмчинъ безсловесный, вымолви что-нибудь! Кто ты таковъ и куда

тебя Богъ несетъ? — сталъ допытываться Иванъ, теребя за полу плѣнника.

Тотъ что-то глухо пробормоталъ и снова замолкъ.

— Да изъ него и обухомъ не выбьешь слова!—послышалось чье-то замѣчаніе.

— Мычнулъ, да и въ попятную. Такъ нѣтъ-же, я выпытаю у тебя сознанье. Вотъ какъ отпорю нагайкой, скажешься, нехотя весь разсыплешься въ словахъ! — сердито вскрикнулъ Иванъ, доставая нагайку, притороченную къ сѣдлу, и только-что хотѣлъ привести въ исполненіе свою угрозу; какъ кто-то изъ толпы закричалъ:

— Глянь-ка, братцы, назадъ. Вишь кто-то сидитъ на берегу, словно приросъ къ нему. Наши всѣ здѣсь на лицо, сорокъ пять человѣкъ, Чурчила, да Дмитрій, да Иванъ, никто изъ нашихъ не отшатывался съ мѣста, а этотъ, должно, вынырнулъ изъ воды, окаянный.

— Ну, что-жъ... Разомъ—къ нему, хоть будь онъ нечистый: двухъ смертей не бывать, одной не миновать, мы-же не нехристи, всѣ съ хрестами.

Дружинники вскочили и побѣжали толпой къ сидѣвшему въ довольно далекомъ разстояніи отъ нихъ.

При плѣнномъ остались Чурчила, Димитрій, Иванъ и нѣсколько дружинниковъ.

— Это, кажись, нашъ, русскій. Эй, землякъ, кто ты?.. Оглянись! — кричали ему взадъ дружинники, не рѣшаясь приступить къ нему поближе.

Незнакомецъ молчалъ.

— Другъ ты нашъ, или врагъ, отвѣчай?

— Постойте-ка, братцы, попробуемъ мы, возьметъ-ли нашъ гостинецъ!—сказалъ одинъ изъ дружинниковъ и началъ натягивать тетиву у лука, и когда стрѣла, прицѣленная въ сидящаго, готова была полетѣть въ цѣль, незнакомецъ, какъ-бы придя въ себя, нетерпѣливо крикнулъ, зычнымъ голосомъ:

— Чего вы хотите отъ меня, разбойники придорожные? Я въ чужой землѣ, безъ защиты.

— Такъ и есть, что нашъ! Но что онъ тутъ дѣлаетъ?.. Рыбъ что-ли скликаетъ?.. Видно, знаетъ, какъ ихъ звать по именамъ.

Тутъ таинственный незнакомецъ обернулся и глаза его дикой злобою сверкнули изъ подъ черныхъ нависшихъ бровей.

Дружинники отступили въ изумленіи.

На камнѣ, вросшемъ на половину въ землю и покрытымъ дикимъ мохомъ, подъ огромнымъ вязомъ, отъ котораго отлетали послѣдніе поблекшіе листья, сидѣлъ смуглый широкоплечій мужчина съ нахлобученной на самые глаза черною шапкою и раскачивался въ разныя стороны. Его стекловидные, зеленоватые глаза угрюмо слѣдили за катившимися у ногъ его волнами, озаренными послѣдними лучами заходящаго солнца. Одна тѣнь сгорбленная, длинная, далеко откинукшаяся на берегъ, могла спугнуть дерзкихъ любопытныхъ, пожелавшихъ-бы разсмотрѣть мрачную физіономію неизвѣстнаго путника,

для которой природа, видимо, была злою мачихою.

Неизвѣстный не могъ не слышать шума шаговъ приближавшейся къ нему толпы, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія и, не оглядываясь и не трогаясь съ мѣста, продолжалъ медленно раскачиваться изъ стороны въ сторону, и при этомъ движеніи шатался на его боку широкій ножъ съ черенкомъ изъ рыбьяго зуба.

III.

Павелъ-колдунъ.

— Павелъ! чернокнижникъ! злой кудесникъ! колдунъ!.. Какъ онъ здѣсь очутился? Видно, лѣсовикъ довезъ его на хребтѣ своемъ!.. Пришибемъ его, братцы,—избавимъ землю отъ лихого зелья!—закричали почти въ одинъ голосъ.

— Земляки мои, братья! Нѣтъ, не чуждайтесь меня!—воскликнулъ Павелъ, прикинувшись радостно изумленнымъ:—Теперь я не тотъ нелюдимъ, отъ встрѣчи котораго вы бѣжали прежде, я смиренный, кающійся грѣшникъ. За васъ, мои братья, жизнь моя, молитва и руки.

— Вретъ, прикидывается... Погодите, еще не то заговоритъ, а дьяволъ, который въ него вселился, ишь какъ кареж(ит)ся! Перехватить ему горло, да и въ воду. Пусть его оттуда освобождаютъ нечистые его побра-

тимы, а мы свое дѣло сдѣлаемъ, благо есть случай.

— Нѣтъ, лучше привяжемъ его къ камню, да свалимъ въ волны, а то ножъ такъ заржавѣетъ въ крови его, что не ототрешь никакими заговорами. Страшно будетъ опоясаться имъ, какъ зельемъ.

Такъ разсуждали обступившіе Павла дружинники.

Дико блеснулъ онъ глазами, крѣпко стиснулъ кулаки и судорожно вытянулъ передъ собою руки, какъ-бы защищаясь.

Дружинники между тѣмъ еще болѣе приблизились къ нему и нѣкоторые уже схватили его и стали тормошить.

— По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ проститься со свѣтомъ Божьимъ!—заговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Ужъ ты давно отклепался отъ человѣческаго имени, и давно пора тебѣ туда, восвояси; тамъ за тебя давно уже и паекъ получаютъ!—отвѣчали ему.

— Дайте мнѣ хоть повидаться съ Чурчилою. Вѣдь вы, чай, съ нимъ?

— Что за свиданье! Ты уязвилъ его, какъ змѣй-горынычъ!.. Мы давно добирались до тебя; а теперь, знать, тебя черти выдали, что насунули на насъ. Въ Новгородѣ отецъ твой силенъ, оборонить кого захочетъ, а здѣсь мы тебя,—заговорилъ одинъ дружинникъ и, схвативъ лѣвой рукой Павла за бороду, правой занесъ надъ нимъ руку съ ножемъ.

Павелъ весь съежился и зажмурился, что-

бы не видѣть опускавшагося надъ нимъ блестящаго лезвія, и даже преждевременно дико вскрикнулъ.

— Да пусть его взглянетъ послѣдній разъ на Чурчилу... Пожалуй, осерчаетъ, что не допустили до него Настасьина брата, хоть любитъ онъ его, какъ собака палку,—сказалъ другой дружинникъ, останавливая опускавшуюся было надъ головой Павла руку товарища.

— Ну, быть такъ, сволокемъ его къ нему, да заклепите покрѣпче ему руки и ноги, а то вѣдь онъ хитеръ, проклятый, вывернется,—рѣшили остальные дружинники.

Корчившагося отъ безсильной злобы Павла дружинники крѣпко-на-крѣпко связали по рукамъ и ногамъ и, окруживъ, потащили его за веревку, подгоняя сзади палками по чемъ ни попало.

— Что это, еще плѣнника, али звѣря какого тащатъ наши?—сказалъ Димитрій Чурчялѣ, указывая на приближающуюся къ нимъ толпу.

— Чурчило, это я, злѣйшій врагъ твой! Упейся теперь моею кровью, я въ твоей власти!—заговорилъ смѣло прерывающимся отъ ярости голосомъ поставленный на ноги Павелъ.

— Какъ? Павелъ? Лучше-бы взглянулъ я на ехидну, чѣмъ на этого дьявола въ человѣческомъ образѣ!—вскрикнулъ Чурчила, и такъ ударилъ рукой по рукояткѣ своего меча, что все вооруженіе его зазвенѣло.

— Упросилъ, чтобъ тебѣ его показали,— послышались голоса дружинниковъ.

— Онъ знаетъ, чѣмъ хуже наказать меня... Чего тебѣ нужно отъ меня?—обратился онъ къ Павлу.

— Жизни твоей...

— А что тебѣ въ ней и за что ты ненавидишь меня, подкупной, заспинный врагъ?

— Вѣрно слово твое, я—подкупной, но меня подкупила братская любовь,—съ удареніемъ отвѣчалъ Павелъ.

Чурчила вздрогнулъ.

— Ты спрашиваешь, за что я ненавижу тебя? но кого-же любилъ я? Я—исчадіе зла, всѣ люди были мнѣ противны, самъ не знаю почему... Но сестра моя эта кроткая овечка, Настасья... она давно примирила меня со всѣми; она какъ-бы не человѣческимъ голосомъ уговаривала меня переродиться, и слова ея глубоко запали въ мою черную душу. Она показалась мнѣ ангеломъ, а голосъ ея пѣснью серафима, и я... повиновался...

Павелъ зарыдалъ.

Чурчила зашатался и прислонился къ плечу поддерживавшаго его Димитрія,

Немного погодя онъ спросилъ.

— Не этотъ-ли ангелъ Божій вразумилъ тебя покушаться на мою жизнь?

— Погоди и дослушай, послѣ обвиняй,— началъ снова Павелъ:—Я повиновался ей... нѣтъ, не ей, я не знаю, кто говорилъ ея устами. Душа моя созналась во всѣхъ поступкахъ. Священное родство, любовь, всѣ чувства человѣка разлились въ душѣ моей, и

новый свѣтъ озарилъ ее, я умилился и искренно назвалъ братомъ любимаго ею Чурчилу.

— Какъ, развѣ у васъ шла рѣчь обо мнѣ?

— Никогда не переставали мы о тебѣ бесѣдовать...

— Все болѣе и болѣе непонятны, темны слова твои.

— Мудрено-ли! Душа каждаго—загадка, а у этого она—совсѣмъ потемки. Пожалуй, заслушаешься его, то и не сдобровать тебѣ. Ему надо языкъ выгладить полосой раскаленнаго желѣза, а на руки и на ноги надѣть обручи, или принять его въ дрекольья!.. До какихъ поръ ждать конца его сказки? — съ сердцемъ воскликнулъ Димитрій.

Павелъ скосилъ на него и безъ того косые глаза свои и сказалъ съ упрекомъ:

— Обшаривай душу темную, а свѣтлая вся на виду.

— Что тутъ толковать, вы изъ одного гнѣзда съ нечистымъ, одного поля ягода.

— Да не одинакая,—возразилъ Павелъ:— Кѣмъ я былъ прежде—сознаюсь. А теперь, теперь ты самъ, какъ злой врагъ человѣческій, перетолковываешь смыслъ моихъ словъ, и отказываешь мнѣ, грѣшному, въ возможности раскаянія, въ освобожденіи отъ тяжелаго гнета души моей.

— Экій краснобай! Какъ гладко онъ выстилаетъ словами дорогу къ сердцу всякаго,— прервалъ его Димитрій.

— Постой, Димитрій, твоя рѣчь впереди,

дай намъ дослушать, а ему договорить,—сказалъ Чурчила.

— Пораспустите хотя немного мои руки, веревки больно стянули ихъ; я честно исповѣдуюсь передъ вами и тогда легко приму смерть, тогда и оковы тѣлесныя легки будутъ для меня, а если приму смерть, не буду влачить ихъ. Господи, помилуй, поддержи меня!..

— Не богохульствуй, собака, я тебѣ засмолю ротъ,—снова не утерпѣлъ Димитрій, и бросился на него съ мечемъ, но Чурчила остановилъ его.

Павелъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на Димитрія и съ тяжелымъ вздохомъ началъ:

— Настасья любила тебя меньше Бога, но больше жизни. Ты покинулъ ее, несчастную, и обливается теперь она день и ночь горючими слезами, и сохнетъ, какъ былинка въ знойный день. Это зажгло ретивое мое праведнымъ гнѣвомъ противъ тебя. «Сыщи его»,—сказала она мнѣ,—«добудь, достань мнѣ, или перенеси меня къ нему. Я забуду стыдъ дѣвичій, упаду на грудь его, обовью его моими руками и мы умремъ вмѣстѣ». На эту бѣду присватался къ ней какой-то именитый литвинъ. Отецъ возрадовался этому и приказалъ ей принимать подарки и назваться его суженою... Гдѣ-же было чувство твое къ ней, когда ты покинулъ ее?

Чурчила дрожалъ, измѣнившись въ лицѣ, и не могъ выговорить слова.

— Теперь, быть можетъ, влекутъ ее къ вѣнцу съ немилымъ женихомъ, или заколачиваютъ останки ея въ гробъ тесовый. Я

какъ будто слышу стукъ молотка, и холодная дрожь пробираетъ меня.

Онъ замолкъ и пристально поглядѣлъ на Чурчилу.

Послѣдній стоялъ какъ приговоренный къ смерти. Лицо его исказилось отъ внутренней невыносимой боли!

Павелъ продолжалъ:

— Потому-то я и ринулся всюду отыскивать тебя, чтобы заставить вспомнить о покинутой тобою.. Не утаю, я рѣшился закатить тебѣ ножъ въ самое сердце и этимъ отомстить за ангела-сестру, но теперь я въ твоихъ рукахъ, и пусть умру смертью мученическою, но за меня и за нее, вѣрь, братъ Чурчила, накажетъ тебя Богъ...

— Истину-ли изрыгаешь ты?—грозно спросилъ его Чурчила.

— Соболѣзную о слѣпотѣ твоей. Что-же ты медлишь... Дорѣзывай скорѣй кстати брата, а тамъ присоединись къ вольнымъ шайкамъ московскихъ бродягъ и грабь съ ними отчизну. Вмѣсто того, чтобы защищать, ты отрекся отъ нея и рыскаешь далеко...

— Нѣтъ, ты братъ Настасьи! Ты — мой братъ! Я освобождаю тебя!

Послышался ропотъ дружинниковъ, но Чурчила обнажилъ мечъ свой и крикнулъ:

— Чего вамъ надо? Крови? Вяжите меня, рѣжьте, если поднимется рука,

Съ этими словами онъ разрубилъ веревки на рукахъ и ногахъ Павла.

IV.

Бѣгство.

Яркія звѣзды засверкали на темномъ сводѣ небесномъ, луна, изрѣдка выплывая изъ-за облаковъ, уныло глядѣла на пустыню — сѣверная ночь вступила въ свои права и окутала густымъ мракомъ окрестности. Около спавшей крѣпкимъ сномъ, въ повалку, послѣ общей попойки, по случаю примиренія Павла съ Чурчилою, дружины чуть виднѣлась движущаяся фигура сторожевого воина.

Въ глубокую полночь, когда и сторожевой склонилъ свою усталую голову на копье, что-то тихо зашевелилось въ срединѣ спавшихъ, чья-то голова начала медленно подниматься, дико озираясь кругомъ, силясь прорѣзать взглядомъ окружающій мракъ.

Подлѣ этой поднявшейся головы поворачивался плѣнникъ, рейтаръ ливонскій, лежавшій навзничь и силившійся вытащить руки изъ веревочныхъ путъ.

— Ты что, схваченъ? — шепнулъ, приподнявшись, Павелъ (это былъ онъ) плѣннику.

Тотъ молчалъ.

— А, ты боишься меня, а я еще хотѣлъ помочь тебѣ. Не вѣришь, смотри, — продолжалъ онъ, и перерѣзалъ двуострымъ ножемъ своимъ веревки, скручивавшія ноги плѣнника,

— Спаси меня, — тоже шепотомъ заговорилъ плѣнникъ:—Я герольдъ бывшаго гроссмейстера ливонскаго ордена Іоганна Вальд-

гуса фонъ-Ферзена, владѣльца замка Гельмстъ. Онъ послалъ меня ко всѣмъ сосѣдямъ съ письмами, приглашающими на войну противъ...

Герольдъ остановился.

— Ну, договаривай смѣлѣй, на Русь что-ли нашу? Я вамъ помощникъ.

— Ты!.. Да кто ты? Вѣдь ты русскій? Какъ-же?

— Не твое дѣло. Бѣги, скажи...

Онъ хотѣлъ было совершенно освободить его, перерѣзавъ веревки и на рукахъ, но вдругъ остановился и спросилъ:

— А далеко-ли Гельмстъ?

— Перейдя поле и лѣсъ, повороти на лѣво и поѣзжай наискосокъ по дорожкѣ; къ утру будешь въ замкѣ.

— Павелъ разрѣзалъ веревки на рукахъ плѣнника.

— Ступай, но коня ужъ оставь волкамъ на закуску, а то къ копытамъ мои земляки чутки, какъ мѣдвѣди къ меду; услышатъ и захватятъ опять. Выберись отсюда лучше на змѣиныхъ ногахъ, т. е. ползкомъ; разскажи своимъ, что русскіе наступаютъ на нихъ, поведи ихъ проселками на нашихъ и кроши ихъ въ дребезги! Ступай, а мнѣ еще надо докончить свое дѣло.

Плѣнникъ вскочилъ на ноги, затѣмъ пригнулся къ землѣ и началъ медленно, озираясь, пробираться между сонными дружинниками, спавшими богатырскимъ сномъ.

Чурчила, утомленный походомъ и взволнованный встрѣчей съ Павломъ и въ особенности словами послѣдняго, лежалъ въ ка-

комъ-то тяжеломъ полусонномъ забытьѣ и молодецкая грудь его тяжело вздымалась подъ гнетомъ удручающихъ сновидѣній. Онъ хотѣлъ тотчасъ летѣть обратно на родину, чтобы избавить свою Настю отъ когтей иноплеменнаго суженаго, или лечь вмѣстѣ съ нею подъ земляную крышу, его насилу уговорили дождаться зари, и теперь соннымъ мечтамъ его рисовалось: то она въ брачномъ вѣнцѣ, томная, блѣдная, объ руку съ немилымъ, на лицѣ ея читалъ онъ, что жизни въ ней осталась лишь на нѣсколько вздоховъ, то видѣлъ онъ ее лежащую въ гробу со сложенными крестъ на крестъ руками, окутанную въ бѣлый саванъ. Онъ не узнавалъ ее; орбиты высохшихъ отъ слезъ глазъ впадали такъ глубоко, страшно; розовые ногти на рукахъ и малиновыя уста ея посинѣли. Холодный потъ обливалъ его снаружи, внутриже онъ чувствовалъ жгучую боль и то стоналъ, то яростно скрежеталъ зубами и вскакивалъ въ просонкахъ.

Павелъ крался, подползая къ Чурчилѣ какъ червь; ножъ его блеснулъ во мракѣ, взвился съ рукою надъ головой жениха его сестры и уже готовъ былъ опуститься прямо надъ горломъ несчастнаго, какъ вдругъ Чурчила, подъ вліяніемъ тяжелыхъ сновидѣній, приподнялся и попалъ-бы прямо на ножъ, еслибы убійца, не испугался и угрожающая рука его не замерла на полувзмахѣ.

— Измѣна,—крикнулъ сторожевой, услыша шорохъ вскочившаго въ страхѣ Павла, и

ударилъ мечемъ своимъ плашмя нѣсколько разъ по ножнамъ.

Дружинники, услыхавъ эти звуки, всѣ проснулись и въ одно мгновенье были на ногахъ, хотя въ первыя минуты не могли понять причины тревоги.

Сторожевой дружинникъ, въ короткихъ словахъ расказалъ, какъ онъ замѣтилъ Павла, бѣжавшаго съ ножемъ отъ Чурчилы.

Фигура бѣглеца, благодаря вышедшей изъ облаковъ лунѣ, дѣйствительно, видна была мелькающей по полю.

За нимъ стремглавъ бросилась погоня.

Павелъ, перебѣжавъ большое пространство, своротилъ въ прибрежные кусты и засѣлъ въ нихъ.

Ожесточенные дружинники начали шарить въ нихъ, ударяя по нимъ мечами, и жертва, невѣрное, не ускользнула-бы отъ нихъ, если-бы Павелъ, видя явную опасность, не принялъ-бы мѣръ.

Безвыходное положеніе, страхъ всегда или рождаютъ внезапно счастливую мысль, или-же сковываютъ человѣка бездѣйствіемъ.

То-же случилось и съ Павломъ.

Нащупавъ около себя огромный камень, онъ скатилъ его съ шумомъ въ рѣку, а самъ притаился ничкомъ въ кустахъ. Вслѣдъ за камнемъ, который дружинники приняли за бросившагося въ рѣку Павла, посыпались стрѣлы, но прошло нѣсколько мгновеній,— волны катились съ прежнимъ однообразнымъ гуломъ, и дружинмики, думая, что Павелъ съ отчаянія и срама, чтобы не по-

пасться въ ихъ руки, бросился въ рѣку и утонулъ, подождали нѣсколько времени, чутко прислушиваясь, и возвратились къ товарищамъ, рѣшивъ въ одинъ голосъ: «Собакѣ—собачья смерть»!

Чурчила, убѣдившись, что поддался хитрому обманщику, рѣшилъ не возвращаться на родину, а продолжать походъ къ намѣченной ранѣе дружинниками цѣли—замку Гельмстъ.

Подъ покровомъ ночи и Павелъ ползкомъ, послѣ ухода своихъ преслѣдователей, выбравшись изъ прибрежныхъ кустовъ, осторожно прокрался къ лѣсу, по дорогѣ указанной ему рейтаромъ Вальдгуса фонъ-Ферзена.

Онъ рѣшилъ тоже направиться въ замокъ Гельмстъ.

Зачѣмъ?—это была тайна его черной души.

V.

Замокъ Гельмстъ.

Замокъ Гельмстъ—цѣль дальнѣйшей ратной потѣхи нашихъ новгородскихъ дружинниковъ, принадлежавшій, какъ мы уже знаемъ, рыцарю Іоганну Вальдгусу фонъ-Ферзенъ и, сохранившійся до нашего времени, находится въ Лифляндіи, у истока рѣки Торваста, въ милѣ разстоянія отъ Каркильскаго озера, въ которомъ, по преданію, находится будто-бы нѣсколько затонувшихъ зданій.

Въ описываемое нами время онъ представлялъ собою неприступную твердыню.

Широкія стѣны его, поросшія мхомъ и плющемъ, указывали на ихъ незапамятную древность, грозныя-же въ нихъ бойницы и ихъ неприступность, глубина рва, его окружавшаго, и огромныя дубовыя ворота, крѣпкія какъ мѣдь, краснорѣчиво говорили, что онъ былъ готовъ всякую минуту къ оборонѣ, необходимой въ тѣ неспокойныя, опасныя времена.

Подъемный мостъ спускался лишь при звукѣ трубы подъѣзжавшихъ путниковъ и снова поднимался, скрипя своими ржавыми цѣпями, впустивъ въ ворота жданнаго или нежданнаго гостя.

Замокъ Гельмстъ славился на всю округу гостепріимствомъ своего хозяина. Столы этого рѣдкаго среди нѣмцевъ хлѣбосола всегда ломились подъ обильными и изысканными по тому времени явствами и питіями.

Рыцарь Іоганнъ Вальдгусъ фонъ-Ферзенъ былъ богатъ, чѣмъ не могли похвастаться остальные его товарищи по оружію, рыцари ордена меченосцевъ. Это богатство сдѣлало то, что онъ былъ избранъ гроссмейстеромъ ордена, но оно-же было причиною потери имъ этого сана — его обвинили въ сношеніяхъ съ русскими и въ принятіи отъ нихъ подарковъ; было-ли это результатомъ зависти или-же имѣло за собой долю правды—осталось всецѣло въ глубинѣ души фонъ-Ферзена—души, впрочемъ, сильно оскорбленной потерею почетнаго званія. Фонъ-Ферзенъ всѣми силами старался вернуть его въ свой родъ, и къ общей ненависти къ русскимъ у этого

бывшаго гроссмейстера прибавилась ненависть личная.

Онъ самъ въ минуты откровенности, послѣ лишняго стакана вина, хотя и не признавалъ себя виновнымъ въ подкупѣ со стороны русскихъ варваровъ, но все-же дѣлалъ кой-какіе намеки и не могъ удержаться, чтобы не излить на нихъ всю желчь своего развѣнчанаго величія.

— Съ тѣхъ поръ,—такъ обыкновенно онъ заканчивалъ свой разсказъ о своемъ паденіи,—какъ услышу я слово: «русскій», какая-то нервная дрожь охватываетъ меня. Съ тѣхъ поръ поклялся я всемъ святымъ вредить этимъ заклятымъ врагамъ моимъ, чѣмъ только могу, и твердо сдержу свое слово.

Эта ненависть къ русскимъ не помѣшала, впрочемъ, фонъ-Ферзену дать пріемъ въ своемъ замкѣ бездомному сироткѣ-юношѣ, едва вышедшему изъ отрочества, русскому по происхожденію, но не помнившему ни рода, ни племени, по имени Григорію, искаженному среди нѣмцевъ въ «Гритлиха».

Пріятели не разъ упрекали фонъ-Ферзена за его пристрастіе къ этому «русскому щенку» и совѣтовали переслать его на родину «на стрѣлѣ», но владѣлецъ замка Гельмстъ настойчиво защищалъ своего любимца.

— Я такъ люблю его,—говаривалъ онъ,—да онъ уже и выродился изъ всего русскаго, проживши столько лѣтъ у меня. Вы не знаете цѣны этому малому. Я нашелъ его полузамерзшимъ и полунагимъ на самой русской границѣ; ему было тогда лѣтъ десять отъ

роду; я призрѣлъ его, накормилъ, взялъ къ себѣ на сѣдло. Какъ онъ прижимался комнѣ, сердечный, весь дрожа отъ холода. Я сталъ разспрашивать его, откуда онъ. Изъ его словъ я понялъ, что онъ бѣжалъ отъ какого-то бунта, что всѣ его родные были перебиты. Куда-же было дѣваться ему, сиротѣ... Я оставилъ его у себя... Моя дочь была только годомъ моложе его... Они вмѣстѣ выросли, играя между собою какъ родные, и даже зовутъ другъ друга братотъ и сестрой. Онъ плелъ для нея корзинки изъ ивовыхъ прутьевъ, ловилъ птицъ силками, лазилъ по деревьямъ какъ бѣлка, чтобы доставать изъ гнѣздъ пташекъ и воспитывать ихъ, какъ я ихъ воспитывалъ. Когда-же онъ возмужалъ, то сталъ держаться моего стремени—на звѣриной ловлѣ усмирялъ дикихъ бѣгуновъ и гарцовалъ на нихъ молодецки. А какъ онъ стрѣляетъ! Сшибаетъ шапку съ головы и волоска не тронетъ. Но что больше всего меня привязало къ нему—это то, что онъ не корыстолюбивъ: съ своими не воюетъ, а когда другихъ задѣвали мы, онъ не пользовался грабежомъ; а однажды вышибъ изъ сѣдла врага, которые уже занесъ мечъ надъ головой моей... Я ему обязанъ жизнью... да и Эмма моя любитъ его, какъ родного брата... Я не могу разстаться съ нимъ.

— Это-то и худо,—пробовали задѣть старика фонъ-Ферзенъ съ этой стороны:—долголи до бѣды, надо во время разлучить молодыхъ людей.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ:—моя Эмма—эта

юная вѣтвь славнаго и могущественнаго рода Ферзеновъ—никогда не соединитъ свою судьбу съ какимъ-нибудь подкидышемъ. О! прежде я изрублю тѣло его въ крупинки.

— Чѣмъ дожидаться до этого, не лучше-ли теперь принять мѣры и теперь-же отослать его въ конюшню и на псарню, самое подходящее мѣсто для «русскаго щенка»,—не унимались совѣтчики.

— Это было-бы слишкомъ жестоко, особенно безъ вины, но если я что-либо замѣчу, то лучше выгоню его изъ своего замка на всѣ четыре стороны, — возразилъ фонъ-Ферзенъ.

Эти бесѣды хотя и не имѣли грустныхъ послѣдствій для Гритлиха, но все-же внесли въ душу старика Ферзена подозрѣніе и онъ сталъ наблюдать за дочерью и пріемышемъ, но не замѣчалъ ничего.

Эмма фонъ-Ферзенъ и подкидышъ Гритлихъ были еще совершенныя дѣти, несмотря на то, что первой шелъ девятнадцатый, а второму двадцатый годъ. Они были совершенно довольны той нѣжностью чистой дружбы, которая связала ихъ сердца съ ранняго дѣтства; сердца ихъ бились ровно и спокойно и на поверхности кристальнаго моря ихъ чистыхъ душъ не появлялось даже ни малѣйшей зыби, этой предвѣстницы возможной бури.

Среди сокровищъ ея отца Эмма фонъ-Ферзенъ была самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ, не только въ глазахъ отца, но даже и для посторонняго взгляда.

Стройная, гибкая блондинка, съ той прирожденной граціей движеній, неподдающейся искусству, которая составляетъ удѣлъ далеко не многихъ представительницъ прекраснаго пола, съ большими голубыми, глубокими, какъ лазуревое небо, глазами, блестящими какъ капли утренней росы, съ правильными чертами миловиднаго личика, дышащими той дѣтской наивностью, которая составлаетъ лучшее украшеніе дѣвушки-ребенка, она была кумиромъ своего отца и заставляла сильно биться сердца близкихъ къ ея отцу рыцарей, молодыхъ и старыхъ.

Другъ ея дѣтства, Григорій, или Гритлихъ, съ лѣтами изъ тщедушнаго мальчика обратился въ стройнаго юношу, полнаго силъ и здоровья, добытаго физическими упражненіями и суровой жизнью среди суровыхъ рыцарей. Съ самыхъ юныхъ нѣжныхъ лѣтъ на охотахъ, этихъ первообразахъ войны, привыкъ онъ смѣло глядѣть въ глаза опасностямъ, а съ теченіемъ времени — пренебрегать ими. Высокій ростомъ, съ задумчивымъ, красивымъ, полнымъ энергіи лицомъ, матовая бѣлизна котораго оттѣнялась дѣвственнымъ пухомъ маленькихъ усиковъ, съ темнорусыми волосами и карими глазами, порой блиставшими какимъ-то стальнымъ блескомъ, доказывавшимъ, что въ этомъ молодомъ тѣлѣ таится твердый характеръ мужа.

Таковъ былъ молодой новгородецъ, волею судебъ, нашедшій себѣ второе отечество въ Ливоніи и вторую семью въ лицѣ старика фонъ-Ферзена и его дочери.

Чтобы закончить описаніе обитателей замка Гельмстъ, намъ необходимо нарисовать, хотя въ нѣсколькихъ штрихахъ, портретъ самого владѣльца замка, рыцать Іоганна Вальдгуса фонъ-Ферзенъ. Это былъ высокій, худой старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ, съ открытымъ добродушнымъ лицомъ, совершенно не гармонировавшимъ съ нѣсколькими рубцами разсѣченныхъ ранъ, говорившими о военномъ ремеслѣ рыцаря. Посвятивъ свою раннюю юность подвигамъ на пользу ордена меченосцевъ, онъ поздно встрѣтилъ подругу жизни и не долго пользовался ея ласками. Молодая, хрупкая, Матильда фонъ-Эйхшедтъ, ставшая Матильдой фонъ-Ферзенъ прожила съ мужемъ съ небольшимъ годъ и умерла въ родахъ, подаривъ ему дочку — живой портретъ матери. Пораженный неожиданнымъ горемъ, Іоганнъ фонъ-Ферзенъ перенесъ всю нѣжность своего поздно-проснувшагося сердца на этого ребенка и отъ трудовъ войны отдыхалъ сперва около ея колыбели, а затѣмъ около ея дѣвичьей постельки, благословляя ее на сонъ грядущій, сонъ чистоты и невинности. Ея дѣтскій лепетъ, ея улыбка, ея игры, забавы и даже шалости, были тѣмъ живительнымъ бальзамомъ, которой привязывалъ къ жизни стараго рыцаря, давалъ этой жизни цѣль и значеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускалъ жестокому ремеслу сдѣлать его кровожаднымъ и безсердечнымъ, подобно многимъ изъ его сотоварищей.

И не на одного отца своего производила Эмма фонъ-Ферзенъ такое чарующее впе-

чатлѣніе; вся прислуга замка, всѣ рейтары ея отца боготворили ее, ихъ угрюмыя суровыя лица расплывались при встрѣчѣ съ нею въ довольную улыбку, ея ласковый взглядъ былъ для всѣхъ ихъ дороже непріятельской богатой добычи. Казалось, самыя поросшія мохомъ каменныя громады замковыхъ стѣнъ становились менѣе мрачными, когда Эмма фонъ-Ферзенъ проходила мимо нихъ. Былъ только одинъ человѣкъ среди служителей замка, который не только не улыбался при встрѣчѣ съ общимъ кумиромъ, Эммою, но, видимо, избѣгалъ подобной встрѣчи. Это былъ старый привратникъ Гриммъ. На него эта златокудрая ангело-подобная дѣвушка производила дѣйствіе проснувшейся совѣсти

VI.

Вѣсть о русскихъ.

Скорѣе деньги Іоганна фонъ-Ферзенъ, чѣмъ еще только разцвѣтшая красота его дочери Эммы за нѣсколько лѣтъ до того времени къ которому относится нашъ разсказъ сильно затронули сердце сосѣда и пріятеля ея отца, рыцаря Эдуарда фонъ-Доннершварца, владѣльца замка Вальденъ, человѣка хотя и молодого еще, но съ отталкивающими чертами опухшаго отъ пьянства лица и торчащими въ разныя стороны рыжими щетинистыми усами. Только общее пристрастіе къ флягамъ, въ содержимомъ которыхъ и самъ

фонъ-Ферзенъ любилъ подчасъ топить скуку своего одиночества, да искусная игра Доннершварца на пикентафлѣ *) могли объяснить близость между этими двумя рыцарями, нравственныя качества которыхъ были болѣе чѣмъ противоположны.

— Я привыкъ къ нему, какъ къ моему колпаку, да, кромѣ того, онъ мнѣ полезенъ, какъ мой котъ; тотъ очищаетъ мой погребъ отъ крысъ и мышей, а этотъ—отъ бутылокъ и боченковъ; за это я люблю его.

Старикъ не стѣснялся выражать это свое мнѣніе и въ присутствіи своего частаго гостя, но тотъ, въ виду намѣченной имъ цѣли, да и по врожденной трусости, пропускалъ все это мимо ушей и не обижался.

Онъ и самъ не разсчитывалъ получить согласіе отца на бракъ, а потому принялъ свои мѣры на случай, если придется похитить обладательницу богатаго приданаго.

Послѣднее для него было очень важно,—Доннершварцъ былъ бѣденъ.

Чтобы имѣть среди прислуги фонъ-Ферзена своего человѣка, онъ пристроилъ одного изъ своихъ рейтаровъ, Гримма, въ привратники въ замокъ, обѣщавъ ему хорошую награду, если при его содѣйствіи бракъ его съ Эммой фонъ-Ферзэнъ состоится, будь это съ согласія отца, или насильственнымъ увозомъ.

Привратникъ Гриммъ на своей особѣ всецѣло оправдывалъ французскую пословицу: «Каковъ господинъ, таковъ и слуга»,—онъ

*) Родъ билліарда.

былъ кривой старикъ, съ плутоватою физіономіею, большимъ, почти беззубымъ, ртомъ и вѣчно злымъ и угрюмымъ видомъ; красный носъ его краснорѣчиво свидѣтельствовалъ, что онъ не менѣе своего господина былъ поклонникомъ бога Бахуса. Онъ состоялъ на службѣ еще у отца Эдуарда, но далеко не жаловалъ сына—этого пьяницу и обжору, какъ, конечно, за глаза, онъ честилъ бывшаго своего господина, а потому съ удовольствіемъ перешелъ на службу въ замокъ Гельмстъ, гдѣ все дышало довольствомъ и богатствомъ, тогда какъ въ замкѣ Вельденъ приходилось часто класть зубы на полку вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, съ той разницей, что послѣдній раньше уже пристоился къ хлѣбосолу фонъ-Ферзену.

Обѣщанная богатая награда тоже соблазняла старика Гримма, но за послѣднее время на него начало находить сомнѣніе, такъ какъ онъ все еще не получалъ задатка, который посулилъ ему Доннершварцъ.

— И вправду, что-же ждать отъ разбойника?—ворчалъ Гриммъ про себя въ минуту раздумья: — Что награбитъ, тѣмъ и богатъ, а вѣдь часто волкъ платится и своей шкурой. Развѣ—женитьба? Да гдѣ ему! Робертъ Бернгардъ посмышленнѣе, да и помолодцоватѣй его, да и у него что-то не вдругъ ладится... А за моего она ни за что не пойдетъ, даромъ что кротка, какъ овечка, а силкомъ тащить ее изъ замка прямо въ когти къ коршуну—у меня, кажись, и руки не под-

нимутся на такое дѣло... Дьяволъ попуталъ меня взяться за него...

Этимъ и объяснялось смущеніе Гримма при случайныхъ встрѣчахъ съ молодой дѣвушкой, въ которой онъ видѣлъ обреченную жертву его гнусныхъ интересовъ, гнусныхъ до того, что онъ мысленно открещивался отъ нихъ, подавляя въ себѣ даже порой соблазнъ корысти.

Робертъ Бернгардъ, о которомъ упоминалъ въ своихъ разсужденіяхъ Гриммъ, былъ болѣе открытый перетендентъ на руку Эммы фонъ-Ферзенъ. Красивый молодой человѣкъ, отважный, храбрый, съ честной, откровенной душой, онъ былъ любимцемъ Іоганна фонъ-Ферзенъ, и старикъ часто задумывался о возможности породниться съ нимъ, отдавъ ему свое сокровище—Эмму.

«Но она еще ребенокъ... о чемъ это я думаю,—ревниво отгонялъ онъ отъ себя всеже тяжелую для него мысль о разлукѣ съ любимой дочерью.

Таковы были взаимныя отношенія обитателей замка Гельмстъ съ ихъ близкими сосѣдями въ то время, когда до этой твердыни дошелъ слухъ о появленіи неподалеку русскихъ дружинниковъ.

Мы застаемъ Іоганна фонъ-Ферзенъ и Эдуарда фонъ-Доннершварцъ въ длинной готической, со сводами столовой замка, за обильнымъ завтракомъ, которому они оба дѣлали достодолжную честь.

— Стремянной мой Вольфгангъ,—говорилъ фонъ-Ферзенъ,—прослышалъ, что гдѣ-то не-

далеко бродить шайка русскихъ, но небольшая... Давненько ихъ не было видно у насъ...

— Ничего, мы затравимъ ихъ собаками и застегаемъ плетьми!—хвастливо воскликнулъ фонъ-Доннершварцъ.

— Это несомнѣнно, — подтвердилъ хозяинъ,—но мнѣ пришло на мысль не только пугнуть пришельцевъ, но и самимъ прогуляться въ Пермь, или въ Псковъ, или хоть подъ самый Новгородъ... Тамъ будетъ чѣмъ поживиться.. Есть слухъ, что онъ опять бунтуетъ... Это будетъ кстати, тамъ всѣ заняты, чай, своимъ дѣломъ, обороняться будетъ некому. Не правда-ли?.,

Гость утвердительно кивнулъ головой.

— На все необходимы не только отвага, но и умъ... Объ этомъ-то я и хотѣлъ посовѣтоваться съ тобою и еще кой съ кѣмъ и послалъ герольдовъ собрать на совѣтъ всѣхъ сосѣдей... Одинъ изъ моихъ рейтаровъ попался въ лапы русскихъ и лишь хитростью спасся и пришелъ ползкомъ въ замокъ... Онъ говоритъ, что они уже близко... Надо намъ тоже приготовляться къ встрѣчѣ. Полно намъ травить, пора палить! А? Какова мысль! Даромъ, что въ старомъ парникѣ созрѣла.

— Чортъ возьми, превосходная.. У меня такъ и запрыгало сердце отъ радости, что, наконецъ, придется потѣшить копья,—воскликнулъ фонъ-Доннершварцъ.

— А зубы не защелкали отъ страху?—усмѣхнулся фонъ-Ферзенъ.

Гость сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ этого замѣчанія, и продолжалъ:

— И мнѣ пришла въ голову мысль...

— Какая?.. взять съ собой ящикъ вина?

— Нѣтъ, а вотъ что это, вѣрно, вашъ Гритлихъ снюхался съ бродягами русскими и подманилъ ихъ... Примите-ка скорѣй мѣры, велите сейчасъ позвать его, я изъ него все выпытаю, да прикажите осмотрѣть замокъ и приготовиться къ оборонѣ.

Эдуардъ фонъ-Доннершварцъ отъ глубины души ненавидѣлъ Гритлиха и всѣми силами старался возстановить противъ него фонъ-Ферзена.

— Нѣтъ, братецъ, не теперь! Гритлихъ еще теперь на охотѣ. Да и что тебѣ дался этотъ Гритлихъ? Даже хмѣль спадаетъ съ тебя, какъ только ты заговоришь о немъ. Я давно замѣчаю, что ты ненавидишь сироту, и, конечно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ перебилъ у тебя славу на охотѣ, Помнишь бѣлаго медвѣдя, отъ котораго ты хотѣлъ уйти ползкомъ!

Доннершварцъ вспыхнулъ. Этой исторіей его дразнили уже давно.

— Сами вы бѣлый медвѣдь! — крикнулъ онъ вскочивъ со скамьи:—На другого-бы я пожаловался своему мечу, который сорвалъ-бы его сѣдую голову, но на васъ... Смотрите, я не всегда терпѣливъ.

Фонъ-Ферзенъ захохоталъ.

— А что, видно, за живое задѣло, господинъ рыцарь бѣлаго медвѣдя... Ты вѣрно и отъ него хотѣлъ уйти, чтобы пожаловаться своему мечу, такъ какъ вмѣсто него у тебя на боку торчала колбаса, а черезъ плечо ви-

сѣла фляга. Я, признаюсь, самъ этого не видѣлъ, но мнѣ разсказывалъ Бернгардъ...

— Бернгардъ!.. Вотъ еще кого вы выбрали въ свидѣтели!.. Онъ не лучше вашего Гритлиха... Если онъ осмѣлится это сказать при мнѣ, я тотчасъ-же брошу ему вызывную перчатку... несмотря на то что ваша Эмихенъ умильно поглядываетъ на него...

— Смотри, Эдуардъ, бросишь и не раздѣлаешься; Робертъ самъ горячъ...

— Хоть-бы онъ былъ горячѣе огня... Шутки въ сторону, зачѣмъ вы принимаете еще этого шелковаго рыцаря, у котораго все достояніе снаружи, а въ карманѣ засуха?

— Да вѣдь и твой карманъ не жиренъ, не хвастайся, братъ. Карманъ Бернгарда еще тѣмъ превосходитъ твой, что отворенъ настежь для всѣхъ. Но чего-же ты нахохлился, что тебѣ не по нраву? Полно, Доннершварцъ, я знаю, что ты любишь меня и ревнуешь старика ко всѣмъ. Не бойся, я умѣю это цѣнить. Вотъ тебѣ моя рука, я хоть и люблю Роберта, этого благороднаго рыцаря, но будь увѣренъ, что и ты мнѣ также дорогъ...

Доннершварцъ почтительно схватилъ руку фонъ-Ферзена и патетически произнесъ:

— Вы увидите при первомъ случаѣ, когда вамъ понадобится моя рука, кто изъ вашихъ приверженцевъ болѣе всѣхъ вамъ принесетъ пользы. Довольно говорить, время докажетъ.

— Поговоримъ-ка лучше о русскихъ,— снова перебилъ его фонъ-Ферзенъ. — Какъ

лѣкъ они подкараулили моего рейтара. Съ какимъ-бы наслажденіемъ я сдѣлалъ-бы изъ нихъ бифштексовъ. Да, — продолжалъ онъ задумчиво,—ихъ рысьи глаза никого не просмотрятъ, теперь, того и гляди наскачутъ они на мой замокъ.

— Не бойтесь, Ферзенъ, къ нему пойдетъ дорога только черезъ мой трупъ, но необходимо поговорить о дѣлѣ.

— Да этимъ и кончить? Только говорить о дѣлѣ—теперь мало. Я послалъ отрядъ своихъ рейтаровъ собирать вассаловъ и приглашать сосѣдей. Кто меня любитъ, тотъ, вѣрно, пріѣдетъ первый.

— Это я,—всегда съ вами и за вами, какъ тѣнь ваша... Но все-же я возвращусь къ Гритлиху. Его необходимо выслать изъ замка или-же вы будете дожидаться, чтобы за нами пришли его земляки с[illegible]убинами и кистенями?

— Хорошо, хорошо... Скажи ему, когда онъ вернется, за меня, что знаешь и дай ему денегъ на дорогу изъ моего...

— Я ему не дамъ стараго гвоздя изъ подковы лошади... Ему за васъ подаритъ охотно фрейлейнъ Эмма дорогое кольцо, да пожалуй и съ пальчикомъ... О, чортъ возьми, не могу перенести, что золото и ржавчину вы держите вмѣстѣ.

— Ну, цыцъ, опять за свое!—прикрикнулъ на него сердито фонъ-Ферзенъ.

Доннершварцъ замолкъ.

Послышался шорохъ легкой походки, и юная Эмма рѣзво впорхнула въ комнату.

При ея входѣ лицо ея отца прояснилось, брови раздвинулись и глаза засіяли добрымъ блескомъ. Такъ солнце, вспыхнувъ на небѣ, озаряетъ своимъ блескомъ черную пучину и ярко раззолачиваетъ ее своими лучами.

VII.

Два соперника.

— Эммхенъ, моя милая Эммхенъ!—воскликнулъ радостно старикъ фонъ-Ферзенъ:—Наконецъ-то, ты навѣстила отца!

Онъ открылъ ей свои широкія объятья и обнялъ своими могучими руками ея гибкій станъ.

— Здравствуйте, папахенъ! — нѣжно сказала Эмма и сдѣлала книксенъ Доннершварцу, глядѣвшему на нее плотояднымъ взглядомъ и расшаркавшемуся передъ ней, неистово гремя шпорами.

— Посмотрите, папахенъ,—радостно продолжала она, садясь къ нему на колѣни и показывая маленькій костяной лукъ съ серебряною стрѣлою, — это подарилъ мнѣ мой братецъ—Гритлихъ, чтобы стрѣлять птичекъ, которыя оклевываютъ мою любимую вишню. Онъ училъ меня какъ дѣйствовать имъ, но мнѣ жаль убивать ихъ. Онѣ такъ мило щебечутъ и трепещатъ крылышками и у нихъ такіе маленькіе носики, что едва-ли онѣ могутъ много склевать... Пусть ихъ тѣшатся и имъ вѣдь хочется ѣсть бѣдняжкамъ...

— О, моя прелесть,—замѣтилъ отецъ, любуясь дочерью и трепля ее по розовой щечкѣ.

— Да что это, милый папахенъ, насъ совсѣмъ забылъ молодой Бернгардъ? Онъ обѣщалъ мнѣ привезти бусы.

Фонъ-Ферзенъ обернулся къ Доннершварцу, съ открытымъ ртомъ неотводно смотрѣвшему на молодую дѣвушку и насупившемуся при имени Бернгарда.

— Ты что замолкъ? Куда дѣвалась твоя храбрость? Или струсилъ дѣвочки? Гдядитъ на нее, какъ собака на дичь?

Старикъ раскатисто захохоталъ.

Доннершварцъ очнулся отъ нѣмого созерцанія.

— А я хочу подарить фрейлейнъ Эммѣ ожерелье изъ львинныхъ зубовъ — большая рѣдкость въ нашей сторонѣ. А стрѣлъ такихъ и луковъ я и не имѣю. Есть у меня лукъ...

Онъ не успѣлъ кончить своей рѣчи, какъ на дворѣ послышался конскій топотъ.

Фонъ-Ферзенъ ссадилъ Эмму съ колѣней и скорыми шагами подошелъ къ окну.

— Мелькнуло чье-то бѣлое перо,—сказалъ онъ:—Но что это значитъ? Ни трубачъ, ни кто другой не даетъ знать о прибывшемъ. Вѣрно, кто-нибудь изъ нашихъ.

— Бѣлое перо? Ахъ, папахенъ, это мой любимый цвѣтъ! Вѣрно, это...

Ея голубые глазки заискрились, какъ незабудки.

Статный рыцарь, съ длинными бѣлыми

перьями на шлемѣ, въ щегольскомъ вооруженіи, того времени быстро вошелъ въ комнату и не далъ договорить Эммѣ свое имя.

Его гладко выполированныя латы сверкали подъ шелковою бѣлою перевязью, охватывающею его станъ, лосинныя до локтей съ раструбами перчатки и коротенькій мечъ въ хитрочеканенныхъ и позолоченныхъ ножнахъ, придавали ему видъ щеголя.

Онъ почтительно раскланялся съ фонъ-Ферзеномъ и привѣтливо съ фонъ-Доннершварцомъ и, видимо, съ особеннымъ чувствомъ съ Эммою, затѣмъ поднялъ забрало своего шлема, ловко снялъ его, и черныя кудри разсыпались по его плечамъ.

— Узнали, узнали! Робертъ! А мы тебя ожидали и недавно еще говорили о тебѣ,— сказалъ фонъ-Ферзенъ, протягивая ему руку.

— Мнѣ остается только благодарить васъ.

— И я говорила объ васъ, Робертъ,— вставила свое слово молодая дѣвушка: — Я удивлялась, что вы совсѣмъ забыли насъ. Неужели вамъ пріятнѣе гоняться по лѣсамъ за страшными дикими звѣрями?

— Чѣмъ за дѣвчонками,—захохоталъ фонъ-Ферзенъ и сильно закашлялся:—Накажи его, Эммхенъ, за эту забывчивость въ примѣръ другимъ.

— О, сейчасъ! — воскликнула она, выпорхнула изъ комнаты и черезъ минуту возвратилась, держа въ рукахъ бѣлую ленту.

— Вашу руку, Робертъ! — съ напускною

серьезностью, но съ ангельскою улыбкою, сказала она.

— Хоть жизнь,—отвѣчалъ рыцарь, протягивая ей руку,—но, помните, что только одна ваша безопаспость, которую я оберегаю какъ свою честь, вынудила меня — не забыть васъ, о, нѣтъ, а лишь не видѣть нѣсколько дней, и этимъ я самъ жестоко наказалъ себя, такъ что наказаніе ваше, какое-бы ни было, будетъ для меня наградою.

— Хорошо, хорошо, что тамъ ни говорите, какъ не извиняйтесь, а я свое дѣло сдѣлаю,—продолжала Эмма, привязывая его за руку къ своему столу.

— Браво, браво, Эммхенъ! Да покрѣпче, несмотря на то, что онъ такъ кудряво разсыпается. Нѣтъ, господа рыцари, вамъ ужъ ныньче дѣвушки не вѣрятъ ни на золотникъ.

Эмма съ неподдѣльнымъ стараніемъ крѣпко привязывала своего плѣнника, смотрѣвшаго на нее глазами, полными любви и восторга.

— Лентой, фрейлейнъ Эмма, а какъ крѣпко привязали вы меня къ себѣ. Теперь прошу у васъ одной милости за раскаяніе—не отвязывайте меня.

— И стерегите сами неотступно своего плѣнника.. Не такъ-ли?—спросилъ со смѣхомъ фонъ-Ферзенъ: — О, я знаю, — продолжалъ онъ, — плѣнникъ тогда не только не уйдетъ, но и не тронется съ мѣста, какъ пригвожденный.

Фонъ-Доннершварцъ, ревнивымъ взгля-

домъ созерцая всю эту сцену, наконецъ, не вытерпѣлъ:

— Нѣтъ, чортъ возьми! Вы всѣ не правы. Ну, что это за наказаніе? Оно придаетъ ему лишь желаніе еще разъ провиниться, а по моему—отослать его къ конюху и познакомить спину его съ кнутомъ, а потомъ посмотрѣть: будетъ-ли онъ такимъ приверженцемъ вашего дома, какъ говоритъ. Повѣрьте, это лучшая проба.

Выпаливъ эту тираду, Доннершварцъ глупо и самодовольно улыбнулся.

Бернгардъ вспыхнулъ, но, подавивъ гнѣвъ свой, съ презрѣніемъ взглянулъ на него.

— Кнутъ конюха пришелся-бы какъ разъ по вашей широкой спинѣ, рыцарь! Вы, вѣроятно, мѣтили въ себя и лишь ошибкой попали въ другого.

— Я никогда не промахиваюсь и называюсь рыцаремъ гораздо прежде, чѣмъ вы, а потому, кто въ этомъ сомнѣвается, я могу доказать на дѣлѣ.

— На бойнѣ молотомъ, а не въ кругу благородныхъ рыцарей.

— Чортъ возьми, смотри, чтобы мечъ мой не вырвалъ съ корнемъ дерзкій языкъ твой...

— Прежде я заклеймлю тебѣ на лбу или на крючковатомъ носу твоемъ имя подлеца и разбойника, чтобы рука искреннихъ рыцарей не осквернилась твоею кровью...

Доннершварцъ задрожалъ отъ злобы и бросилъ желѣзную вызывную перчатку къ ногамъ Роберта.

Эмма задрожала отъ страха и поблѣднѣла.

— Вы перешли границы,—вступился фонъ-Ферзенъ:—Хотя я и самъ люблю, кто мѣняетъ жизнь на честь, но властью хозяина попрошу васъ теперь прекратить эту сцену... Видитъ Богъ, это въ наше время не бывало...

— Хорошо, я еще увижусь съ нимъ и мы расквитаемся! — проворчалъ Доннершварцъ, сверкая глазами.

— Простите меня, фонъ-Ферзенъ, и вы, фрейлейнъ Эмма, — началъ Бернгардъ: — Я такъ разгорячился, но, повѣрьте, драться-бы не сталъ, иначе я рискинулъ-бы получить вызовъ отъ всѣхъ благородныхъ рыцарей за униженіе нашего ордена — ломать копья съ какимъ нибудь мясникомъ! Если онъ хочетъ, мой оруженосецъ накажетъ его вмѣсто меня.

— Разведите насъ... я не оглохъ, чтобы... чтобы,—повторилъ Доннершварцъ и вдругъ громко чихнулъ и замолкъ.

Эмма, между тѣмъ, по знаку отца освободила Бернгарда и, все еще не оправившись отъ испуга, печально отошла къ окну.

Робертъ былъ смущенъ, любовь, ненависть, презрѣніе попеременно волновали его душу. Онъ молча сталъ ходить по комнатѣ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Фонъ-Доннершварцъ исподлобья поглядывалъ то на него, то на Эмму.

Ферзенъ что-то чертилъ мѣломъ по столу. Наступило общее молчаніе.

Его прервалъ хозяинъ.

— Что любезный Робертъ, нѣтъ-ли чего новаго?.. Знаешь-ли ты цѣль моего вызова рыцарей?

— Я узналъ ее отъ вашего герольда... и поспѣшилъ.

— Благодарю... Да, русскимъ духомъ запахло... Знать у меня, старика, злѣйшіе и исконнѣйшіе враги мои хотятъ вырвать послѣднюю искру жизни.

— Зачѣмъ печальныя мысли? Мы защита вашему замку, только послушайтесь любви нашей, остерегайтесь... Раставьте всѣхъ рейтаровъ въ окружныхъ лѣсахъ и на дорогахъ и приготовьте отпоръ. Мои вассалы теперь уже голопомъ несутся сюда.

— Чортъ возьми, — прервалъ его Доннершварцъ:—не дожидаться-ли намъ, пока замокъ займутъ толпы бродягъ. Кто боится измять свои латы и истоптать серебряныя подковы у лошади, того мы защитимъ встрѣчей нашей съ незванными гостями, но добычей не подѣлимся съ нимъ. Такъ мы условились съ фонъ-Ферзенъ и, чортъ возьми, кто помѣшаетъ намъ своими ребяческими совѣтами исполнить прямое рыцарское дѣло!

— Гдѣ тебѣ думать о прямизнѣ, когда ты все качаешься! Не на словахъ показываютъ себя, господинъ бутыльный рыцарь, а на дѣлѣ, съ оружіемъ, а оно у тебя все заржавѣло,—замѣтилъ Бернгардъ.

Доннершварцъ только что хотѣлъ отвѣ-

тить, какъ вдругъ Эмма, стоявшая у окна, дико вскрикнула.

Всѣ бросились къ ней и стали разспрашивать ее о причинѣ испуга.

Эмма не могла отвѣтить, только показывала въ окошко.

Всѣ взглянули по этому направленію и увидѣли статнаго юношу, котораго несла по двору бѣшеная лошадь. Онъ сидѣлъ прямо и, казалось спокойно, натянувъ на руки удила туго, какъ струны, и крѣпко обхвативъ бока сильнаго животнаго ногами. Несмотря на это, лошадь, закусивъ удила, то разстилалась подъ нимъ на бѣгу, то вдругъ останавливалась, или сворачивала въ сторону, или вихремъ взвивалась на дыбы, стараясь сбросить съ себя всадника.

Но послѣдній былъ какъ будто-бы слитъ съ нею изъ одного вещества и, взмахивая сильной рукой, поминутно стегалъ ее по головѣ нагайкой.

— Это мой Гритлихъ объѣзжаетъ дикую лошадь, которую мнѣ прислали недавно изъ Нотебурга *). Четыре сильные конюха насилу довели ее, а онъ одинъ управляется съ нею. Браво!.. Браво...

---

*) Нынѣ крѣпость Шлиссельбургъ, основана въ 1324 году в. кн Юріемъ Даниловичемъ и названа „Орѣшкомъ“ по кругловатости острова, на которомъ она построена. Ливонцы, завладѣвшіе ею, назвали ее Нотебургомъ.

Фонъ-Ферзенъ глядѣлъ въ окно и хлопалъ въ ладоши.

— Чортъ возьми! Удаль-же управляться съ лошадьми,—проворчалъ Доннершварцъ.

— Молодецъ, точно привинченъ къ сѣдлу,— съ неподдѣльнымъ восторгомъ воскликнулъ Бернгардъ:—Точно, рыцарь! Онъ достоинъ имъ быть.

Онъ впился глазами въ всадника и слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

Эмма, между тѣмъ, схватила за руку отца своего и еще громче вскрикнула, когда лошадь, вытянувъ шею, взвилась на дыбы и чуть не опрокинулась назадъ вмѣстѣ съ всадникомъ.

Молодая дѣвушка, видимо, не могла выносить далѣе этого зрѣлища и, быстро отскочивъ отъ окна, стремглавъ бросилась изъ комнаты.

Мужчины въ недоумѣніи переглянулись между собою.

VIII.

Гритлихъ.

Гритлихъ, между тѣмъ, оправясь отъ стремительнаго прыжка лошади, закричалъ Гримму, чтобы онъ отперъ поскорѣй заднія ворота, и когда послѣдній боязливо, но съ коварной улыбкой исполнилъ его желаніе, онъ собралъ всѣ свои силы, направилъ лошадь

прямо въ ворота, выскочилъ въ поле и вмигъ исчезъ изъ виду, какъ дымъ, разнесенный порывомъ вѣтра.

Доннершварцъ наклонился къ Ферзенъ.

— Видите-ли вы, что Гритлихъ не вашъ плѣнникъ, а вашей дочери? Видите-ли, что я правъ, — чтобы его разнесла лошадь по кустамъ,—а вы нѣтъ, потакая бродягамъ?

— Да отстань, знаю, вижу... и сегодня все рѣшу!—отвѣчалъ вслухъ фонъ-Ферзенъ.

Эмма вбѣжала опять. Ея кудри были безпорядочно разбросаны по блѣдному лицу.

— Папахенъ! Она умчала его, — воскликнула она, бросаясь на шею отца, — а кругомъ замка ровъ съ водою, мостъ не поднятъ. Бѣдный Гритлихъ.

Она зарыдала.

— Что ты, что ты, рѣзвая моя козочка? Успокойся!—увѣщевалъ ее отецъ.

Но Эмма только дико взглянула на него, какъ-бы къ чему-то прислушиваясь.

Въ это время загремѣли перекладины подъемнаго моста, она встрепенулась и съ силою рванулась изъ рукъ отца, несмотря на то, что онъ такъ сжалъ ея руку, что помялъ на ней золотую браслетку, и выскочила изъ комнаты.

— Послать за нимъ, за ней!.. Побѣжимъ на подзорную башню взглянуть съ нея на удальца,—заговорили присутствующіе...

Вошедшій герольдъ остановилъ ихъ намѣреніе.

— А, Штейнъ! — воскликнулъ фонъ-Ферзенъ:—Ну, что скажешь?

— Русскіе подвигаются все ближе и ближе, благородный господинъ. Они теперь находятся только на день ѣзды отсюда. Ихъ провожаетъ дымъ пожарищъ.

— Какъ, ужели никто изъ нашихъ сосѣдей не далъ имъ еще достодолжнаго отпора. Гдѣ же они рыскаютъ или спятъ, непробудныя винныя исчадія? — быстро и гнѣвно спросилъ Бернгардъ.

— Я видѣлъ ихъ, благородный рыцарь, на перелетъ стрѣлы отъ нашего замка. Они сѣли завтракать. Ихъ много и они вооружены крѣпко.

— Что-же медлятъ они?—закричалъ фонъ-Ферзенъ, топнувъ ногою: — Русскіе жгутъ земли наши, а они пьютъ.

— Какъ и мы!—вставилъ Доннершварцъ, глупо ухмылясь.

Бернгардъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, видитъ Богъ, этого въ наше время не бывало! Вотъ распоряженія нынѣшняго гроссмейстера! Вотъ храбрость нынѣшнихъ рыцарей! Свидѣтель Богъ, не такъ было въ наше время,—продолжалъ фонъ-Ферзенъ.

— Не всѣхъ обижайте!.. Мой мечъ свернетъ также головы,—заговорилъ было Доннершварцъ.

— Всѣмъ бутылкамъ — моимъ, отвѣчалъ фонъ-Ферзенъ: - Что-же ты ожидаешь и не ѣдешь отыскивать нашихъ шатуновъ? Или боишься встрѣчи русскихъ и ихъ угощенья?

Доннершварцъ тупо глядѣлъ на него и

не находилъ отвѣта, а Бернгардъ замѣтилъ оскорбленнымъ тономъ:

— Фонъ-Ферзенъ! порукою ничѣмъ незапятнанная честь моя: мы не выдадимъ васъ врагамъ... Если вы сомнѣваетесь, да судитъ васъ совѣсть ваша.

— Да, да, смѣйтесь... сколько хотите,—заговорилъ Доннершварцъ, — пусть я пролью за васъ не кровь, а вино, но... но...

Онъ не сумѣлъ договорить.

— Простите меня, — сказалъ старикъ,—я погорячности васъ обидѣлъ...

Въ комнату снова вбѣжала Эмма и радостно воскликнула:

— Ѣдетъ, ѣдетъ!.. Мой Гритлихъ цѣлъ и невредимъ... Онъ справился съ лошадью... посмотрите.

Она указала въ окно на лошадь, покрытою пѣною и возвращающуюся домой съ повисшими ушами.

Фонъ-Ферзенъ прервалъ свою дочь:

— Вотъ кстати. Вотъ кто загладитъ обиду мою!—заговорилъ онъ, указывая на дочь:—Рыцари, дѣти благородной стали! Вотъ вамъ награда. Кто болѣе скоситъ русскихъ головъ съ ихъ богатырскихъ плечъ, тотъ наслѣдуетъ титулъ мой, замки и всѣ владѣнія мои и получитъ Эмму.

— О, для такихъ наградъ я не пожалѣю руки своей!—воскликнулъ Доннершварцъ.

— Послѣднее обѣщаніе,—замѣтилъ Бернгардъ,—лучшій перлъ изъ всѣхъ сокровищъ

вашихъ... Я не хвалюсь, но для нея умру хотя тысячу разъ ужасными смертями.

Онъ нѣжно взглянулъ на Эмму.

Ея щеки то покрывались яркимъ румянцемъ при взглядѣ на красиваго Бернгарда, то смертельной блѣдностью, когда взоръ ея падалъ на неуклюжаго Доннершварца. Она робко прижалась къ отцу и сердце ея билось какъ птичка, попавшаяся въ силокъ.

Наконецъ, она выбрала минуту и быстро вышла изъ комнаты.

— Итакъ, господа, мое слово свято, зарабатывайте обѣщанную наъраду!

— Она будетъ моей!—прорычалъ Доннершварцъ.

Бернгардъ не успѣлъ выразить въ свою очередь надежду, какъ въ комнату быстро вошелъ Гритлихъ въ венгерскомъ короткомъ костюмѣ, обшитомъ шнурами. На ногахъ его были надѣты зеленые софьянные полусапожки съ красными отворотами и серебряными нашивками, на боку мотался охотничій ножикъ, на черенкѣ котораго была золотая насѣчка, въ одной рукѣ его была короткая нагайка, а въ другой шапка съ куньей оторочкой и мерлушьимъ исподомъ.

Онъ учтиво поклонился гостямъ и особенно почтительно фонъ-Ферзену.

— Браво, Гритлихъ,—воскликнулъ фонъ-Ферзенъ, — мы видѣли твою удаль. Ты достоинъ того, чтобы тебѣ носить шпоры...

Доннершварцъ не далъ фонъ-Ферзену до-

говорить, оттащилъ его въ сторону и сталъ что-то нашептывать.

Бернгардъ дружески пожалъ руку Гритлихъ и сталъ выхвалять его искусство, на что тотъ вѣжливо откланивался.

Вдругъ фонъ-Ферзенъ жестомъ руки подозвалъ къ себѣ юношу, пристально взглянулъ на него, погладилъ свою бороду и съ усиліемъ сказалъ:

— Гритлихъ, скоро у насъ будетъ рѣзня съ земляками твоими.

— Очень сожалѣю, благородный господинъ мой, что сосѣди не живутъ мирно между собою,—отвѣчалъ онъ выразительно.

Фонъ-Ферзенъ замолчалъ, видимо, не находя словъ, но Доннершварцъ продолжалъ за него:

— Ты русскій, слѣдовательно долженъ убираться отсюда.

Гритлихъ съ презрѣніемъ взглянулъ на него, но не отвѣтилъ ни слова.

— Слышишь-ли, — продолжалъ Доннершварцъ:—господинъ твой приказываетъ тебѣ поскорѣе убираться изъ замка, пока рыцари не выбросили тебя изъ окна на копья.

— Какъ, развѣ вы нанялись говорить за него?.. Въ такомъ случаѣ, я останусь глухъ и подожду, что скажетъ мнѣ благородный господинъ мой, — твердымъ, ровнымъ голосомъ отвѣчалъ Гритлихъ.

— Къ несчастью, это правда,—съ дрожью въ голосѣ произнесъ фонъ-Ферзенъ: — я люблю тебя, Гритлихъ, и ни за что-бы не

разстался съ тобою, но всѣ рыцари, защитники и союзники мои, требуютъ этого... Я отпускаю тебя.

Несчастный юноша низко опустилъ голову и стоялъ, какъ пораженный громомъ.

Всѣ молчали.

— Ужели ты не любишь своей родины, такъ что возвращеніе въ нее печалитъ тебя? — спросилъ послѣ нѣкоторой паузы фонъ-Ферзенъ.

— Родины!—съ жаромъ воскликнулъ юноша: — Хотя я мало знаю ее и воспитанъ вами, но отдамъ за нее всю кровь мою. Я сильно привыкъ къ Ливоніи и забылъ мою родину, и за это Богъ караетъ преступника.

Онъ остановился, но черезъ минуту началъ снова сквозь слезы:

— Нѣтъ, я правъ, она отвергла меня: родители мои убиты палачами, которыхъ я долженъ называть своими землянами, мы съ нею квиты. Теперь для меня все равно: смерть для всѣхъ стелетъ одинаковую постель, хотя и въ разной землѣ.

Онъ бросился въ ноги фонъ-Ферзену и обнялъ его колѣна и сталъ умолять его не отпускать отъ себя.

Старикъ совершенно смутился, поднялъ юношу и не зналъ, что сказать.

Бернгардъ подошелъ къ нимъ:

— Фонъ-Ферзенъ! Я беру его къ себѣ. Гдѣ-же сиротѣ безродному скитаться теперь по обнаженнымъ полямъ нашимъ? Пойдемъ, Гритлихъ, не унижайся, ты не того стоишь.

— Стой, стой, одно условіе!—прервалъ его фонъ-Ферзенъ, обращаясь къ Гритлиху,—останься съ нами. Я разрѣшаю тебѣ это, поклянись клятвой рыцаря, что исполнишь наше желаніе. Поклянись на мечѣ...

Старикъ обнажилъ мечъ и протянулъ его лезвіемъ къ юношѣ.

Гритлихъ положилъ руку свою на обнаженный мечъ и приготовился повторить слова требуемой отъ него клятвы.

— Клянись-же что ты отрекаешься отъ русскаго имени и будешь воевать съ нами подъ нашими знаменами, которыя разовьютъ надъ ними поголовную смерть,—началъ торжественно старый рыцарь.

Пораженный Гритлихъ горько улыбнулся и снялъ свою руку съ меча. Затѣмъ, гордо покачавъ головой. тряхнулъ своими кудрями и, не отвѣтивъ ничего, пошелъ твердыми шагами изъ комнаты.

Вдругъ онъ остановился и обернулся.

Фонъ-Ферзенъ догадался для чего и открылъ ему свои объятія.

Неутѣшный юноша бросился въ нихъ со словами:

— Простите! Это ужъ слишкомъ, благородный господинъ!—говорилъ онъ со слезами въ голосѣ:—Я не могу совсѣмъ переродиться въ ливонца Русь мнѣ родная — я сынъ ея, и будь проклятъ тотъ небомъ и землею, кто рѣшиться измѣнить ей. Небесное-же проклятіе не смоешь ни слезами, ни кровью...

— Милое дитя мое, Гритлихъ! Видитъ Богъ, я не забуду тебя. Послѣ возвратись опять ко мнѣ!—растроганнымъ голосомъ заговорилъ фонъ-Ферзенъ и опустилъ въ руку юноши кошелекъ, полный золотомъ.

Почувствовавъ эту подачку, Гритлихъ быстро отошелъ отъ старика, вытряхнулъ изъ кошелька золото, а самый кошелекъ положилъ за пазуху и быстро направился къ двери, но здѣсь встрѣтилъ его Доннершварцъ и загородилъ путь.

— Остановись! Дай обѣщаніе, что ты не наведешь на насъ русскихъ, не укажешь имъ ближней дороги къ замку, или я сдѣлаю такъ, что ты не ногами, а кувыркомъ дойдешь до нихъ.

— Этого еще не доставало, оскорблять меня такимъ гнуснымъ, низкимъ подозрѣніемъ! — воскликнулъ юноша, и не успѣли Бернгардъ и фонъ-Ферзенъ кинуться къ нему на помощь, какъ онъ ловкимъ движеніемъ выбилъ щитъ у Доннершварца и схватилъ его за наличникъ шлема, перевернулъ послѣдній на затылокъ, а затѣмъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Мечъ, брошенный на-угадъ ослѣпленнымъ Доннершварцомъ, не попалъ въ ловкаго юношу, а впился въ стѣну и задрожалъ.

IX.

Свиданье.

Въ роскошномъ, но запущенномъ паркѣ фонъ-Ферзена, опершись на дорожный суковатый посохъ, стоялъ Гритлихъ.

Поздній вечеръ уже спускался на землю, и яркія краски багровозакатывающагося на западѣ солнца гасли мало-по-малу. На небѣ медленно выплывалъ мѣсяцъ, ныряя въ облакахъ.

Юноша продолжалъ стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ и даже не замѣчалъ, какъ вокругъ него все болѣе и болѣе сгущался ночной сумракъ, какъ шумѣли въ пустынномъ паркѣ пожелтѣвшіе листья деревъ, колеблемые рѣзкимъ осеннимъ вѣтромъ.

Онъ не отводилъ взгляда своего отъ замка, навѣки прощаясь съ этой второй своей родиной,

Почти всѣ окна замка горѣли огнями, изъ-за нихъ слышался какой-то гулъ, звонъ посуды и говоръ. Фонъ-Ферзенъ встрѣчалъ все новыхъ и новыхъ гостей, рыцарей— своихъ союзниковъ. Печальный юноша поднялъ взоръ свой къ одному изъ верхнихъ оконъ, задернутыхъ двумя сборчатыми полосами занавѣсокъ, за которыми, какъ ему казалось, промелькнула знакомая ему фигура.

На дворѣ замка раздался заунывный ко-

локолъ. Это былъ сигналъ, поданный привратнику, что настало время запирать ворота и опускать подъемный мостъ. Цѣпи его загрохотали, на шпицѣ башни заблестѣлъ фонарь и все умолкло, только откуда-то раздавался вой собакъ, да ржали рыцарскіе кони, дрогнувшіе отъ холода, на привязи у столбовъ.

— Пора!—сказалъ самому себѣ Гритлихъ, но вдругъ сталъ внимательно прислушиваться.

Мимо забора, за которымъ онъ стоялъ, кто-то, какъ будто, крался, одинъ на встрѣчу другому. Скоро онъ различилъ и узналъ ихъ голоса.

— Чортъ возьми.—заговорилъ одинъ изъ кравшихся, фонъ-Доннершварцъ,—какъ темно и жутко бродить по здѣшнимъ ущельямъ:—Ты-ли это, Гриммъ?—Ну, кривой сычъ, говори скорѣй, что новаго?

— Тсъ! Тише,—отвѣчалъ голосъ Гримма:—не шумите по двумъ причинамъ: во-первыхъ, насъ могутъ подслушать, а во-вторыхъ, вы можете разбудить того удавленника, который заваленъ вонъ тѣмъ камнемъ у краснаго колодца. Видите-ли, что-то бѣлѣется. А дѣло наше приходитъ къ концу. Къ вечеру, послѣ завтра, приготовьте рейтаровъ вашихъ у западной башни, а до того расположите ихъ въ Черной лощинѣ:

— Чортъ возьми! Ужъ я это слышалъ. Что-же дальше?

— Поперхнись ты самъ нечистымъ,—про-

ворчалъ Гриммъ: — я вытащу фрейлейнъ Эмму,—продолжалъ онъ громче:—по лѣстницѣ, которую приставлю къ ея окошку, завяжу ей ротъ и передамъ вамъ съ рукъ въ руки.

— Прекрасно! — замѣтилъ фонъ-Доннершварцъ:—То-то я насмѣюсь надъ глупымъ старикомъ, жеманной его дочерью и надъ этимъ жиденькимъ хвастуномъ Бернгардомъ.

— Ради Бога, тише, благородный рыцарь! Я самъ, признаюсь вамъ, ненавижу ихъ всѣхъ отъ души, съ тѣхъ поръ, какъ отставной нашъ гроссмейстеръ обошелъ меня и сдѣлалъ кастеляномъ замка мальчишку Штейна, своего стремянного, но, право, боюсь, подслушаютъ насъ и вздернутъ насъ съ вами на первую осину, обновивъ чьи-нибудь кушаки на нашихъ шеяхъ,—говорилъ Гриммъ, робко озираясь.

— Какъ? Меня? Рыцаря, носящаго шпоры и мечъ, повѣсятъ на веревкѣ, какъ бадью на листъ, и оставятъ болтаться ногами и головою между землею и небомъ! Что ты! Образумься, старый Гриммъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы захлебнулись было шлемомъ своимъ отъ рукъ Гритлиха, нашъ-то смотритъ на васъ не совсѣмъ милостиво и довѣрчиво.

— Чортъ возьми! Напомнилъ еще ты объ немъ, — закричалъ Доннершварцъ во все горло:—Если-бы не ускользнулъ онъ, я-бы вышибъ изъ него душонку...

Зная чѣмъ остановить своего бывшаго

ховяина, Гриммъ вдругъ притворился испуганнымъ, всплеснулъ руками и шепотомъ произнесъ:

— Посмотрите, камень шевелится, я какъ будто вижу посинѣлое лицо мертвеца и закатившіеся полуоткрытые глаза его! Прощайте. По чести скажу вамъ: мнѣ не хочется попасть въ его костяныя объятія, а въ особенности онъ не любитъ рыцарей. Помните условіе, а за Гритлихомъ послалъ я смерть неминуемую; его подстерегутъ на дорогѣ, лозунгъ нашъ «форвертсъ» *).

Гриммъ на цыпочкахъ и ощупью сталъ пробираться домой.

Перепуганный на смерть Доннершварпъ пустился бѣжать во всю рыцарскую прыть, Скоро мракъ скрылъ ихъ обоихъ отъ глазъ Гритлиха. Съ другой-же стороны замка послышался новый шорохъ.

Юноша стоялъ въ изумленіи, какъ вкопанный.

Онъ давно замѣчалъ тайную связь между коварнымъ Гриммомъ и самохваломъ Доннершварцемъ, но зная, что первый былъ прежде въ услуженіи у второго, не обращалъ на это вниманія. Теперь-же счастливый случай помогъ ему открыть ихъ адскіе замыслы относительно его и Эммы. Гритлихъ невольно опустился на колѣни и поднявъ, руки и очи къ невидимому, но вездѣ-

*) Впередъ.

сущему Существу, сталъ горячо молиться. Это была молитва безъ словъ отъ полноты охватившихъ его чувствъ.

Чистый фиміамъ души доступенъ слуху Всевышняго.

Молитва облегчила несчастнаго юношу. съ души его скатилась будто тяжелая глыба.

Вдругъ передъ нимъ, какъ изъ земли, выросла бѣлая фигура.

— Моя Эммхенъ, сестрица, моя дорогая!— съ рыданіемъ воскликнулъ Гритлихъ.

Уста ихъ слились въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Что стало съ тобою?.. Ты такъ печаленъ, какъ будто недоброе таишь въ сердцѣ?—спросила, наконецъ, Эмма. играя его кудрями.

— Ты сама не весела!—отвѣчалъ онъ:— вѣрно зловѣщее предчувствіе томитъ и твою грудь.

— Напротивъ, смотри: я смѣюсь. Право, мнѣ такъ хорошо теперь.

— А сама плачешь? Я вѣдь это чувствую: слезы твои на щекахъ моихъ.

— Зато на душѣ у меня такъ легко! Съ тобой и горевать весело. Ну, повѣрь-же мнѣ, въ глазахъ моихъ плачетъ радость... Это наслажденіе! Ты зачѣмъ мнѣ назначилъ быть здѣсь?..

— Скажи мнѣ прежде, чему ты радуешься?

— Тому, что ты любишь меня! А знаешь что, милый Гритлихъ, отецъ мой отдастъ меня тому рыцарю, который отличится въ битвѣ съ русскими. Бернгардъ увѣрялъ ме-

ня, что я буду его. Какъ я рада! Онъ такой милый, добрый.

Гритлихъ поблѣднѣлъ· Онъ насилу выговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Какъ, ты радуешься тому, что будетъ стоить мнѣ жизни?

— Почему-же? Развѣ... Да... ты русскій, я и забыла это. Безцѣнный мой Гритлихъ, за что ты любишь отечество больше насъ. Ужели ты хочешь сражаться съ противникками нашими и убить батюшку и Бернгарда?

— Бернгарда?.. О! я забылъ: ты не любишь меня, Эмма. Прощай-же! Теперь я вижу, что я круглый сирота, для всѣхъ чужой на бѣломъ свѣтѣ!

— Что ты, Гритлихъ, да тебя я не промѣняю ни на что на свѣтѣ... И ты говоришь, что я не люблю тебя! Что сдѣлалось съ тобой? Развѣ Бернтардъ помѣшаетъ намъ любить другъ друга по прежнему? Если что случится, я отвергну его...

Такъ разсуждала чистая невинность.

— Какъ-же ты любишь меня?—спросилъ Гритлихъ, жадно прислушиваясь къ звуку ея рѣчей.

— Да какъ, право, и сказать не умѣю. Вотъ отдала-бы за тебя все, что имѣю. Мнѣ такъ всегда пріятно съ тобой: не наговорюсь, не насмотрюсь на тебя; все-бы любовалась я тобой, гладила-бы кудри твои, нѣжила-бы голову твою на груди моей. О! не умирай, Гритлихъ!.. Мнѣ будетъ скучно безъ

[illegible] а не перенесу этого... Я люблю тебя [illegible]ытно, какъ родного моего, какъ брата, [illegible]...

Только-то!—дико вскрикнулъ онъ, услыхавъ послѣднія слова...

Эмма вздрогнула, въ ужасѣ отступила отъ него и замолчала.

Юноша, преодолѣвъ волненіе, твердо произнесъ:

— Эмма, будь счастлива съ Бернгардомъ, онъ стоитъ тебя, а обо мнѣ забудь совершенно. Остерегайся разбойника Доннерштварца и злаго Гримма: они покушаются на тебя...

Онъ не договорилъ и опрометью бросился бѣжать отъ нея къ калиткѣ, выдернулъ засовъ и исчезъ изъ сада.

Эмма нѣсколько мгновеній, какъ ошеломленная, стояла на мѣстѣ и вдругъ, какъ снопъ упала на траву.

Угрюмый и печальный сидѣлъ старикъ фонъ-Ферзенъ въ комнатѣ Эммы, около постели своей любимой дочери.

Ее нашли безъ чувствъ въ паркѣ замка, принесли и уложили на кровать.

Около нея хлопотала старая Гертруда—ея бывшая кормилица и затѣмъ нянька.

Молодая дѣвушка лежала нѣма и недвижима, правая рука ея свѣсилась съ кровати: въ ней судорожно былъ зажатъ какой-то предметъ.

Гертруда прыскала на нее свѣжей водой.

Эмма шевельнулась, рука разжалась и что-то упало на полъ.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжалъ Бернгардъ... Его черные волосы были въ безпорядкѣ и еще болѣе оттѣняли мертвенную блѣдность его лица. Онъ упалъ на колѣни передъ постелью любимой дѣвушки и неотводно устремилъ на нее свой взглядъ.

— Гритлихъ, Гритлихъ! Ты не понялъ меня,—прошептала Эмма слабымъ голосомъ, и, какъ-бы очнувшись, привстала немного, обвела глазами комнату, затѣмъ горько улыбнулась оттолкнула протянутую руку Бернгарда и снова упала на подушки.

Фонъ-Ферзенъ поднялъ упавшій изъ руки его дочери предметъ. Это оказалась серебряная раковина. Онъ открылъ ее и нашелъ русый локонъ—несомнѣнно локонъ Гритлиха.

Бернгардъ взглянулъ и вздрогнулъ.

Завѣса спала съ глазъ его, золотые сны любви разсѣялись какъ дымъ, и въ этомъ ужасномъ пробужденіи они оба съ Ферзеномъ поняли, кому отдано было сердце Эммы.

— Гдѣ онъ?.. Отдайте мнѣ его,—продолжала бредить больная:—Душно, тяжело, темно безъ него!.. Гдѣ я? Далеко-ли онъ?.. Увижу-ли я его?.. Что это налегло на сердцѣ... Знать, все кончено!

Съ жгучею, невыразитую сердечною болью прислушивался Бернгардъ къ этому роковому бреду молодой дѣвушки.

Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Клянусь любовію моей къ тебѣ, Эмма,

и догоню его и приведу къ тебѣ, или источу жизнь свою по каплѣ подлѣ тебя, за тебя,..

Послѣднія слова онъ договорилъ уже за дверью.

Эмма какъ-бы пришла въ себя отъ его словъ... Она взглянула на него такъ нѣжно, такъ выразительно, какъ-бы благословляя его своимъ взоромъ, и этотъ взоръ пролилъ въ его душу еще болѣе отваги и непоколебимости въ принятомъ имъ рѣшеніи.

По его уходѣ Эмма снова закрыла глаза.

— Раздѣну я ее, благородный господинъ мой, да спать уложу, къ утру все какъ рукой сниметъ, опять пташкой по замку заливаться будетъ,—сказала Гертруда опечаленному, сидѣвшему съ поникшей головой, фонъ-Ферзену.

Онъ посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на свою дочь, всталъ и медленно вышелъ изъ комнаты къ гостямъ, которые продолжали пировать въ готической столовой замка Гельмстъ, заранѣе торжествуя побѣду надъ русскими бродягами.

Не рано-ли?

X.

Въ московской думной палатѣ.

Въ то время, когда въ замкѣ Гельмстъ рыцари ордена меченосцевъ съ часу на часъ ждали набѣга новгородскихъ дружинни-

ковъ; въ то время, когда въ самомъ Новгородѣ, какъ мы уже знаемъ, происходили смуты и междоусобія по поводу полученнаго отъ московскаго князя неожиданнаго запроса, а благоразумные мужи Великаго Новгорода съ трепетомъ за будущее своей отчизны ждали результата отправленнаго къ великому князю отвѣта, посмотримъ, что дѣлалось тогда въ самой Москвѣ.

Было 30-е сентября 1477 года.

Роковая запись новгородская была получена наканунѣ, и великій князь повелѣлъ для выслушанія ея собраться всѣмъ ближнимъ своимъ боярамъ въ думную палату для окончательнаго разрѣшенія дѣла относительно вольной отчины своей — Великаго Новгорода.

Къ назначенному по обычаю того времени раннему часу думная палата великокняжеская была полна. Самъ великій князь возсѣдалъ на стулѣ изъ слоновой кости съ рѣзною спинкою, покрытою бархатною полостью малиноваго цвѣта съ золотою бахромою.

Высокіе рынды въ бѣлыхъ одеждахъ стояли чинно по обѣ его стороны. На правую руку отъ великаго князя стояла скамья, на которой лежала его шапка, а по лѣвой другая съ посохомъ и крестомъ.

Невдалекѣ сидѣлъ митрополитъ Геронтій, окруженный висшими духовными чинами, а затѣмъ уже на лавкахъ, устланныхъ суконными подушками, засѣдали бояре и князья.

Подъячій Родіонъ Богомоловъ съ перомъ

за ухомъ стоялъ вытянувшись съ струнку на концѣ дѣлового стола и держалъ подъ мышкой длинный столбецъ бумаги.

Копейщики и дѣти боярскія съ заряженными пищалями стояли на стражѣ у дверей.

Когда извѣстная уже читателямъ запись была прочтена, лицо великаго князя сдѣлалось сумрачно, бояре и князья стали переглядываться между собою, поглаживать свои бороды, приготовляясь говорить, но, видимо, никто первый не рѣшался нарушить торжественную тишину.

Іоаннъ Васильевичъ обвелъ глазами собраніе, остоновивъ на нѣсколько мгновеній свой взглядъ на Назаріи, сидѣвшемъ съ опущенной долу головой, и на митрополита, погруженнаго въ глубокія, видимо, тяжелыя думы.

— Владыко святый,—началъ онъ, — и вы всѣ, вѣрные сыны, опора отчизны нашей, не сердобольно-ли слушать намъ, какъ отвѣчаютъ единокровные намъ смѣльчаки новгородскіе. Они торжествено и безстыдно запираются въ данномъ мнѣ отъ нихъ имени государя, они, строптивые, казнятъ позорною смертію вѣрныхъ людинъ законному государю своему, прямо мѣкаютъ о намѣреніи поддаться Литвѣ иноплеменной и явно поставляютъ меня лжецомъ передъ лицемъ всей земли русской. Присудите, думныя головы, какъ долженъ я поступить, чтобы стереть и съ васъ пятно, омрачающее честь нашу общую, — чернота лжи налегла и на

ваши души,—чтобы укоротить языки и руки ихъ, подвизающіеся на обиду великую, тяжкую, прикасающуюся до государя ихъ, чтобы вынудить ихъ выполнять, а не вторично измѣнять ихъ святѣйшимъ клятвамъ, ознаменованнымъ и крѣпко утвержденнымъ крестнымъ цѣлованіемъ, слѣдовательно тѣсно сопряженнымъ съ неотвратимою карою небесъ и примѣрнымъ наказаніемъ земного ихъ судіи?

Гнѣвно сверкали глаза великаго князя, и рѣчь его лилась подобно огненному потоку лавы. Іоаннъ кончилъ, въ палатѣ воцарилась та-же невозмутимая тишина, которая казалась теперь еще торжественнѣе.

Первый по обычаю и по старшинству заговорилъ митрополитъ Геронтій:

— Возмогай о Господѣ! въ державѣ крѣпости Его одинъ пожнешь тысящу! Господь пошлетъ тебѣ отъ Сіона жезлъ силы и одолѣешь враговъ своихъ, и смятутся, и погибнутъ они, и разсыпятся, яко прахъ. Богъ возставитъ намъ тебя, государь, яко древле Моисея, Іисуса Навина и другихъ освободившихъ Израиля, яко отъ нечестивыхъ фарисеевъ, разбойниковъ и богоборцевъ, но прежде внемли мнѣ: удержи праведный гнѣвъ свой, обрати еще на милость имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ. Мы пошлемъ къ нимъ обще увѣщанія свои, и если и тогда не усмиряться, то пусть заблужденія взыграютъ, яко орлы, и посреди звѣздъ устроятъ гнѣзда себѣ—свергнетъ ихъ Господь и оттуда!..

Митрополитъ кончилъ и снова поникъ головою.

Его вдохновенная рѣзь произвела глубокое впечатлѣніе, хотя нѣкоторые изъ заговорившихъ бояръ были противъ его миролюбія:

— Что еще за переговоры съ ослушниками верховной власти! — замѣтилъ князь Даніилъ Холмскій,—въ первую войну они отгрызались литовщиной, и теперь тѣмъ-же пахнутъ ихъ рѣчи.

— Оно такъ-то такъ, но вѣдь увѣщательное слово льнетъ къ душѣ, особливо когда особа священная, благоизбранная произноситъ его,—возразилъ ему недавно прибывшій изъ Новгорода бояринъ Ѳедоръ Давыдовичъ.

— Тогда мы не упрекнемъ себя, что поступили, не спрося ни совѣсти, своей, ни совѣта чтимаго владыки и не принявъ отъ него благословенія на столь великое дѣло,— съ удареніемъ промолвилъ Назарій.

— Истинно, — сказалъ князь Стрига-Оболенскій:—Будемъ примѣромъ въ кротости и терпѣніи. Враги наши сами устыдятся, и мы черезъ это жару насыплемъ на главу ихъ.

— Мы имъ зададимъ жару, когда обступимъ стѣны домовъ ихъ! — прервалъ рѣчь его князь Соменъ Ряполовскій,—стало быть онъ полюбился имъ, когда еще старый не совсѣмъ простылъ, а они...

— Я съ тобой согласенъ, князь Семенъ!— крикнулъ бояринъ Василій Сабуровъ:—Пора подавить намъ, братъ, ненавистное, враж-

дебное племя. Ихъ увѣщевать надо языкомъ смерти, словами, выкованными изъ желѣза— это одно только они поймутъ, этому только и дадутъ вѣру.

— И видимо, а то они подумаютъ, что своею записью заговорили намъ зубы, или мы струсили,—замѣтилъ Сабуровъ.

— А вотъ какъ мы заставимъ ихъ собственною кровью подписать договорныя грамоты, такъ, небось, они отъ нихъ не отступятся,—подхватилъ Ряполовскій.

— Ни чья судьба не вѣдома; это дѣло закрытое. Бываетъ, что и самая заносчивая голова скатывается съ плечъ ниже ногъ!— возразилъ Назарій:—Какъ лобъ ни широкъ, стѣны имъ не спихнешь, какъ окропитъ его свинцовый дождикъ, такъ и ищи просухи въ землѣ.

— Такъ могутъ думать и говорить одни запечные храбрецы новгородскіе,—колко отвѣрилъ ему князь Ряполовскій: — Дома они соколами витаютъ по звону вѣчевому, на петли идутъ, мѣдь за второго бога чтутъ, а отъ желѣза стаями бѣгутъ, даромъ что хорохорятся, какъ пѣтухи!

— Да и пѣтухи-то пряничные! За чужими спинами всякій съумѣетъ выше колокольни подняться, шапкой въ облака упереться, а какъ дойдетъ до размѣна ударовъ, и кричатъ громче своего колокола: давай мировую, за что намъ считаться, лучше чокаться кубками, чѣмъ мечами, — прибавилъ Сабуровъ.

— Трусость наша растеряна по полю, да

не вы-ли подобрали ее?—вдругъ заговорилъ до сихъ поръ молчавшій дьякъ Зяхарій:— Отъ Волги до моря, далеко усыпаны слѣды новгородскіе. Нашихъ-ли молодцевъ назвать домосѣдами? Какъ грибы ростутъ они передъ стѣнами вражескими, мечи ихъ хозяйничаютъ на чужбинѣ, какъ въ своихъ кисахъ, а самихъ хозяевъ посылаютъ хлебать сырую уху на самое дно. Кто ихъ не знаетъ, того тѣло свербитъ, какъ ваши-же языки, на остріе.

— Смотри, пожалуйста, какъ эти чернильныя дрожжи раздулись! Отодвинься, князь Данила, а то они лопнутъ, такъ забрызгаютъ!—сказалъ Сабуровъ.

— Долго-ли до грѣха, — отвѣчалъ князь Данила Холмскій: — онъ и самъ-то не просохъ еще съ давишней попойки. Развѣ попробовать выжать его, начать хоть съ головы, а отъ нея уже и до ногъ не далеко.

Кругомъ раздался общій хохотъ.

— А землякъ-то его прикусилъ языкъ.

— Видно, слова наши прямо въ цѣль попали,—замѣтилъ Ряполовскій.

Терпѣніе Назарія истощилось, глаза его разгорѣлись, руки невольно сжали рукоятку меча, онъ вскочилъ съ мѣста и произнесъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— Кто хочетъ слышать отвѣтъ мой, тотъ можетъ принять его съ конца копья...

Великій князь, разговарившей все время съ митрополитомъ, повернулся въ сторону

спорившихъ и повелительно произнесъ, указавъ на Назарія:

— Правда, онъ горожанинъ безъ отечества, но вы люди безъ души, если ставите ему въ укоръ любовь къ родинѣ. Теперь онъ москвитянинъ, стольный градъ нашъ — кровъ его, рука моя—щитъ, а самая заступа его—честь его; кто хочетъ на него, пойдетъ черезъ меня.

Бояре разомъ умолкли.

«Забылись мы»! — подумалъ каждый про себя:—«Вотъ что значитъ свое и чужое»!

XI.

Увѣщательная грамота.

— Пиши! — обратился великій князь къ подъячему Богомолову.

Тотъ быстро развернулъ столбецъ бумаги, обмакнулъ перо въ мѣдную чернильницу и сталъ выводить имъ крючковатыя старинныя буквы, подъ диктовку самого Іоанна:

«Люди новгородскіе! Рюрикъ, св. Владиміръ и другіе предки мои, память имъ вѣчная, повелѣвали вами, какъ подвластными себѣ во всю волю свою и вы не смѣли ослушаться ихъ. Вы служили имъ вѣрно и честно, и вся эта честь принадлежитъ вашимъ предкамъ; теперь я наслѣдую право сіе, жалую васъ, ограждаю силою моею, но могу ею зло казнить дерзкихъ ослушниковъ. Когда вы были ведомы Литвою и платили ей поголовную

дань свою, я не бременилъ васъ своею такою-же, но только истребовалъ законной доли своей, установленной вѣками, дѣдами и отцами нашими; вы-же замышляли и прежде и теперь сдѣлаться отступниками отъ нее, стало-быть и отъ меня, и хотите опять предаться Литвѣ, не смотря на завѣщаніе предковъ: блюсти повиновеніе законное старшему удѣльному князю Русскому. Казнь Божія надъ вами. Вы побили торговою казнью честныхъ горожанъ, преданныхъ мнѣ и, что всего позорнѣе, оболгали меня передъ всею Русью, яко-бы не называли меня Государемъ своимъ. За все сіе я посылаю вамъ складную грамоту и вслѣдъ за ней иду со всѣмъ воинствомъ моимъ, наказать васъ строптивыхъ ослушниковъ. Но я какъ чадолюбивый отецъ готовъ еще помиловать васъ, дѣтей своихъ, если вы одумаетесь и, преклонивъ повинныя головы, испросите у меня отпущеніе за всѣ вины свои, подтвердите прежнія слова свои и согласитесь на всѣ условія, извѣщенныя вамъ подъ стѣнами Новгорода Великаго—тамъ повидаемся мы»!

Митрополитъ собственною рукою сдѣлалъ приписку на этомъ-же столбцѣ:

«Съ соболѣзнованіемъ душевнымъ слышу о мятежѣ и расколѣ вашемъ. Бѣдственно и единому человѣку уклониться отъ пути праваго, но еще гибельнѣе вдаваться въ него цѣлому народу. Вамъ самимъ вѣдомо «не суть боги ихъ, яко нашъ Богъ»! Трепещите заблужденіи, страшный серпъ Божій видѣн-

ный пророкомъ Захаріемъ, да не снидетъ на главу сыновъ ослушныхъ; вспомните рѣченное въ св. писаніи: «бѣги грѣха, яко ратника, бѣги отъ прелести, яко лица змѣина». Сія прелесть есть латинская: она уловляетъ васъ опять легковѣрныхъ. Развѣ примѣръ Византіи не доказалъ гибельнаго дѣйствія увѣщанія ея? Греки славились благочестіемъ, соединились съ Римомъ и служатъ нынѣ туркамъ нечестивымъ. Опомнитесь-же, вразумитесь силою бодрости душевной и воспряньте отъ нечестія, омрачающаго васъ! Доселѣ вы были сохранными, цѣлы подъ прочною рукою Іоанна, но когда отвергнетесь отъ него и погибните. Страшно подумать, какъ дерзнули вы злоязычничать на законнаго повелителя вашего и отступать отъ собственныхъ словесъ и письменъ, начертанныхъ руками вашими съ полюбовнаго согласія всего Новгорода и владыки вашего Ѳеофила»!..

«Троекратно увѣщеваю васъ, не забывайте словъ Апостола: «Бога бойтесь, а князя чтите». Состояніе града вашего нынѣ уподобляется древнему Іерусалиму, когда Богъ готовился предать его въ руки Титовы. Смиритесь-же, да прозрятъ очи души вашей, отъ слѣпоты своей—и Богъ мира да будетъ надъ вами непрестанно, отнынѣ и до вѣка. Аминь».

Отданныя на обсужденіе бояръ грамота и отпись къ новгородцамъ получили всеобщее единогласное одобреніе; самъ Назарій согласился, что поступить иначе съ ними нельзя.

— Защита новгородцевъ — это паутиное тканіе! — сказалъ Ѳедоръ Давыдовичъ: — Я самъ видѣлъ, какъ тщатся они о войнѣ: пьютъ, да бьютъ—вотъ и все, что можно объ нихъ сказать.

— Тѣмъ лучше! Какъ мы нагрянемъ на нихъ, такъ поневолѣ придутъ къ намъ челомъ бить, какъ на страшное судилище,— отвѣтилъ Холмскій.

— Я съ своей стороны давно подумывалъ, что пора подчинить ихъ самосудную власть одному князю. Насмотрѣлся я вдоволь на ихъ посадникомъ. Это не блюстители правосудія, а торгаши властью и совѣстью; правота тамъ продается, какъ залежалый товаръ,—замѣтилъ снова Ѳедоръ Давыдовичъ.

— Грустно объ этомъ слышать, не только видѣть подобное зло! — промолвилъ Стрига-Оболенскій.

— И зло и язву! Этими недугами болятъ уже псковитяне: и къ нимъ она прикоснулась,—произнетъ Ряполовскій.

— Да, да, они во всемъ передразниваютъ новгородцевъ,—согласился Сабуровъ.

— Да какъ-же! Въ случаѣ задирки кого-нибудь, Новгородъ имъ помога, а въ случаѣ утяги съ битвы, онъ для нихъ всегда былъ теплою пазушкой,—сказалъ князь Холмскій.

— Не добрыя вѣсти разскажу вамъ и про Тверь,—началъ бояринъ Ощера, недавно вошедшій въ Думную палату, — и въ ней поселилась литовщина. Тверь лишь тѣмъ рознится отъ Новгорода, что тотъ бушуетъ вслухъ, а эта втихомолку, про себя. Я давно

примѣчаю тверскихъ шатуновъ въ Москвѣ и давно-бы пора захлеснуть ихъ за шею, да нельзя еще явно повыхватать изъ народа. Вотъ какъ мы гульнемъ къ нимъ на перепутьѣ, повысмотримъ, да повыглядимъ ихъ движенія, да усмиримъ новгородцевъ и замѣтимъ по дорогѣ притаившихся молодцовъ, чтобы такъ — однимъ камнемъ на повалъ обоихъ!

— Ужъ гдѣ литовщина, тамъ и бѣсовщина!—замѣтилъ Назарій.

Бояре въ присутствіи великаго князя всегда говорили между собою не громко, но чуткое ухо его не пропускало мимо ушей ихъ слова, несмотря на то, что онъ порой занимался другимъ дѣломъ. По его наказу Ощера переряжался въ разныя платья и шныряль между народомъ, причемъ его обязанностью было не говорить, а только слушать, держась его-же заповѣди: не выпускать, а принимать.

Дѣла и даже самыя мысли князя Михаила были нанизаны передъ нимъ какъ на ниточкѣ. Отъ этого онъ и бралъ всѣ мѣры осторожности, оттого про него и говорили въ народѣ:

«Князь московскій думаетъ, да замышляетъ, нынче—другъ, завтра—врагъ, ты о чемъ только подумаешь, а онъ уже это сдѣлаетъ».

Великій князь, между тѣмъ, подписалъ грамоту и отпустилъ Богомолова.

По его уходѣ двери Думной палаты распахнулись и Іоаннъ повелѣлъ собрать полный совѣтъ народный, для выслушанія воли

его. Передъ лицомъ великаго князя предстали, кромѣ митрополита, епископовъ, братьевъ, бояръ и прочихъ думныхъ людей, окольничьи, стольники, стряпчіе, дьяки, головы, сотники, дѣти боярскія, гости, жильцы, торговые и другого сословія люди.

Думный дьякъ и печатникъ изложили имъ дѣло и потребовали ихъ мнѣнія.

Когда они замолчали въ ожиданіи отвѣта, присутствующіе единогласно воскликнули:

— Государь-надежда, возьми оружіе. Будетъ тебѣ угодно, отцу нашему, и мы пойдемъ воевать Новгородъ. Во всемъ твоя воля. Повели, и пойдемъ искать охочихъ людей сберегать твою особу и наказать ослушниковъ воли твоей.

— На начинающихъ Богъ. Да будетъ война!—торжественно произнесъ Іоаннъ.

Народный совѣтъ кончился.

Черезъ нѣсколько дней были посланы по всѣмъ городамъ московскаго княжества гонцы, или бирючи (ихъ называли также кличаями), съ грамотами, въ которыхъ объявлялось всѣмъ и каждому, кто обязывался носить оружіе, собираться въ стольный городъ Москву, чтобы оттуда вмѣстѣ выступить на враговъ.

XII.

Подъ стягъ московскаго князя.

Полки начали собираться подъ стѣнами московскими. Изъ всѣхъ мѣстъ то и дѣло приходили въ большомъ числѣ ратники: ихъ не приневоливали,—они сами шли охотно на службу Іоанна Великаго.

Въ числѣ ихъ находились жители уже присоединенныхъ въ то время московскимъ княземъ тверскихъ и новгородскихъ земель,—областей: Кашинской, Бѣжицкой, Новоторжской и другихъ.

Самъ Іоаннъ, слѣдуя обычаю предковъ, раздавалъ передъ войной милостыню бѣднымъ, дѣлалъ большіе вклады въ храмы и монастыри и молился надъ прахомъ своихъ предмѣстниковъ въ соборахъ, которые были день и ночь открыты для богомольцевъ.

Наконецъ, настало 8-е октября—день выступленія соединенной московской дружины. День былъ тихій, ясный; солнце при восходѣ яркими лучами разсѣяло волнистый туманъ и, величественно выплывши на небо, отразилось тысячами огней на куполахъ церквей и верхахъ бойницъ и башенъ кремлевскихъ.

Послышался звонъ съ колокольни Іоанна Лѣствичника, колокола другихъ церквей завторили ему, и разлился красный звонъ по всей Москвѣ, какъ въ Свѣтлую Христову ночь.

Кремль уже кипѣлъ народомъ, но толпы все прибывали: всѣ спѣшили проститься съ любимымъ княземъ, съ дружиною его, отцами, сыновьями, мужьями и внуками, отправляющимися искать ратной чести на чужбинѣ.

Звукъ гудящей мѣди не пугалъ москвитянъ. Съ веселыми лицами привѣтствовали они золотымъ огнемъ разсыпавшуюся денницу и другъ друга, какъ бы въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, обнимались, цѣловались и проливали слезы умиленія, созерцая великолѣпную и трогательную картину собиравшихся подъ развѣвающіяся знамена, какъ подъ хоругвь защиты небесной, бравыхъ веселыхъ ратниковъ.

Отъ Краснаго крыльца до Успенскаго собора народъ стоялъ въ два ряда, ожидая съ нетерпѣніемъ великаго князя, который прощался съ своей матерью, поручая юному сыну править Москвою, одѣвался въ желѣзные доспѣхи и отдавалъ распоряженія своей рати.

Распоряженія эти были слѣдующія: всей дружинѣ раздѣлиться на пять полковъ: на большой, передовой, правый, лѣвый и сторожевой или запасный; для самого же себя назначилъ отборный, чтобы въ такомъ порядкѣ выступить изъ Москвы впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

Любимая, дряхлая мать Іоанна, наконецъ, троекратно перекрестила великаго князя, повѣсила ему на шею охранительный крестъ

съ мощами, поцѣловала его и, горько заплакавъ, отпустила его.

Лишь только показался великій князь на Красное крыльцо—въ народѣ и среди войска раздался общій крикъ восторга:

— Властитель нашъ, богоизбранный государь-надежда, ты любимецъ неба и земли. Повелѣвай нами; рады умереть за тебя всѣ до единаго, рады для тебя сложить головы свои и вражескія!..

Іоаннъ привѣтливо улыбнулся и пошелъ далѣе, кланяясь во всѣ стороны.

Бояре и стража слѣдовали за нимъ.

Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ, въ праздничномъ облаченіи, съ образами Всемилостивѣйшаго Спаса, Владимірской Богоматери, писаннымъ евангелистомъ Лукою, и св. Георгія Побѣдоносца, высѣченнымъ изъ камня, съ хоругвями, величественно колыхавшимися надъ обнаженными головами толпы, плавно шелъ на встрѣчу ему при пѣніи клира: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его».

Великій князь благоговѣйно приложился къ святымъ иконамъ, низко-низко преклонился передъ владыкою Геронтіемъ, когда тотъ осѣнилъ его животворящимъ крестомъ.

— Азъ воздвигъ тя, царя правды,—говорилъ митрополитъ,—и пріяхъ тя за руку десную и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебя языцы, и крѣпость царей разрушиши, и Азъ предъ тобою иду и горы сравняю, и двери мѣдныя сокрушу, и затворы желѣзные сломлю. Тако гласитъ Господь.

Архіепископъ Виссаріонъ добавилъ, благословляя въ свою очередь Іоанна:

— Да будетъ тако! Благословеніе наше на тебѣ и на всемъ христолюбивомъ воинствѣ твоемъ. Аминь.

На далекое пространство развернулась картина собравшагося войска передъ восторженными взорами великаго князя.

Знамена его, или по тогдашнему стяги, были окроплены святою водою.

Чудную, невыразимую перомъ картину представлялъ Кремль.

День блесталъ лучезарный, ослѣпительный, несмотря на то, что на дворѣ стоялъ уже угрюмый октябрь.

Небо какъ будто-бы праздновало вмѣстѣ съ землею счастливое выступленіе русскихъ дружинъ.

Горѣвшіе подъ яркими лучами солнца кресты и куполы храмовъ, свѣтлыя кольчуги и нагрудники стройныхъ дружинъ, недвижно внимавшихъ поученія слова Господня, произнесеннаго митрополитомъ, тысячи обнаженныхъ головъ горожанъ и тысячи-же поднимавшихся рукъ для совершенія крестнаго знаменія, торжественный гулъ колоколовъ— все это очаровывало взглядъ и наполняло души присутствовавшихъ тѣмъ особеннымъ священнымъ чувствомъ благоговѣнія, которое рѣдко посѣщаетъ человѣческія души.

Это была бесѣда небесъ съ землею.

Кококольный звонъ постепенно стихалъ, на смѣну ему разливался другой: заиграли

рога, трубы, сапели *), зурны, зазвучали накры, или бубны. Кони начали ржать, ратники задвигались и стали быстро садиться на коней, бряцая оружіемъ.

Надобно замѣтить, что въ описываемое нами время было больше конницы, нежели пѣхоты, а оружіе русскихъ воиновъ состояло уже не изъ самострѣловъ, подкатныхъ туровъ, приступныхъ перевѣсовъ, быковъ, барановъ или огнестрѣльныхъ пороковъ, или зелій, и прочихъ орудій, употреблявшихся ранѣе при осадахъ, но изъ пушекъ и завѣсныхъ пищалей **), или ружей, двойныхъ колчановъ съ луками и стрѣлами, сулицы—родъ малаго копья, которымъ поражали непріятеля издали, кистеней и бердышей.

Ножи бывали также не у всѣхъ воиновъ, но мечи и копья—у каждаго.

XIII.

Выступленіе и походъ.

Великому князю подвели богато убраннаго вороного коня, покрытаго алой бархатной

---

*) Свирѣли или флейты.

**) Завѣсными онѣ назывались потому, что завѣшивались ремнемъ за плечи. Были еще затинныя пищали Затинъ—слово старинное, означаетъ—зарядъ. Затинщики—были артиллерійскіе служители, помощники пушкарей. Затинныя пищали были собственно малокалиберныя пушки; ихъ заряжали съ казенной части.

попоной, унизанной жемчугомъ и самоцвѣтными камнями. Уздечка на немъ была наборная изъ среброчеканныхъ колецъ.

Князь Василій Верейскій, сжимая острогами крутые бока своего скакуна, уже гарцовалъ передъ теремомъ княжны Маріи, племянницы великой княгини Софьи Ѳоминишны. Наличникъ шлема его былъ поднятъ, на шишакѣ развѣвались перья, а молодецкая грудь была закована въ блестящую кольчугу.

Княжна Марія, любуясь въ косящатое окно на своего суженаго, роняла на грудь блестки слезинокъ... но романъ ихъ не служитъ намъ темою: о ихъ будущемъ бракѣ говоритъ исторія.

Бояре и воеводы плотно окружили своего князя.

Всѣ еще разъ истово перекрестились на храмы, поглядѣли на кремль, вообще, каждый на свой теремъ—въ особенности и, поклонясь народу на всѣ четыре стороны, двинулись.

Скоро густыя облака пыли, поднятыя конницей, скрыли изъ виду удаляющіяся дружины; только изрѣдко мелькали вдали кольчуги, подковы лошадей, да брызгающія изъ-подъ нихъ искры.

Всѣ оставшіеся, поникнувъ головами, начали расходиться.

Столица осиротѣла.

Предки Іоанновы, воевавшіе съ новгородцами, бывали иногда побѣждаемы неудобствомъ перехода по топкимъ дорогамъ, пролегающимъ къ Новгороду, болотистымъ мѣ-

стамъ и озерамъ, окружавшимъ его, но несмотря на это, ни на позднюю осень, дружины Іоанна бодро пролагали себѣ путь, гдѣ прямо, гдѣ околицею. Порой снѣгъ заметалъ слѣды ихъ, хрустѣлъ подъ копытами лошадей, а порой, при наступленіи оттепели, трясины и болота давали себя знать, но неутомимые воины преодолѣвали препятствія и шли далѣе форсированнымъ маршемъ.

Москвитяне, раздосадованные измѣною новгородцевъ, остервенились и, казалось, считали ихъ хуже татаръ.

Все встрѣчавшееся имъ трепетало передъ ними, какъ передъ лютѣйшими врагами; по лѣсамъ, до тѣхъ поръ непроходимымъ, гнали они отнятый скотъ, везли продовольствіе и были веселы и сыты.

Отъ востока и запада неслись они ураганомъ къ озеру Ильменю.

Самъ великій князь съ отборнымъ полкомъ шелъ впереди, направляясь черезъ Торжокъ на дорогу, находящуюся между дорогою Яжелбицкою и Мстою.

Татарскій царевичъ Даніяръ, сынъ Касимовъ, и Василій Образецъ назначены были идти въ сторону отъ него по Замтѣ.

Князь Даніилъ Холмскій шелъ за Іоанномъ съ дѣтьми боярскими, владимірцами, переяславцами и костромитянами, за нимъ два боярина съ дмитровцами и коломенцами.

Съ правой стороны — князь Симеонъ Ряполовскій съ суздальцами и юрьевцами, а съ лѣвой — братъ великаго князя Андрей

Меньшой и Василій Сабуровъ съ ростовцами, ярославцами, угличанами и бѣжичанами; съ ними шелъ воевода матери великаго князя *) Семенъ Пѣшковъ съ ея дворомъ.

Между дорогами Яжелбицкою и Демонскою шли князья Александръ Васильевичъ и Борисъ Михаиловичъ Оболенскіе, первый съ калужанами, радонежцами, новоторжцами, а второй съ можайцами, волочанами, звенигородцами и ружанами (жителями города Рузы).

По самой дорогѣ Яжелбицкой шелъ бояринъ Ѳедоръ Дѣвыдовичъ съ дѣтьми боярскими двора великокняжескаго и коломенцами, а также князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій со всѣми его братьями и дѣтьми боярскими.

Передовой отрядъ великаго князя достигалъ уже Торжка и за нимъ шелъ самъ Іоаннъ Васильевичъ.

Въ Торжкѣ народъ встрѣтилъ московскаго князя искренними восторженными криками— жители Торжка любили болѣе москвитянъ, какъ своихъ одноплеменниковъ, чѣмъ литовцевъ, которыхъ они звали голыми челядинцами.

Князь Михаилъ Микулинскій — любимецъ князя тверского Михаила — сдѣлалъ Іоанну торжественную встрѣчу. Онъ сошелъ передъ нимъ съ своего коня, низко поклонился и привѣтствовалъ отъ имени своего князя,

*) У великихъ княгинь были собственные дворы, воеводы и часть войска.

приглашалъ отъ его лица въ Тверь откушать хлѣба и соли.

— Не время угощаться мнѣ,—отвѣчалъ Іоаннъ:—Не затѣмъ поднялся я въ походъ дальній, чтобы пировать пиры по дорогѣ, если-же хотите доказать пріязнь свою, то приготовьте мнѣ воиновъ, чтобы вмѣстѣ наказать намъ непокорныхъ новгородцевъ. Хочу я такъ поступать отнынѣ со всѣми открытыми и застѣнными врагами.

Микулинскій понялъ намекъ и, запинаясь, отвѣчалъ:

— Мы всегда готовы покорствовать тебѣ, князю князей: повели — представимъ тебѣ потребное число воиновъ. Мы не ослушники твоей воли...

— Знаю и тѣхъ, кто одной рукой обнимаетъ, а другой замахивается. Я жду воиновъ вашихъ къ дѣлу, которое скоро начнется,— съ удареніемъ замѣтилъ великій князь.

Князь Микулинскій молча поклонился и отошелъ въ сторону.

За нимъ представились новгородскіе послы—опасчики, прибывшіе просить у великаго князя опасныхъ грамотъ для архіепископа Ѳеофила и посадниковъ, намѣревавшихся отправиться къ нему для переговоровъ. Ихъ было трое: староста Даниславской улицы, Ѳедоръ Калитинъ, гражданинъ Житовъ и гражданинъ Мавковъ.

— Низменно бьемъ челомъ тебѣ, государю нашему! — говорили они: — Желаемъ благоденствовать многіе лѣта я просимъ унижен-

но милосердія твоего: повели дать свободный пропускъ...

Іоаннъ почти не взглянулъ на нихъ и, прервавъ ихъ просьбу, сказалъ:

— Вы сами ниже земли поступками своими, лицемѣрные люди! Въ глаза признаете меня государемъ, а заглазно не только не держите имя мое грозно, но еще всячески его поносите. Я переговорю съ вами выстрѣлами...

Онъ сдѣлалъ знакъ рукою, пословъ схватили и увели, а великій князь поѣхалъ обѣдать къ брату своему Борису Васильевичу въ Волокъ со всею свитою и княземъ Микулинскимъ.

Во время шумной и роскошной трапезы разговоръ, конечно, вертѣлся конечно на цѣли похода—Новгородѣ.

Московскіе бояре по очереди выходили, по обычаю того времени, изъ-за стола на середину гридницы и кричали:

— Пьемъ за здоровье великаго князя, всего двора его, воинства союзниковъ!

Князь Микулинскій закричалъ:

— Я пью за здоровье будущаго побѣдителя новгородцевъ!

«И тверитянъ»,—подумали многіе про себя, осушая большіе кубки.

— Будущое таится въ руцѣ Божіей,— скромно произнесъ Іоаннъ:—а лучше выпьемъ за бывшихъ побѣдителей ихъ, подивимся храбрости доблестныхъ мужей и произнесемъ имъ въ тайнѣ вѣчную память.

Хмѣль вскипятилъ кровь молодости и разо-

грѣлъ холодъ старости—языки развязались, бояре стали разговорчивѣе, смѣлѣе.

— Правду-матку сказать, государь,—воскликнулъ Ряполовскій, — ты побѣдилъ ихъ пятокъ лѣтъ тому назадъ. Честь тебѣ и слава! Но сами они тоже часто натыкались на смерть, купленную ими междоусобною сварою: она на нихъ изъ-за каждаго угла цѣлила стрѣлы свои и на твое оружіе натыкались они, какъ слѣпыя мухи на свѣчку. Стало быть, слѣдуетъ пить и за-ихъ здоровье: они и сами много помогли побѣдить себя.

— Непремѣнно,—подхватилъ Сабуровъ:—духъ междоусобій былъ для нихъ мечъ обоюдоостый; памятенъ этотъ мечъ нашимъ предкамъ.

— Но вы забыли прибавить къ числу собственныхъ ихъ язвъ острые языки литвинъ, — сказалъ Ѳедоръ Давыдовичъ:—они, какъ ножи, втыкались въ уши новгородцевъ и вели ихъ короткою дорогою на погибель.

— Кому здоровье, а имъ анаѳема, двоедушникамъ!.. Клянусь всей роднею моею, покинутой въ Москвѣ, не щадить до конца жизни это проклятое племя, если встрѣтятся они съ нами въ битвѣ за новгородцевъ, хотя-бы они налетѣли на насъ на огненныхъ драконахъ! — вскричалъ князь Даніилъ Холмскій.

— Въ Новгородѣ, говорятъ, конскій падежъ, а такъ какъ они не завелись еще воздушными конями, то навѣрно выѣдутъ

противъ насъ на коровахъ,—пошутилъ боярянъ Ощера.

На шутку его, однако, никто не откликнулся.

— Храбрымъ воинамъ здоровье, литвинамъ анаѳема!—резюмировалъ бывшій при особѣ великаго князя Назарій.

— Я заколочу тѣмъ ротъ до самой рукоятки меча моего, кто осмѣлитси тайно или явно доброжелательствовать имъ и поминать ихъ не лихомъ!—воскликнулъ князь Василій Верейскій.

Трапеза, между тѣмъ, окончилась.

Іоаннъ далъ знакъ къ походу.

Съ московскою дружиною отправился и братъ великаго князя Борисъ Васильевичъ.

XIV.

Новгородскіе перебѣжчики.

4-го ноября къ соединеннымъ московскимъ дружинникамъ присоединились тверскіе, подъ предводительствомъ князя Микулинскаго, и привезли съ собой не малое количество съѣстныхъ припасовъ.

Но воины тверскіе были плохо одѣты для ненастнаго времени и были, видно, съ разсчетомъ не завидны ни для своихъ, ни грозны для непріятеля, ни по виду, ни по лѣтамъ, ни по вооруженію.

Москвитяне смѣялись надъ ними.

— Да они, видно, у смерти на время

выпрошены,—говорили они,—и грозны столько-же для насъ, сколько и для враговъ, и тѣхъ, и насъ станутъ морить не отъ меча-кладенца, а отъ смѣха.

Іоаннъ замѣтилъ эту хитрость тверского князя, но молчалъ и былъ милостивъ къ пришедшимъ воинамъ и привѣтливъ съ ихъ предводителемъ.

Черезъ нѣсколько времени великій князь потребовалъ къ себѣ задержанныхъ опасчиковъ новгородскихъ, укорялъ ихъ въ невѣрности и, наконецъ, велѣлъ дать имъ охранныя и опасныя грамоты для пословъ и отпустилъ во-свояси.

Между тѣмъ, въ станъ его стали прибывать многіе знатные новгородцы и молили принять ихъ въ службу; иные изъ нихъ предвидѣли неминуемую гибель своего отечества, другіе-же, опасаясь злобы своихъ согражданъ, которые немилосердно гнали всѣхъ подозрѣваемыхъ въ тайныхъ связяхъ съ московскимъ княземъ, ускользнули отъ меча отечества и оградились московскимъ отъ явно грозившей ихъ смерти.

Въ числѣ прибывшихъ новгородскихъ вельможъ былъ къ удивленію всѣхъ посадникъ Кириллъ—отецъ Чурчилы.

Всѣ знали въ немъ вѣрнаго приверженца новгородской вольницы и ревностнаго защитника ея правъ.

— Какой вѣтеръ вынесъ тебя изъ дома отцовъ твоихъ и занесъ сюда? Добрый или злой?—спросилъ его великій князь.

— Тамъ потянулъ на меня злой вѣтеръ

государь, а къ тебѣ занесъ добрый, — отвѣчалъ Кириллъ:—Обида невыносимая, личная, сгибаетъ теперь главу мою предъ тобою. Прикажи, я повѣдаю ее,

— Что мнѣ до того? Тебя и всѣхъ старѣйшихъ Новгорода можно назвать дѣтьми, потому что вы играете опасностью и страшитесь бездѣлицы. Ты былъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ моихъ, и я наказую тебя милостію моего прощенія,—ласково положилъ руку Іоаннъ на плечо Кирилла.

— Истинно наказуешь,—воскликнулъ послѣдній со слезами въ голосѣ, цѣлуя руку великаго князя:—Раскаяніе гложетъ, совѣсть душитъ меня. Позволь хоть умереть за тебя.

— Хорошо старикъ,—отвѣчалъ Іоаннъ,—скоро я пошлю тебя опять домой съ ратью моею. Если ты вѣрно сослужишь мнѣ эту службу, то самъ въ себѣ успокоишь совѣсть, а если—ты понимаешь—хотя ты скроешься въ нѣдра земли, не забудь, есть Богъ между нами!

— И съ нами, государь! вездѣ присутствуетъ Духъ Его. Посылку твою приму я, какъ драгоцѣнную награду: она зажжетъ въ старикѣ пылъ молодости и укрѣпитъ мою руку. Первая голова вражеская падетъ отъ нея за Москву, вторая—за дѣтей и братьевъ твоихъ, а моя—сюда скатится, за самого тебя!..

— Ну, что вашъ Новгородъ?—спросилъ великій князь другихъ,—думаетъ-ли онъ оборонятся?

— Смотритъ-то онъ богатыремъ, госу-

дарь,—отвѣчали, они,—силится, тянется къ верху, да ноги-то его слабеньки. Погоди немного, упадетъ онъ сперва на колѣни, а тамъ скоро совсѣмъ склонится, чокнется самой головой о землю, разсыплется весь отъ меча твоего и разнесется чуть видимою пылью, такъ и слѣда его не останется, кромѣ помину молвы далекой, многолѣтней...

Эта льстивая рѣчь оказалась пророчествомъ.

Всѣхъ новгородскихъ перебѣжчиковъ, великій князь принялъ къ свою службу и милостиво одарилъ.

Достигнувъ Палины, Іоаннъ вновь устроилъ войска уже для начатія непріятельскихъ дѣйствій, ввѣривъ передовой отрядъ брату своему Андрею Меньшому и тремъ опытнѣйшимъ и храбрѣйшимъ воеводамъ, Холмскому, Ѳедору Давыдовичу, и князю Ивану Оболенскому-Стригѣ.

Распорядясь такимъ образомъ, онъ послалъ своего дьяка Григорія Волина съ записью въ Псковъ, требуя себѣ подмоги и продовольствія отъ псковитянъ.

Московскій дьякъ, прибывши въ Псковъ, увидѣлъ въ немъ почти однѣ головки, торчащіе обгорѣлые столбы, да закоптѣлыя стѣны, оставшіеся отъ недавно бывшаго въ городѣ пожара.

— Вотъ ты самъ видишь,—говорили псковитяне Волину,—какую мы помощь можемъ оказать великому князю, когда сами нуждаемся въ ней.

— Вижу,—отвѣчалъ дьякъ,—что не стѣны

ваши цѣлы, а сами вы, да намъ онѣ и не нужны, а вы сами. Что вамъ тутъ осталось дѣлать, не жаръ загребать, или начинать работать топоромъ! Лучше дѣйствовать мечемъ.

— Да мы еще льемъ слезы на пепелѣ нашихъ жилищъ!—говорили они уклончиво.

— Ужъ теперь поздно заливать ими пожарище,—отвѣчалъ онъ, и настойчиво продолжалъ требовать отъ нихъ людей и оружіе.

Псковитяне уже перешепнулись съ новгородцами, которые соблазняли ихъ соединеніемъ съ собою и разными заманчивыми выгодами, но благоразумніе взяло верхъ.

Псковитяне, понявъ, что отъ всякаго выигрыша, полученнаго ими отъ новгородцевъ, они будутъ въ проигрышѣ, собрались на вѣчѣ.

— Если мы передадится Новгороду и онъ падетъ, — говорили они между собою, — то придавитъ и насъ. Лучше не раздразнивать московскаго князя, а поскорѣе услужить ему всячески, чтобы самимъ дорого не пришлось расплачиваться.

Къ тому-же псковскій намѣстникъ, князь Василій Васильевичъ Шуйскій, настаивалъ на скорѣйшемъ исполненіи великокняжеской воли, и они, хотя со вздохомъ, но выдвинули свои пушки и самострѣлы, и набравъ сильную рать съ семью посадниками, выставили ее Шуйскому, который и поспѣшилъ съ нею къ берегамъ Ильменя, къ устью Шелони, какъ назначилъ ему великій князь.

XV.

Новгородское посольство.

23-го ноября великій князь находился уже въ Сытинѣ.

Рано утромъ, когда солнце на востокѣ, застланное зимнимъ туманомъ, только что появилось блѣднымъ шаромъ безъ лучей, и станъ московскій, издали едва замѣтный, такъ какъ бѣлыя его палатки сливались съ бѣлоснѣжной равниной, только что пробудился, со стороны Новгорода показался большой поѣздъ.

Это было посольство, съ владыкою Ѳеофиломъ во главѣ.

Подъѣхавъ къ великокняжеской палаткѣ, отличавшейся отъ другихъ своимъ размѣромъ и золотымъ шаромъ на верху, прибывшіе сняли шапки и подошли.

Остановленные стражею, они передали ей свое желаніе видѣть великаго князя и говорить съ нимъ.

Десятникъ стражи доложилъ объ этомъ ближнимъ боярамъ великокняжескимъ, а послѣдніе ему самому.

Но онъ уже слышалъ голоса прибывшихъ и вышелъ къ нимъ.

Посольство состояло изъ многихъ людинъ всякаго чина въ богатыхъ собольихъ шубахъ нараспашку, изъ-за которыхъ виднѣлись кожухи, крытые золотой парчей.

Архіепископъ Ѳеофилъ смиренно стоялъ впереди и низко поклонился великому князю. Его примѣру послѣдовали и другіе.

— Государь и великій князь! — началъ Ѳеофилъ,—я, богомолецъ твой, со священными семи соборовъ и съ другими людинами, молимъ тебя утушить гнѣвъ, который ты возложилъ на отчину твою. Огонь и мечъ твой ходятъ по землѣ нашей, не попусти гибнуть рабамъ твоимъ подъ зельемъ ихъ.

Другіе обратились къ нему съ просьбою о дарованіи свободы закованнымъ въ московскія цѣпи новгородскимъ боярамъ.

— Они сами сковали ихъ на себя! — сурово отвѣчалъ Іоаннъ и, не продолжая съ ними разговора, пригласилъ ихъ, однако, къ себѣ на трапезу.

Во время послѣдней великій князь посылалъ боярамъ кушанье въ разсылку, а новгородцамъ особенно и, кромѣ того, хлѣбъ, въ знакъ милости, по обычаю того времени, а Ѳеофилу—соль, въ знакъ любви.

Ендовы переварнаго меда возвышались на столѣ для всѣхъ, а владыку новгородскаго Іоаннъ угощалъ изъ собственнаго поставца.

Всѣ были обворожены его обхожденіемъ и не знали какъ изъявить ему свою преданность.

— Если-бы зависѣло отъ одного меня отдать тебѣ городъ, государь, — сказалъ Ѳеофилъ,—я-бы устроилъ это скорѣе, чѣмъ подумалъ.

— Вѣрю,—отвѣчалъ Іоаннъ:—Но мнѣ желательно знать, какъ приняли новгородцы

мою запись, отправленную къ нимъ еще изъ Москвы? Что придумали и что присудили думныя головы отвѣчать на нее? За миръ или за мечъ взялись они?..

Ѳеофилъ молчалъ, уныло опустивъ голову. Великій князь понялъ и тоже замолчалъ. Разговоръ сдѣлался общій между боярами.

— Скоро, чай, вы будете постничать: городъ вашъ со всѣхъ сторонъ обложимъ ратью нашей такъ, что и птица безъ спроса не посмѣетъ пролетѣть въ него, — говорилъ одинъ изъ московскихъ бояръ новгородскому сановнику.

— Если не птицы, такъ стрѣлы наши станутъ летать въ нимъ разсыпнымъ дождемъ!—замѣтилъ другой.

— Что-жъ, въ такомъ случаѣ вамъ придется взять городъ порожній!—спокойно отвѣчалъ новгородецъ.

— Это значитъ, вы всѣ хотите помереть голодною смертью?

— Намъ некогда будетъ думать объ яствахъ, сидя на стѣнахъ и на бойницахъ!

— Имъ голоднымъ-то еще легче будетъ перескакивать черезъ стѣны, чтобы отбивать насъ отъ нихъ! — послышалось замѣчаніе.

— А я думаю, напротивъ: тощіе-то они не перешагнутъ и черезъ подворотню домовъ своихъ, не только что черезъ стѣны... Да и для насъ будетъ лучше, такъ какъ не ловко мѣтиться въ тѣни, — возразилъ другой бояринъ.

— Зато мы не будемъ промахиваться въ

смѣльчаковъ московскихъ; наши огнеметы добрые; только подходите погрѣться къ нимъ; какъ шаркнутъ, на всѣхъ достанетъ,—замѣтилъ новгородецъ.

— Не такъ-ли, какъ лѣтъ пятокъ тому назадъ, когда огнеметы ваши сами прохлаждались въ озерѣ? — спросилъ его Ряполовскій.

— Тогда были измѣнники среди насъ; ихъ вы осыпали золотомъ, а теперь они засыпаны землей,—съ торжественною язвительностью отвѣчалъ новгородецъ.

— И теперь они есть, только, хвала Создателю, не между нами,—замѣтилъ другой, и обвелъ взглядомъ обширный столъ, но Назарія и Захарія не было въ палаткѣ великокняжеской.

Трапеза кончилась.

Іоаннъ, выходя изъ палатки, подозвалъ къ себѣ князя, Ивана Юрьевича и поручилъ ему говорить за себя съ посольствомъ.

— Чего вы хотите отъ государя моего, чтимые мужи новгородскіе?—спросилъ онъ его.

— Князь! Одна наша просьба до него и васъ: уймите мечи свои. За что ссориться намъ и что дѣлить единокровнымъ сынамъ Руси православной? — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Челобитье наше передъ государемъ!— заговорилъ другой: — Прими насъ въ милость свою, мужей вольныхъ, а тамъ пусть будетъ то, что Богъ положитъ ему на сердце; воля его, терпѣнье наше, а претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ

— Милость и казнь въ его власти,—отвѣ-

чалъ имъ князь Иванъ: — ни то, ни другое не обойдетъ васъ. Покоритесь и примите его въ врата градскія, какъ единственнаго законодателя вашего.

— Мы дозволимъ ему дѣлить власть въ вѣчемъ,—заявили новгородцы,—только оставь онъ намъ чтимое мѣсто, завѣщанное намъ и всѣмъ потомкамъ нашимъ отъ дѣдовъ и отцовъ...

— Пожалуй, обратите вашъ колоколъ въ тронъ, и возсядетъ на немъ князь нашъ, и ночнетъ править вами мудро и законно, и хотя не попуститъ ни чьей вины предъ собою, зато и не дастъ въ обиду врагамъ. Скажите это землякамъ вашимъ — и мечъ нашъ въ ножнахъ, а кубокъ въ рукахъ— сказалъ Иванъ.

— За что гнѣвъ его поднялся надъ главами вашими, какъ гроза небесная? Развѣ мы не чествовали имя его грозно? Развѣ не ломились подъ нашими богатыми дарами золотыя блюда, когда мы подносили ихъ его чести? Развѣ не низко клонили мы головы свои и самому ему, и вамъ, господамъ честнымъ? Примите насъ въ милости свои. Попуталъ насъ прежде враждебный духъ Литвы, но нынѣ не поддадимся ему! На васъ вся надежда наша; не обойдите насъ зеступленіями своими: замолвите за насъ словцо у князя великаго, и благодарность наша къ вамъ будетъ не малая,—упрашивали князя Ивана новгородцы.

Въ разговоръ вмѣшался бояринъ Ѳедоръ Давыдовичъ:

— Однако, Литва-то оставила въ васъ не добрыя сѣмена свои,—сѣмена лжи и непризнательности. Не вы-ли прислали сановника Назарія и вѣчевого дьяка Захарія назвать князя нашего государемъ своимъ и послѣ отреклись отъ собственныхъ словъ своихъ? Не вы-ли окропили площади своего города кровью мужей знаменитыхъ, которыхъ чтилъ самъ Іоаннъ Васильевичъ? Не вы-ли думали снова предаться литвинамъ... Теперь раздѣлывайтесь-же съ оружіемъ нашимъ, или сложите подъ него добровольно свои выи, одно это спасетъ васъ.

Князь Иванъ добавилъ въ заключеніе.

— Долго терпѣлъ князь нашъ нестерпимое, но теперь обнажилъ мечъ свой по слову Господню: «Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, обличи его наединѣ, аще не послушаетъ,—поими съ собой два или три свидѣтеля, аще-же тѣхъ не послушаетъ, повѣждь церкви, аще-же церкви не радѣть станетъ, будетъ тебѣ яко язычникъ и мытарь». «Уймитесь и буду васъ жаловать», писалъ вамъ великій князь,—но вы не правымъ ухомъ слушали слово его, и милость его прекратилась къ вамъ. Заключенныхъ горожанъ также не освободитъ великій князь, такъ какъ вы сами прежде жаловались на нихъ, какъ на беззаконныхъ грабителей отчизны вашей. Ты самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ истцовъ, и ты, Григорій Кипріяновъ, отъ лица Никитиной улицы,—продолжалъ князь

Иванъ, обращаясь то къ тому то къ другому:—Мои уста произносатъ слова великаго князя. Буде хотите образумиться, вамъ условія вѣдомы, а то мечъ помиритъ насъ, хотя и не онъ поссорилъ.

Съ поникшими головами слушали новгородцы увѣщанія московскихъ воеводъ и, сказавъ, что они сами ничего рѣшить не могусъ, вышли изъ палатки и немедленно отправились во-свояси, подъ охраной великокняжескаго пристава отъ далеко не мирно настроенныхъ противъ нихъ московскихъ дружинъ.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда двинулись и московскіе дружины къ Городищу для занятія монастырей, чтобы новгородцы не выжгли ихъ.

Воины смѣло вступили на ледъ озера Ильменя.

— Настало время послужить государю! За насъ правда и Богъ Вседержитель!—говорили они.

XVI.

Передъ осадой.

Возвратомся на время въ Новгородъ, дорогой читатель, и посмотримъ, что дѣлалось тамъ во время похода Іоаннова.

Вѣчевой колоколъ гудѣлъ чуть не ежедневно, и на дворищѣ Ярославовомъ собира-

лись посадники и старосты всѣхъ улицъ въ ожиданіи отвѣта Іоанна на запись ихъ.

Архіепископъ Ѳеофилъ былъ неусыпнымъ блюстителемъ тишины и спокойствія, несмотря на то, что Мареа съ тысяцкимъ Есиповымъ и съ литовскою челядью всегда успѣвала перекричать даже вѣчевой колоколъ.

Ворота чуднаго дома Борецкой были широко отворены не только для клевретовъ ея, но даже для нищей братіи, для всѣхъ, кто желалъ утолить свой голодъ и жажду.

Служители Мареы, кромѣ того, щедрою рукою разсыпали монеты толпившемуся на дворѣ народу и послѣдній, подъ вліяніеиъ хмѣля, оглашалъ воздухъ восторженными въ честь щедрой хозяйки криками.

Борецкая окруженная всегда толпой своихъ приверженцевъ, осушавшихъ безчисленные кубки, съ восторгомъ прислушивалась къ этимъ крикамъ.

Она владѣла несмѣтными, непрожитными богатствами и, лишившись своихъ сыновей, видя свою темную одинокую будущность, не знала кому передать свои сокровища, а потому, всецѣло отдавшись честолюбію, рѣшилась купить ими историческую славу.

Она достигла этого, хотя слава ея печальна.

Наконецъ, ожиданія посадниковъ и старостъ кончились. Родіонъ Богомоловъ прибылъ въ Новгородъ съ отвѣтною грамотой отъ московскаго князя и проѣхалъ прямо на вѣче.

Народъ повалилъ туда со всѣхъ сторонъ, столпился на дворищѣ Ярославовомъ и сталъ неистовыми криками требовать скорѣйшаго прочтенія грамотъ.

Новоизбранный дьякъ вѣча, испросивъ благословенія у владыки Ѳеофила, поклонился во всѣ стороны, поднялъ вверхъ руку и замахалъ бумагой надъ шумѣвшей толпой.

Чтобы показать собою примѣръ уваженія къ московскому князю, Ѳеофилъ снялъ свой клобукъ и, наклонивъ голову, почтительно и внимательно слушалъ запись, но когда дѣло дошло до складной грамоты, лицо его поблѣднѣло, какъ саванъ, посадники невольно вздрогнули, а народъ, объятый нѣмымъ ужасомъ, не вдругъ пришелъ въ себя.

Мароа Борецкая, значительно переглянувшись съ своими, первая вскочила съ своего мѣста:

— Ну, что скажете вы теперь, совѣтные мужи Новгорода Великаго? Прячьтесь скорѣй въ подпольныя норы домовъ своихъ, или несите Іоанну на золотомъ блюдѣ серебряныя головы чтимыхъ старцевъ, защитниковъ родины. Исполнились слова мои: опустились ваши руки. Кто-же изъ васъ будетъ Іудой-предателемъ? Спѣшите, пока всѣ не задохлись еще совѣстью, пока гнѣвъ Божій не разразился надъ вами смертными стрѣлами.

— Напрасно ты насъ упрекаешь, боярыня, въ такихъ зазорливыхъ дѣлахъ. Пусть вражескій мечъ выточитъ жизнь мою, а я все-таки останусь сыномъ, а не пасынкомъ

моего отечества! — возразилъ ей тысяцкій Есиповъ.

— Честь тебѣ и слава!—отвѣчала Мароа:— Все равно умереть: со стѣны-ли родной скатится голова твоя и отлетитъ рука, поднимающая мечъ на врага, или смерть застанетъ притаившагося. Имя твое останется незапятнаннымъ чернымъ пятномъ позора на скрижаляхъ вѣчности... А посадники наши, ужъ я вижу, робко озираются, какъ будто-бы ищутъ безопаснаго мѣста, гдѣ-бы скрыть себя и похоронить свою честь...

— Боярыня!—воскликнулъ гнѣвно посадникъ Кириллъ, предупредивъ своихъ товарищей,—честь такая монета, которая не при тебѣ чеканилась, стало быть не тебѣ и говорить о ней. Теперь однимъ мужамъ пристало держать совѣтъ о дѣлахъ отчизны, а словоотливые языки женъ — тупые мечи для нея...

Борецкая вздрогнула, но не вдругъ отвѣтила, стараясь подавить свое волненіе.

— Давно замѣчала я, но теперь ясно вижу, въ кого мѣтятъ стрѣлы твои, Кириллъ. Черный языкъ твой хочетъ закоптить и меня, чтобы униженіемъ моимъ лишить Новгородъ всякой опоры. Ты давнишній навѣтникъ Іоанна московскаго, ты достоинъ награды измѣнниковъ Упадыша, Василія Никифорова и другихъ злоумышленниковъ противъ отчизны нашей... Кто изъ васъ сохраняетъ еще любовь къ бѣдной родинѣ нашей,—

обратилась она ко всему собранію, возвышая голосъ и окидывая всѣхъ вызывающимъ взглядомъ:—Допытайте этого вевѣрнаго раба остріемъ меча вашего и вышвырните имъ изъ него змѣю—душу его, а то ядъ ея привьется и къ вамъ.

Кириллъ вспыхнулъ.

— Славь Бога,—крикнулъ онъ ей, скрежеща зубами отъ ярости,—что ты далеко каркаешь отъ меня и руки мои не достигнуть тебя, гордись и тѣмъ, что дозволяетъ честное собраніе наше осквернять тебѣ это священное мѣсто, съ котораго справедливая судьба скоро закинетъ тебя прямо на костеръ. Товарищи и братіи мои, взгляните на эту гордую бабу. Кто окружаетъ ее?.. Пришлецы, иноземцы, еретики... Кто внимаетъ ей? Подкупные шатуны, соръ нашего отечества.

— Заклепите его въ кандалы и швырните на разщипку копій и мечей!—кричала въ свою очередь Мареа, задыхаясь отъ злобы, своимъ челядинцамъ.

Ея крикъ былъ-бы исполненъ, если-бы народъ не уважалъ этого посадника, не разъ доказывавшаго ревностную приверженность къ отечеству.

Мареа, увидя, что слова ея не оказываютъ дѣйствія, умолкла.

Замолчалъ и Кириллъ.

— Что намъ теперь дѣлать и съ чего начать?—спросилъ тысяцкій Есиповъ.

Ѳеофилъ, сидѣвшій до сихъ поръ съ поникшею головою, поднялъ ее и проговорилъ:

— Сами виноваты вы; великій князь вправѣ обрушить на головы ваши мстящую десницу свою; смиритесь и дастся вамъ отпущеніе вины.

— Нѣтъ, владыко, твое дѣло молиться о насъ, а не останавливать оружіе наше.— возразили ему:—Іоаннъ ненасытимъ, и мечъ его голоденъ, да москвитяне зачванились ужъ больно: мы-ли не мы-ли! кто устоитъ противъ насъ? Посмотримъ: чья возьметъ. Мы сами охотники до вражеской крови! Если не станемъ долго драться, то отвыкнемъ и мечемъ владѣть.

Болѣе благоразумные и разсудительмые говорили:

— Словами и комара не убьете! Гдѣ намъ взять народа противъ сплошной московской рати? Развѣ изъ снѣга накопаемъ его? У московскаго князя больше людей, чѣмъ у насъ стрѣлъ. На него намъ идти все равно, что безногому лѣзть за гнѣздомъ орлинымъ. Лучше поклониться ему пониже.

— Да онъ и сожнетъ наши головы, какъ снопья сниметъ! Кланяться ему все ровно, что вкладывать въ волчью пасть пальцы! Лучше-же съ него шапки скинуть!—кричалъ народъ, подстрекаемый клеретами Мареы, и перекричалъ разумныхъ.

Запись московскую истоптали ногами.

По сборѣ голосовъ большинство оказалось за войну.

Тотчасъ начались быстрыя приготовленія, Мареа торжествовала.

Народъ вооружался, поголовныя дружины

набирались изъ разночинщины: плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ одѣвали въ доспѣхи волею и неволею и выставляли на стѣны.

Чужеземцамъ, промышляющимъ торговлею въ городѣ, дозволяли выѣхать. И потянулись обозы во всѣ ворота городскія съ товарами во Псковъ; но многіе остались на старыхъ гнѣздахъ, надѣясь на милосердіе Іоанна.

Рѣка Волховъ запрудилась многочисленными судами, съ развѣвающимися цвѣтными флагами,—ими хотѣли загородить рѣку,—и по берегамъ ея вытянулись двѣ высокія деревянныя стѣны, за которыми и на которыхъ дѣлали укрѣпленія.

Весь городъ день и ночь былъ на ногахъ: рыли рвы и проводили валы около крѣпостей и острожекъ; разставляли по нимъ бдительные караулы; пробовали острія своихъ мечей на головахъ подозрительныхъ гражданъ и, наконецъ, выбравъ главнымъ воеводою князя Гребенку-Шуйскаго, клали руки на окровавленные мечи и крестились на соборную церковь св. Софіи, произнося страшныя клятвы быть единодушными защитниками своей отчизны.

Въ спискѣ жертвъ, обреченныхъ на смерть имя посадника Кириллы стояло первымъ, я потому друзья его упросили разобиженнаго и несговорчиваго старика, соединясь съ другими, недовольными правленіемъ, выбраться изъ Новгорода и явиться къ Іоанну, что, какъ мы видѣли, онъ и сдѣлалъ.

Авхіепископъ Ѳеофилъ съ священниками семи церквей и съ прочими сановными мужами, поѣхали на поклонъ и просьбу къ великому князю по общему приговору народа, но когда посольство это вернулось назадъ безъ успѣха, волненія въ городѣ еще болѣе усилились.

XVII.

Воронъ ворону глаза не выклюетъ.

Въ окружавшихъ замокъ Гельмстъ лѣсахъ разъѣзжали рейтары фонъ-Ферзена, наблюная за появленіемъ русскихъ дружинниковъ.

Вечерѣло.

Рейтары, передъ возвращеніемъ своимъ въ замокъ, расположились отдохнуть на полянѣ, граничащей съ небольшой, но глубокой, уж начинающей замерзать рѣкой.

Начальствовалъ надъ рейтарами знакомый намъ кривой Гриммъ.

Невдалекѣ отъ прочихъ сѣлъ онъ на голую скалу, глядѣвшуюся въ воду.

На скалѣ противоположной горы все болѣе и болѣе сгущались вечернія краски. Наступила та невозмутимая тишина природы, спутница ночи, которая на такихъ негодяевъ, какъ Гриммъ, производитъ гнетущее впечатлѣніе, давая миръ и отраду людямъ лишь съ чистымъ сердцемъ и спокойною совѣстью.

Черныя думы витали надъ головой привратника замка Гельмстъ: надо было скоро

приводить, такъ или иначе, въ исполненіе свои гнусные замыслы.

Вдругъ до его ушей донесся подозрительный шорохъ.

Гриммъ оглянулся пугливо, какъ оглядываются только преступники. Какая-то черная тѣнь кралась между нимъ и отдыхавшими рейтарами, вотъ она ближе, это человѣкъ, онъ крадется и вдругъ останавливается противъ него.

— Кто идетъ?—крикнулъ среди тишины сторожевой рейтаръ и прицѣлился въ пришельца.

Этотъ крикъ освободилъ душу Гримма отъ обуявшаго было его паническаго страха—какъ всѣ негодяи, онъ былъ трусомъ,

Онъ быстро вскочилъ и спустился къ незнакомцу. Глаза послѣдняго блестѣли зеленымъ огнемъ среди ночного мрака.

Гриммъ невольно отступилъ.

— Кто идетъ?.. Стой! Ни съ мѣста!—раздались крики и нѣсколько человѣкъ съ угрожающимъ видомъ бросились на пришельца.

— Русскій, но не врагъ вашъ.—отвѣчалъ незнакомецъ.

— А! Вотъ кстати..: это соглядатай... Видно, шея у него соскучилась по петлѣ, коли самъ сунулся въ наши руки, — закричали рейтары.

— Нѣтъ, прежде допросимъ, выпытаемъ, вымучимъ у него признаніе: далеко-ли земляки его, сколько ихъ, на кого они думаютъ напасть,—прервалъ Гриммъ.

— Ну, говори-же все на чистоту, русскій

баранъ, а то сразу душу вышибемъ, — продолжалъ онъ, схватя незнакомца за грудь и тряся изо всей силы.

— Кто-бы вы не были, дворяне Божьи: благородные рыцари ливонскіе, или ихъ вѣрные слуги, выслушайте меня терпѣливо. Я самъ пришелъ отдаться вамъ въ руки, за что-же вы озарничаете?

— Вонъ еще кто-то скачетъ? Загородите дорогу, снимите его съ лошади копьемъ. Двое въ рядъ протянитесь цѣпью! Самъ попадется въ силки! Только этотъ, кажется, не хочетъ самъ отдаться въ наши руки,—распорядился Гриммъ.

Не успѣлъ онъ договорить послѣднихъ словъ, какъ ловкій всадникъ успѣлъ уже увернуться отъ брошеннаго въ него метательнаго копья и такъ сильно ударилъ напавшаго на него рейтара тупымъ концомъ своего копья, что тотъ упалъ навзничъ и лежалъ неподвижно, такъ какъ желѣзные доспѣхи мѣшали ему подняться.

— Стой! Стой! Развѣ вы не видите, что это нашъ? — закричалъ торопливо Гриммъ на своихъ, которые прикрывшись щитами, начали было наступать на отважнаго всадника.

— Кой чортъ, на яву, или во снѣ я вижу васъ, благородный рыцарь? Поднимите наличникъ, чтобы я болѣе увѣрился. По осанкѣ, вооруженію и сильной рукѣ я узналъ васъ: еще одна минута—и не досчитались-бы многихъ изъ защитниковъ моего господина.

— Не тебѣ, кривому сычу, съ подобными

тебѣ бродягами мочить разбойничьи мечи рыцарскою кровью?—сказалъ гордо всадникъ, подникая наличникъ своего шлема, и лучъ луны, выглянувшій изъ-за облака, отразился на его блестящихъ латахъ и мужественномъ лицѣ.

Рейтары узнали Бернгарда.

— Не гнѣвайтесь, благородный рыцарь, что кривой сычъ узналъ прямого, — язвительно замѣтилъ Гриммъ.

— Не прогнѣвайся и ты, если кстати будешь нѣмой. Жаль только, что языкъ твой еще надобенъ мнѣ. Не видалъ-ли ты Гритлиха?

— Когда?

— Конечно, не вчера... Тогда еще ты былъ недалеко отъ него и твое ядовитое дыханіе жгло благороднаго юношу, но теперь, недавно, не нагоняли-ли вы его въ окрестностяхъ замка? Смотри, продажная душа, говори прямо. Не сложили-ли вы трупъ его уже въ ближайшій оврагъ, или мой мечъ допроситъ тебя лучше меня.

Властный голосъ разсерженнаго рыцаря невольно подѣйствовалъ на трусливаго, но хитраго Гримма.

Онъ было оробѣлъ, но тотчасъ-же сообразилъ, какъ искуснѣе отдѣлаться отъ допроса. Онъ понялъ, что Бернгардъ розыскиваетъ Гритлиха, чтобы подъ своей охраной препроводить его назадъ въ замокъ. Это не входило въ разсчеты подлаго слуги не менѣе подлаго господина.

— Ни теперь, ни недавно не видалъ, но

утромъ, когда мы только что выѣхали дозорить русскихъ, онъ попался мнѣ на встрѣчу, и, когда я спросилъ его о причинѣ его удаленія изъ замка, онъ сказалъ, что это дѣлается имъ по приказанію нашего господина, поэтому я и не посмѣлъ остановить его,— безъ запинки совралъ Гриммъ: — Однако,— продолжалъ онъ, понизивъ голосъ до шепота,—онъ признался мнѣ, что идетъ розыскивать своихъ земляковъ. Какими запорами не замыкай коня, онъ все рвется на свободу, а только пусти его разыграться—и хозяина не пощадитъ: копытъ своихъ не пожалѣетъ на него... Повѣрьте, благородный рыцарь, теперь его не догонишь, да и не стоитъ онъ вашего безпокойства.

Бернгардъ молчалъ, пристально глядя на Гримма, какъ-бы взвѣшивая каждое его слово.

— Воротитесь-ка,—съ удареніемъ добавилъ послѣдній, — вы уже помыкались, довольно порыскали день-деньской, а моя молодая госпожа, чай, соскучилась безъ васъ.... Поѣзжайте-ка утѣшить ее.

При этихъ словахъ несчастный отвергнутый юноша вздрогнулъ, судорожно стиснувъ рукоять своего меча и тихо произнесъ:

— Ты кривишь своими устами!

Гриммъ уже готовъ былъ разразиться страшными клятвами, какъ вдругъ пойманный незнакомецъ смекнувъ, что ему надо поддержать начальника рейтаровъ, заговорилъ:

— Точно, я самъ видѣлъ новаго пришельца въ нашу службу изъ замка Гельмстъ...

— Это кто?—прервалъ его Бернгардъ

— Это плѣнникъ русскій, мы допрашиваемъ его,—отвѣчалъ Гриммъ.

— Ты самъ плѣнникъ золота, и, я думаю, нашелъ уже выкупъ его жизни въ его-же карманахъ. Допросите-ка его при мнѣ, теперь-же!—повелительно сказалъ рыцарь.

— Я уже слышалъ, что вамъ, нужно!—отвѣчалъ захваченный: — Если не вѣрите, что я охотно предаюсь вамъ, то обезоружьте меня: вотъ мой мечъ,—говорилъ онъ, срывая его съ цѣпи и бросая подъ ноги лошади Бернгарда:—А вотъ еще и ножъ, — продолжалъ онъ, вытаскивая изъ-подъ полы своего распахнутаго кожуха длинный двуострый ножъ съ четвероростороннимъ клинкомъ:—Имъ не давалъ я никогда промаха и сколько жизней повыхватилъ у враговъ своихъ—не перечтешь. Теперь я весь на-голо.

— А это что мотается у тебя?—спросилъ одинъ рейтаръ, показывая на грудь.

— Это ладонка съ зельемъ, — отвѣтилъ плѣнникъ:—А почему теперь я весь отдаюсь вамъ, когда узнаете, то еще болѣе увѣритесь во мнѣ. Собирайтесь большой дружиной, я поведу васъ на земляковъ. Теперь у нихъ дѣло въ самомъ разгарѣ, берутъ они на повалъ замки ваши, кормятъ ими русскій огонь; а замокъ Гельмстъ у нихъ всегда, какъ бѣльмо на глазу, только и рѣчей, что про него. Спѣшите, разговаривать некогда. Собирайтесь скорѣй, да пріударимъ... Я говорю,

что поведу васъ прямо на нихъ или-же срубите мнѣ съ плечъ голову.

— А гдѣ русскіе?—спросилъ его Бернгардъ

— За рѣкой, влѣво, недалеко отъ лѣса..

— Знаю, знаю... Все-ли ты кончилъ?

— Все, какъ передъ Богомъ, все... Ничего не утаилъ...

— Довольно. Теперь ты болѣе не нуженъ, Прицѣпите его къ осинѣ, или къ нему самому привѣсьте камень потяжелѣе: ходчѣе пойдетъ въ воду, не запнется... Повторяю, теперь онъ болѣе ни на что не нуженъ, какъ лукъ безъ тетивы. Кто измѣнилъ своимъ, тому ничего не стоитъ продать и насъ за что ни попало...

Сказавъ это, Бернгардъ поворотилъ коня своего, пришпорилъ его и быстро помчался обратно, по направленію къ замку.

— Снимай-ка ладонку свою. Вотъ это будетъ повыгоднѣе: дольше не износится,—сказалъ рейтаръ Штейнъ плѣннику, подходя къ нему съ узловатой веревкой, на которой былъ прицѣпленъ огромный тяжелый камень.

Незнакомецъ дико и злобно сверкнулъ глазами.

Гриммъ попробовалъ было вступиться за него, помня его услугу передъ рыцаремъ, но рейтары не соглашались оставить въ живыхъ плѣнника, только случай неожиданно избавилъ его отъ смерти.

Вдругъ ближній лѣсъ и вся поляна освѣтились яркимъ заревомъ.

— Это наши работаютъ, сами на себя накликаютъ,—проговорилъ незнакомецъ...

Зарево озарило его лицо.

— Ахъ, это ты Павелъ,—вдругъ вскричалъ Штейнъ:—узнаешь-ли ты меня, котораго проворствомъ своимъ и смѣтливостью избавилъ отъ русскихъ у рѣки... Товарищи, а мы хотѣли убить его! Да я-бы отсѣкъ себѣ руку, если-бы она поднялась на него!

Вмѣсто смерти, плѣннику предложили принять участіе въ общей попойкѣ, во время которой онъ особенно сошелся съ Гриммомъ.

Затѣмъ всѣ потянулись къ замку

Ихъ путь освѣщало все увеличивающееся зарево.

XVIII.

Спасеніе Гритлиха.

Зарево пало-по-малу потухало. Небо очистилось отъ облаковъ. Ночь вступила въ свои права. Луна и звѣзды ярко заблистали на темносинемъ небосклонѣ.

По вьющейся змѣей лѣсной дорожкѣ шелъ усталый Гритлихъ. Уже болѣе сутокъ бродилъ онъ по лѣсу безъ пищи и питья, измученный, изнуренный, но не голодъ, не жажда томила его, а разлука съ Эммой. Онъ былъ одинокъ: только луна провожала его, да верхушки деревьевъ, мѣрно качаясь, какъ-бы привѣтствовали его при встрѣчѣ.

Кругомъ царствовала томительная тишина, нарушаемая лишь однообразнымъ жур-

чальемъ горнаго ручья, пробиравшагося между скалъ, и гуломъ вѣтра.

Наконецъ, Гритлихъ остановился, видимо, не будучи въ состояніи идти далѣе, выбралъ себѣ отлогое мѣсто, окутался суровымъ плащемъ своимъ и заснулъ, убаюканный однообразными звуками природы.

Вскорѣ въ лѣсу послышался топотъ копытъ скачущихъ лошадей и смѣшанный людской говоръ, но крѣпко заснувшій Гритлихъ, къ счастью, не слыхалъ ничего.

Луна межеу тѣмъ скрылась за надвинувшеюся на нее тучею, и пушистый снѣгъ хлопьями повалилъ на землю. Быстро засыпалъ онъ спавшаго Гритлиха, такъ что его едва можно было примѣтить на землѣ.

Прибывшіе всадники, плутавшіе долго по лѣсу, расположились отдохнуть невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ сномъ непорочной юности покоился преслѣдуемый ими юноша.

Они сняли съ головъ своихъ грузные шлемы, покрытые снѣгомъ, стряхнули свои латы и оружіе и, собравшись въ кучу, принялись опоражнивать свои дорожныя фляги, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ своего господина.

— Куда это чортъ спряталъ русскаго бродягу?—замѣтилъ одинъ изъ рейтаровъ Доннершварца.

— Туда,—отвѣчалъ другой,—гдѣ намъ не найти его. Да и зачѣмъ искать, назадъ не воротили-бы. Прихлопнуть-бы его на мѣстѣ, какъ комара, вотъ и все тутъ! И руки не обмочили-бы въ крови...

— Фрицъ никогда не промахнется. Онъ и иглу уколетъ и ножны зарѣжетъ,—промолвилъ третій.

— Да ты и самъ живая петля!—возразилъ Фрицъ:—для тебя убить человѣка, все равно, что орѣхъ щелкнуть.

— Что тутъ считаться,—сказалъ четвертый:—Никто изъ нашей братіи, ливонцевъ, сколько ни колотилъ враговъ, оскомины на рукахъ не набилъ. Но меня что-то все сильнѣе и сильнѣе пробираетъ дрожь. Разведемте-ка огонь, веселѣе пить будетъ.

— Ахъ, ты, зябликъ!—замѣтилъ, смѣясь, Фрицъ; — Завернись въ волчью шкуру, да глотни еще изъ фляги. Душа мѣра! пей сколько хочешь! Вѣдь мы сегодня не мало отбили вина, которое везли въ замокъ гроссмейстера для угощенія его гостей.

— Нѣтъ, пить вино въ потемкахъ, что проку,—сказалъ прозябшій и чиркнулъ по острію своего меча кремнемъ; искры посыпались на подставленный трутъ.

Прочіе побрели отрывать изъ подъ снѣга хворостъ.

Костеръ вскорѣ запылалъ.

— Карлъ правду сказалъ,—послышалось замѣчаніе:—при огнѣ пить повднѣе. Вѣдь какъ душа-то разгорѣлась, теперь-бы и рука славно-бы расходилась...

— Подбавьте-ка, подбавьте! - слы пались возгласы.

— Чего: вина изъ фляги, или хвороста въ огонь?

— И того и другого...

огонь на самомъ дѣлѣ сталъ было потухать, и мокрый хворостъ только потрескивалъ и дымился.

Хворосту кое-какъ нашли и подбросили.

Попойка продолжалась.

— Токарищи, хотите я разниму эту колоду на дрова!—воскликнулъ заплетающимся языкомъ Фрицъ и указалъ рукой на спавшаго, засыпаннаго снѣгомъ Гритлиха.

— Самъ ты колода,—замѣтилъ Карлъ:— Это, должно быть, зарѣзанный человѣкъ...

— Врете, вы оба пьяны, стало быть, не разглядите,—замѣтилъ одинъ изъ рейтаровъ, самъ насилу держась на ногахъ:—Это не колода и не зарѣзанный человѣкъ, а звѣрь. Дайте-ка, я попробую его копьемъ; коли подастъ голосъ, мы узнаемъ, что это такое.

Копье сверкнуло, но владѣвшій имъ, когда сталъ направлять свой ударъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ, при громкомъ хохотѣ товарищей.

«И волосъ съ головы твоей не погибнетъ безъ Его произволенія», — говоритъ святое писаніе.

Это исполнилось надъ беззащитнымъ юношей.

По лѣсу вдругъ раздались призывные возгласы.

— Сюда, сюда, братцы! Сметайте съ нихъ головы мечами, какъ вѣниками.

Пьяные рейтары были застигнуты врасплохъ.

Русскіе, тоже дозорившіе своихъ враговъ, замѣтя огонь и отправившись на него, до-

брались до пирующихъ, разсмотрѣли ихъ число, медленно подкрались къ нимъ, захватили почти все покинутое ими оружіе и, быстро окруживши ихъ со всѣхъ сторонъ, начали кровавую сѣчу, заглушая шумомъ ударовъ вопли умирающихъ о пощадѣ.

Въ тѣ суровыя времена битвы были жестоки—брать въ плѣнъ не было въ обычаѣ.

Скоро снѣгъ, орошенный кровью, заалѣлъ и земля покрылась трупами.

— Четверо нашихъ и всѣ десять нѣмчиновъ пали!—сказалъ одинъ русскій воинъ Ивану Пропалому, разсматривая тѣла убитыхъ.

— А вотъ еще живой!—добавилъ подошедшій другой воинъ, таща за собою полуживого рейтара:—Онъ хотѣлъ было улизнуть, да я зашибъ его.

Съ этими словами онъ приставилъ мечъ къ груди рейтара.

Иванъ остановилъ его:

— Оставь его, надо его допросить, а то мы и то сгоряча всѣхъ перебили, надо хоть-бы двоихъ оставить въ живыхъ для допроса порознь.

— Дѣло, дѣло! Ладно, ладно!—поддержали Ивана остальные дружинники:—Ну, нѣмчинъ проклятый, разсказывай-же, куда вы путь держали и откуда? Тогда мы тебя отпустимъ, а не то пришибемъ живо.

Несмотря на угрозы, они насилу могли допытаться у ослабѣвшаго отъ ранъ плѣнника, что онъ посланъ былъ владѣтельнымъ рыцаремъ Доннершварцемъ въ погоню за

бежавшимъ изъ замка Гельмстъ русскимъ, что старый гроссмейстеръ фонъ-Ферзенъ готовъ уже напасть на нихъ и отомстить имъ за сосѣдей; что онъ уже соединился со всѣми вассалами своими и сосѣдями и что число ихъ велико.

— А много-ли ихъ?—спросилъ одинъ дружинникъ.

— Стыдись спрашивать, много-ли числомъ враговъ!—возразилъ Иванъ: — Мы не привыкли считать ихъ. Узнай только гдѣ они! Теперь не трогайте-же, отпустите его,—продолжалъ онъ:—Сохраните новгородское слово свято. Вѣдь онъ далеко не уйдетъ. Прощай пріятель,—обратился онъ къ плѣннику:—Если увидишь своихъ, то кланяйся имъ и скажи, что мы рады гостямъ и что у насъ есть чѣмъ угостить ихъ; да не прогнѣвались-бы тогда, когда мы незванными гостями нагрянемъ къ нимъ. Въ угоду или не въ угоду, а разсчитывайся чѣмъ попало.

Пропалый отошелъ.

— Однако, огонь-то надобно погасить, а то мы можемъ преждевременно накликать на себя кого-нибудь,—замѣтили оставшіеся дружинники и кинули на догоравшій костеръ раненаго.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ въ судорожныхъ корчахъ

Захватя оружіе и одежды вражескія и погнавъ передъ собой коней ихъ, веселой толпой тронулись русскіе въ свой лагерь дѣлить добычу.

Мѣсяцъ уже поблѣднѣлъ при наступленіи

утра и, тусклый, отразившись въ водѣ, колыхался въ ней, какъ одинокая лодочка, Снѣжныя хлопья налипли на вѣтвяхъ деревъ, и широкое серебряное поле сквозь чащу лѣса открывалось взору обширной панорамой. Заря играла уже на востокѣ блѣдно-розовыми облаками и снѣжинки еще кое-гдѣ порхали и кружились въ воздухѣ бѣлыми мотыльками.

Гритлихъ, или лучше отнынѣ будемъ называть его настоящимъ русскимъ именемъ— Григорій, наконецъ, проснулся и открылъ глаза. Онъ не слыхалъ почти ничего происходившаго вокругъ него въ эту ночь. Усталый до крайняго истощенія силъ, онъ спалъ, какъ убитый. Звуки голосовъ и оружія, правда отдавались въ его ушахъ, но какъ-бы сквозь какую-то неясную, тяжелую дремоту, и не могли нарушить его крѣпкій сонъ.

Открывъ глаза, онъ оглядѣлся кругомъ, и съ удивленіемъ увидалъ груду мертвыхъ тѣлъ, обломки оружія и вившійся къ небесамъ дымъ потухшаго костра и, наконецъ, свою одежду; всю опушенную снѣгомъ.

Онъ вскорѣ прозябъ, поспѣшно всталъ, отряхнулся и не сразу вспомнилъ, гдѣ онъ и что означаетъ все его окружавшее.

Мысль объ Эммѣ снова появилась въ его умѣ и снова отуманила его. Онъ понялъ, впрочемъ, что какимъ-то чудомъ избѣгъ опасности, и благоговѣйно опустился на колѣни, забывшись на нѣсколько минутъ въ теплой благодарственной молитвѣ Всеблагому Творцу.

Окончивъ молитву, онъ пошелъ далѣе и,

выбравшись изъ лѣсу, скоро оставилъ его далеко за собой.

XIX.

Среди земляковъ.

Зима соткала одежду природы изъ снѣга, какъ изъ бѣлой кисеи; хлопья его легли на землю тонкими кружевами, солнце увѣнчивало небо, алмазныя блестки снѣжинокъ засверкали то бѣлыми, то рубиновыми искорками. Лиловыя облака окаймляли небо, а на западѣ свивались шатромъ.

Картина полной зимы впервые въ этомъ году развертывалась передъ взоромъ: оголенныя деревья, подернутыя серебристымъ инеемъ, блистали своей печальной красотой. Особенно сосны и рогатыя ели, такъ величаво и гордо раскинувшія свои густыя вѣтви, выдѣлялись среди бѣлизны снѣга своимъ черносизымъ цвѣтомъ, и не шевелясь, казалось, дремали вмѣстѣ со всею природою.

Кругомъ царила тишина, Григорію на пути попадались только бѣлогрудыя сороки, да вороны, привольно разгуливавшія по первой порошѣ, но спугнутыя его приближеніемъ, онѣ съ дикимъ карканьемъ взвивались на воздухъ и рябѣли вдали, мелькая своими крыльями.

Случайно Григорій пошелъ прямо на русскій лагерь.

Чурчила съ Дмитріемъ, услыхавъ отъ Про-

палаго о намѣреніи ливонцевъ напасть на нихъ, заторопили дружинниковъ идти въ походъ и, такимъ образомъ, предупредить враговъ.

Усиленная работа кипѣла въ лагерѣ.

Иванъ Пропалый первый замѣтилъ приближающагося Григорія и съ изумленіемъ воскликнулъ:

— Это кто еще выступаетъ прямо на меня?

— На ловца и звѣрь бѣжитъ! — сказалъ Чурчила, подходя къ нему съ Дмитріемъ.

Нѣсколько дружинниковъ бросились было на незванаго гостя, но твердая его поступь, смѣлый добродушный видъ, а главное, наказъ Чурчилы не трогаться съ мѣста остановили ихъ.

Григорій все приближался.

Какимъ трепетомъ забилось его сердце, когда онъ разглядѣлъ своихъ земляковъ, узнавъ ихъ по одеждѣ и вооруженію, которыя еще со времени ранняго дѣтства запечатлѣлись въ его памяти. Шишаки, кольчуги, узловатые кистени, въ кружокъ обстриженные волосы, русскій языкъ, еще памятный ему,—все это было передъ нимъ.

Онъ не могъ дойти до Чурчилы, Ивана и Дмитрія, молча ожидавшихъ его. Чувство сладкое, невыразимое, никогда имъ неизвѣданное наполнило его сердце, ноги его подкосились, онъ упалъ на колѣни, протянулъ руки по направленію къ лагерю и зарыдалъ

«Вотъ кого искали ливонцы!» — подумали про себя Чурчила, Иванъ и Дмитрій:—«Подъ щитомъ неба прошелъ онъ невредимо сквозь

тысячу смертей! Это русскій, это братъ, это землякъ нашъ»!

Они подошли къ нему и, не спрашивая его о родѣ и племени, открыли ему свои объятія.

Вся дружина приняла его съ выраженіемъ радостнаго восторга.

Когда желанный гость отдохнулъ, утолилъ свой голодъ и жажду въ кругу близкихъ его сердцу людей, при звукахъ чоканья заздравныхъ чаръ и братинъ, всѣ сдвинулись вокругъ него, и онъ разсказалъ имъ, на сколько могъ, о житьѣ-бытьѣ своемъ въ чужой ливонской землѣ, упомянулъ объ Эммѣ и умолялъ спасти ее отъ злыхъ ухищреній Доннешварца и его сообщниковъ.

Чурчила и многіе тотчасъ догадались, кто былъ этотъ безпріютный юноша, но не сказали ему ничего, чтобы не прибавить къ свѣжимъ ранамъ новыхъ.

Они обѣщали ему во что-бы то ни стало добыть мечемъ головы заклятыхъ враговъ его и Эммы.

— Куда-же ты дѣнешь свою возлюбленную, когда мы выхватимъ ее изъ замка, какъ самую цѣнную добычу?—спросилъ его Чурчила.

— Куда?.. Отвернусь отъ нея и отдамъ ее ея возлюбленному!—отвѣчалъ Григорій.

— Какъ-бы не такъ!—возразилъ Иванъ:— Это не по моему. По моему, такъ не доставайся никому: раскололъ-бы ей черепъ, да и отдалъ-бы ему.

— Вѣстимо, на что-же и добывать ее?

— Кровь да золото, вотъ что тянетъ насъ на битву,—послышась замѣчаніе.

Григорій молчалъ, но взглядъ его былъ краснорѣчивѣе словъ.

— Хочешь-ли ты идти туда вмѣстѣ съ нами?—вдругъ спросилъ его Чурчила послѣ нѣкотораго раздумья.

— Жизнь и смерть готовъ я дѣлить съ тобой... Но и изгнанникъ...

— Что-же? вѣдь мы не въ гости пойдемъ. Ты будешь только охранять дѣвицу и отражать удары, направленные на нее... Тебѣ жизнь постыла, мнѣ также, — выразительно добавилъ Чурчила:—А кто за чѣмъ пойдетъ, тотъ то и найдетъ. Понимаешь ты меня?

— Да что его спрашивать? Онъ нашъ, на Руси родился, стало быть, долженъ любить съ малолѣтства мечъ и копье, а не бабье веретено. Развѣ иная земля охладила его ретивое,—съ видимымъ неудовольствіемъ замѣтилъ Дмитрій.

— Братцы!—отвѣчалъ Григорій схвативъ ихъ за руки,—если-бы я былъ ливонецъ и вы-бы пришли со мной вести разсчетъ оружіемъ, любо-бы было мнѣ потѣшиться молодецкою забавою. Тогда, Богъ вѣсть, чья сторона перетянула-бы! Или, къ примѣру сказать, когда-бы я съ вами давно былъ однополчаниномъ и мы пришли-бы вмѣстѣ сюда на враговъ,—не хвалюсь, а увидали-бы вы сами, знаю-ли я попятную.

Глаза его, одушевившись мужествомъ, загорѣлись.

— Гляньте-ка, братцы! — воскликнулъ ра-

достно Пропалый, указывая на Григорія,— такъ и пышетъ весь отвагой! Я готовъ спорить на что угодно, что не кровь, а огонь льется въ его жилахъ...

— Я не договорилъ еще, — продолжалъ Григорій:—Чужая земля воспитала круглаго сироту и была его родиной, чужіе люди были ему своими, и, подумайте сами, долженъ-ли онъ окропить эту землю и кормильцевъ своихъ собственною ихъ кровью? Не лучше-ли мнѣ на нее пролить свою, неблагодарную? Развѣ вы, новгородцы, выродились изъ человѣчества, что не слушаете голоса сердца?

Многіе были тронуты его рѣчью и молчали, внутренно соглашаясь съ нимъ, но со стороны нѣкоторыхъ послышался громкій ропотъ.

— Братъ Григорій,—началъ Чурчила послѣ продолжительной паузы: — Всякій, кто чувствуетъ въ себѣ искру чего-то... небеснаго... какъ-бы это пояснить... я не красноглаголистъ, я прямо скажу: кто называется человѣкомъ, у того и тутъ должно быть человѣческое.

Онъ указалъ на сердце.

— Мы понимаемъ тебя! — продолжалъ онъ:—У насъ тутъ кроется и любовь, и отвага, и жалость, и сердоболіе, а кто не чувствуетъ въ себѣ того, тотъ пусть идетъ шататься по дикимъ дебрямъ и лѣсамъ со злыми звѣрьми. Ты нашъ! Мы освобождаемъ и разрѣшаемъ тебя отъ битвы съ твоими кормильцами и даже запрещаемъ тебѣ мощнымъ заклятіемъ. Пойдемъ съ нами, но об-

нажай мечъ только тогда, когда твою дѣвицу обидитъ кто словомъ или дѣломъ.

Онъ крѣпко сжалъ руку Григорія.

— Я вашъ!—вскричалъ послѣдній, обнимая Чурчилу.

— Ну, живо! Радуйтесь, товарищи! Пойдемъ на коней! Настало времячко на смертное раздолье,—отдалъ приказъ Чурчила.

Не прошло и минуты, какъ всѣ уже были на коняхъ.

— Не лучше-ли напасть ночью,—замѣтилъ Дмитрій,—а днемъ подождать въ засадѣ?

— Нѣтъ, не утаимъ и не схоронимъ славы своей подъ мракомъ ночи. Пока дойдемъ, пока что еще будетъ, сумерки и спустятся,—возразилъ ему Чурчила.

— А гдѣ-же Пропалый?—спросилъ онъ,—да еще кой-кто изъ нашихъ дружинниковъ пропали Богъ вѣсть куда?..

Всѣ были уже въ сборѣ, но Ивана и еще нѣкоторыхъ изъ дружинниковъ не было. Никто не могъ придумать, куда они могли отшатнуться отъ своихъ.

Вдругъ увидали они небольшую толпу, скакавшую прямо на нихъ.

Сначала они подумали, что это былъ Пропалый съ товарищами, но, вглядѣвшись, увидали, что это были ливонскіе рейтары, непріязненно направлявшіе на нихъ свои копья.

Русскіе бросились имъ на встрѣчу, но вдругъ услыхали громкій хохотъ.

Враги подняли свои наличники и русскіе отступили.

Это былъ Иванъ съ дружинниками, переряженные въ платье и доспѣхи ливонскіе, отбитые у нихъ въ ночную схватку.

— Причудникъ... ишь что придумалъ... Теперь ты намъ чужакъ.

— Что, не узнали... это я и хотѣлъ узнать. Теперь смѣло пойду прежде васъ въ замокъ Гельмстъ... тамъ привольно будетъ.

— Зачѣмъ-же ты хочешь идти прежде насъ?.. Смотри, подстрѣлятъ!

— Пойдемъ къ живымъ на поминки... а вамъ до этого дѣла нѣтъ... Дожидайтесь, когда я посвѣчу вамъ съ башенъ замка и несйтесь скорѣй доканчивать... да помните еще слово «булатъ».

Сказавъ это, Пропалый съ товарищами повернули коней и ускакали.

— Впередъ и мы, товарищи! — крикнулъ Чурчила, вонзая шпоры въ крутые бока своего коня.

Было уже раннее утро. Солнце разсыпало свои яркіе, но холодные лучи и играло ими на граненыхъ копьяхъ русскихъ дружинниковъ.

Дружина сомкнулась и тронулась...

XX.

Ряженые въ замкѣ.

Слова Чурчилы сбылись. Уже смеркалось, когда отважные русскіе дружинники, переряженные рыцарями, приблизились къ замку Гельмстъ.

Близъ замка господствовало необычайное оживленіе; около подъемнаго моста нѣсколько рыцарскихъ отрядовъ ожидало спуска.

— Люблю поля вражескія! — воскликнулъ Иванъ Пропалый: — Ну, братцы, чуръ, теперь слушать чутко, глядѣть зорко... Если насъ не узнаютъ, то мы въ одно ухо влѣземъ, а въ другое вылѣземъ изъ замка, а если дѣло пойдетъ наоборотъ, зададутъ намъ передрягу, хорошо если убьютъ, а то засадятъ живыхъ въ холодильню.

Онъ указалъ рукой на проруби окрестныхъ озеръ.

— Что дѣлать?.. На то пошли!.. Сами вызвались,—послышались отвѣты.

— Авось, живые въ руки не дадимся!— продолжалъ Иванъ:—Насъ здѣсь одиннадцать, постоимъ часокъ стѣною непрошибною.

— Вѣстимо! Однако, у нихъ, собакъ, стѣны-то несокрушимы: ни мечъ, ни огонь не возьметъ ихъ! — замѣтилъ онъ изъ дружинниковъ.

— И сосѣдей собралось на подмогу имъ число не малое... Вишь какимъ гоголемъ разъѣзжаетъ одинъ! Должно, ихъ набольшій!— замѣтилъ другой, указывая на одного плечистаго рыцарь, который осматривалъ стѣны, галопируя около нихъ на статномъ иноходцѣ.

— Ну, съ Богомъ! Мать Пресвятая Богородица и заступница наша св. Софія, помогите намъ, многогрѣшнымъ!—съ благоговѣніемъ произнесъ Иванъ Пропалый, въѣзжая въ толпу ожидавшихъ рейтаровъ.

— Здорово, товарищи! — привѣтствовали послѣдніе новоприбывшихъ: — Не видали-ли вы русскихъ? Говорятъ, будто они бѣжали изъ нашей земли. Знать, солоно, или вьюжно пришлось имъ. А, впрочемъ, кто ихъ знаетъ, гдѣ они разбойничаютъ.

— Какъ не видѣть!—отвѣчалъ Иванъ:—Мы не мало гнались за ними и общипали у нихъ кое-что изъ награбленной добычи.

При этихъ словахъ Пропалый вынулъ изъ-за рукавника серебряную опояску съ крупными алмазами, которую онъ еще ранѣе отнялъ у одного рыцаря при нападеніи на его замокъ, показалъ ее своему собесѣднику и спряталъ снова.

— Хоть и темно, но я и въ потьмахъ всегда увижу хорошую вещь, — произнесъ рейтаръ съ блеснувшими отъ зависти глазами.

— А ты отъ кого-же слышалъ, что русскіе бѣжали?—спросилъ Иванъ.

— Мы захватили ихъ прежде, да не добились до сихъ поръ никакого толка, а вчера самъ пришелъ къ намъ какой-то Павелъ, бывшій при ихъ начальникѣ тѣлохранителемъ, начальникъ-то его, видишь, чѣмъ-то обидѣлъ, ну, онъ и бѣжалъ къ намъ и взялся навести насъ на русское гнѣздо. Объяснилъ по примѣтамъ, да по зарубкамъ деревьевъ, гдѣ оно находится. Наши смѣльчаки ѣздили разузнавать, правда-ли это, и недавно возвратились и сказывали, что и впрямь тамъ были русскіе. Они видѣли на томъ мѣстѣ изломанное оружіе ихъ, а отъ большого

костра вился еще дымокъ, такъ что надо полагать, что они недавно покинули это мѣсто!—отвѣчалъ рейтаръ: - Видно струсили, узнали, пройдохи, что мы на нихъ поднялись да и всполошились.

— А Павла этого, что-же вы, чай, притянули за шею...

— Нѣтъ, за что-же? Онъ въ чести теперь у насъ. Завтра, чѣмъ свѣтъ, выступятъ отыскивать бѣглецовъ... Слышишь, какой говоръ въ замкѣ? Всѣ ужъ въ сборѣ. Нынѣ послѣднюю ночку проведемъ повеселѣй, да и въ походъ.

Раздался звукъ рога, возвѣщавшій спускъ моста. Цѣпи загрохотали, и русскіе смѣльчаки вмѣстѣ съ ливонцами благополучно въѣхали съ опущенными забралами въ широко отворенныя ворота замка Гельмстъ.

На дворѣ замка стоялъ неумолкаемый говоръ, рейтары ходили толпами: кто держалъ лошадиную узду и побрякивалъ ею, кто велъ поить лошадь, или уже упившагося своего товарища на успокоеніе.

Ржаніе коней, бряцаніе оружія, разсказы, окрики, споры, хохотъ и брань — все сливалось въ странный своеобразный гулъ.

Иванъ Пропалый съ товарищами поставили своихъ лошадей въ общія стойла и, незаподозрѣнные ни кѣмъ, пошли осматривать замокъ.

На задней его части, выдавшейся острымъ утесомъ въ глубокій оврагъ, огибавшій стѣну, изъ которой камни отъ дѣйствія времени часто отрывались и падали въ глубину,

находилось отверстіе, изъ котораго дружинники примѣтили вышедшаго человѣка, окутанаго съ ногъ до головы широкимъ плащемъ, несшаго что-то подъ мышкою; за нимъ вскорѣ вышли еще нѣсколько человѣкъ, которые вмѣстѣ съ первымъ прокрались, какъ тати, вдоль стѣны.

Иванъ ощупалъ это отверстіе и нашелъ въ немъ желѣзное замерзлое кольцо, вбитое въ мѣдную доску. Онъ насилу приподнялъ ее и ощупалъ чугунныя ступени, ведшія внизъ, хотѣлъ только что спуститься, но остановился, услыхавъ сзади голоса, и захлопнулъ доску.

Притаившись вмѣстѣ съ товарищами въ разщелинѣ стѣны, они стали наблюдать...

Черныя тѣни возвращались, что-то бережно неся на рукахъ, передній поднялъ доску, и всѣ они вмѣстѣ съ ношей на глазахъ дружинниковъ спустились внизъ и захлопнули за собой творило.

«Что за дьявольщина!»—подумали съ недоумѣніемъ дружинники.

— Это дѣло надо разузнать, тутъ что-то не ладно,—рѣшилъ Пропалый.

Въ обширной пріемной комнатѣ или рыцарской залѣ фонъ-Ферзена происходило, между тѣмъ, многочисленное собраніе.

Стѣны комнаты были увѣшаны дорогими козылбатскими коврами, на нихъ висѣли огромные рыцарскіе доспѣхи въ полномъ

наборѣ, производившіе на первый взглядъ впечатлѣніе повѣшенныхъ рыцарей.

Въ одномъ углу стоялъ столъ, покрытый медвѣжьею полостью, на которомъ лежалъ большой гроссмейстерскій жезлъ, обвитый широкою золотою тесьмою.

Въ другомъ углу навалены были горою шлемы, а въ противоположномъ отъ него углу пылалъ огромный каминъ, одинъ освѣщавшій обширную комнату и сидѣвшихъ за большимъ, стоявшимъ посрединѣ, столомъ рыцарей.

Столъ былъ весь уставленъ виномъ и грубою закускою: соленою рыбою, копчеными окороками свинины и черствымъ хлѣбомъ.

Попойка была въ полномъ разгарѣ и шла уже къ концу, что было замѣтно по опустѣвшимъ флягамъ и блюдамъ, а также по раскраснѣвшимся лицамъ рыцарей.

Фонъ-Ферзенъ сидѣлъ среди своихъ гостей и союзниковъ, молча съ опущенною долу головой; невдалекѣ отъ него находился, тоже не принимавшій участія въ пиршествѣ, печальный Бернгардъ.

— Ну, славно попировали, такъ что не осталось теперь чѣмъ мухъ накормить!—сказалъ одинъ рыцарь и всталъ изъ-за стола.

За нимъ послѣдовали и другіе.

— Да что это гроссмейстеръ повѣсилъ голову, какъ дохлая лошадь? Неужели онъ такъ сильно запуганъ кольчужниками, что и насъ, своихъ защитниковъ, ни во что ставитъ?—спросилъ тихо одинъ рыцарь другого.

— Нѣтъ, видишь, онъ тоскуетъ о пропажѣ

дочери, которая, какъ разсказываетъ Доннершварцъ, бѣжала съ его пріемышемъ-русскимъ въ его отчизну.

Спрашивавшій рыцарь замолчалъ, какъ-бы показывая видъ, что это до него не касается, а третій, вмѣшавшись въ разговоръ, замѣтилъ:

— Только-то? А я думалъ, что ужъ не ограбили-ли его русскіе?

— Мундшенкъ.—послышался пьяный голосъ изъ-за стола:—Подайте мнѣ еще выпить за долголѣтнее существованіе храбрыхъ меченосцевъ во всѣ грядущіе вѣка.

На этотъ призывъ откликнулись многіе. На столѣ появились принесенныя слугами новыя фляги и даже боченки: пьянство началось съ новою силою, и вскорѣ многіе изъ храбрыхъ меченосцевъ позорно валялись подъ столомъ.

Другіе, болѣе крѣпкіе, шатаясь изъ стороны въ сторону, бродили по залѣ, изрыгая проклятія на русскихъ и угрожая имъ неминуемой гибелью отъ славныхъ рыцарскихъ мечей.

Убитые горемъ фонъ-Ферзенъ и Бернгардъ не могли удержаться, чтобы порою не бросить презрительныхъ взглядовъ на этихъ, окружавшихъ ихъ, безстрашныхъ побѣдителей флягъ и боченковъ.

XXI.

За славу, за Эмму!

Въ столовую вошелъ Доннершварцъ и, окинувъ своими посоловѣлыми глазами присутствующихъ, подошелъ къ фонъ-Ферзену.

— Я всѣмъ распорядился,—заговорилъ онъ сильнымъ басомъ:—Не бойтесь, мы настигнемъ ихъ завтра и вдоволь насытимъ наши мечи русскою кровью. О, только попадись мнѣ Гритлихъ, я истопчу его конемъ и живого вобью въ землю. Дайте руку вашу, Ферзенъ! Эмма будетъ моею, или-же пусть самъ чертъ сгребетъ меня въ свои лапы.

Фонъ-Ферзенъ, какъ-бы пробужденный надеждой на отомщеніе, воскликнулъ, сверкая глазами:

— О, только попадись онъ мнѣ; я самъ собственными руками разорву его на части Друзья, вѣрные союзники мои,—обратился онъ къ присутствующимъ,—я раздѣляю между вами всѣ мои владѣнія и богатства, добудьте мнѣ Эмму, мою дочь, или проклятаго Гритлиха... О, если-бы обоихъ вмѣстѣ! Я даже не знаю, что лучше!.. Эмму я люблю всѣмъ сердцемъ и безъ нея не утѣшусь... но его... его мнѣ хочется посмотрѣть умирающимъ въ предсмертныхъ корчахъ, когда я самъ буду по каплѣ выпускать его подлую кровь... О, какое наслажденіе! Эмму, повторяю, получитъ храбрѣйшій! Отмстите-же за славу, за Эмму, за меня...

— За славу, за Эмму, за гроссмейстера!— раздались крики, и всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, неистово махая обнаженными мечами.

Доннершварцъ съ злобной, язвительной улыбкой посмотрѣлъ на Бернгарда. Послѣдній вспыхнулъ, подошелъ къ фонъ-Ферзену и сказалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Выслушайте меня! они любятъ другъ друга, разлучить ихъ, значитъ, убить обоихъ... Мое мнѣніе: настичь русскихъ, дать битву, захватить Эмму и Гритлиха и...

Бернгардъ остановился, ему, видимо, тяжело было окончить начатую фразу.

— И что-же съ ними дѣлать?—послышался вопросъ.

— И соединить ихъ!—твердо произнесъ благородный юноша.

Взглядъ фонъ-Ферзена дико блеснулъ.

Остальные даже отступили отъ Бернгарда въ изумленіи...

— И соединить ихъ! — повторилъ тотъ, какъ-бы наслаждаясь тѣмъ сердечнымъ мученіемъ, которое доставляла ему эта фраза.

— Замолчи, или я сочту тебя злѣйшимъ врагомъ моимъ,—сдавленнымъ голосомъ сказалъ ему фонъ-Ферзенъ:—Онъ всего лишилъ меня, а ты что предлагаешь мнѣ...

— Бернгардъ насмѣхается надъ фонъ-Ферзеномъ! — перешептывались рыцари между собой.

— Я-бы вырвалъ съ корнемъ языкъ его, чтобы онъ не оскорблялъ благороднаго рыцарства! О, я-бы съумѣлъ научить его ува-

жать и сѣдины,—заговорилъ было вслухъ Доннершварцъ.

Бернгардъ не далъ ему окончить угрозъ, бросился на него съ мечемъ, но, вдругъ одумавшись, откинулъ мечъ въ сторону и, выхвативъ изъ камина полѣно, искусно увернулся отъ удара противника, вышибъ мечъ изъ рукъ его уже былъ готовъ нанести ему ударъ полѣномъ по головѣ, но фонъ-Ферзенъ бросился между нимъ и Доннершварцемъ, да и прочіе рыцари, ихъ розняли и развели по угламъ.

Послѣ обоюдныхъ угрозъ поссорившихся и громкаго хохота рыцарей надъ Доннершварцемъ на тему, что его бьютъ полѣномъ, какъ барана, ссора утихла и миръ водворился.

Фонъ-Ферзенъ, ободренный перспективою мести, сталъ веселѣе и началъ усиленно заливать свое горе виномъ.

Послѣднее развязало ему языкъ. Онъ началъ мечтать вслухъ, какъ они завтра настигнутъ русскихъ и потѣшатъ свои мечи и копья надъ вражескими тѣлами.

— Плѣнникъ Павелъ разсказывалъ намъ, что эти новгородцы—народъ вольный, вѣчевой... Ихъ щадить нечего. Они хотя и богаты, а выкупу отъ нихъ не жди... развѣ только новаго набѣга,—замѣтилъ одинъ изъ рыцарей.

— Да, кстати, я вспомнилъ о плѣнникахъ—гдѣ они? — произнесъ фонъ-Ферзенъ: — Петерсъ,—обратился онъ къ своему слугѣ,—вели ихъ ввести сюда, сдѣлаемъ послѣдній допросъ и пора съ ними раздѣлаться.

Петерсъ вышелъ.

— А что насъ остановитъ пуститься и далѣе? Мы соберемся еще большимъ числомъ и нагрянемъ прямо на Новгородъ. Государь Московіи, поговариваютъ, самъ хочетъ напасть на него. Тѣмъ лучше для насъ: мы будемъ отгонять скотъ отъ города, отбивать обозы у москвитянъ, а если ворвемся въ самый городъ, то сорвемъ колоколъ съ вѣча, а вмѣсто него повѣсимъ опорожненную флягу или старую тюфлю гроссмейстера, пограбимъ, что только попадется подъ руки и вернемся домой запивать свою храбрость и дѣлить добычу—хвастался совершенно пьяный рыцарь, еле ворочая языкомъ.

Его рѣчь привѣтствовали аплодисментами, но одинъ Бернгардъ усмѣхнулся и возразилъ:

— Что-то давно собираемся мы напасть на русскихъ, но, къ нашему стыду, до сихъ поръ только беззаботно смотримъ на зарево, которымъ они то и дѣло освѣщаютъ наши земли... Ужъ куда намъ пускаться въ даль... Государь Московіи не любитъ шутить, онъ потрезвѣе насъ, всѣ говорятъ...

— Не вѣрь, не вѣрь, что говорятъ... Мы сами тебѣ невѣримъ!—прервали его пьяные крики.

Бернгардъ обвелъ присутствующихъ презрительнымъ взглядомъ и замолкъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался звонъ цѣпей, и сторожа ввели въ залу изнуренныхъ русскихъ плѣнниковъ.

Ихъ было шестеро, они были крѣпко ско-

ваны по рукамъ и ногамъ и, видимо съ трудомъ влачили свои тяжелыя цѣпи.

Ихъ выстроили въ рядъ передъ сидѣвшимъ за столомъ фонъ-Ферзеномъ.

— Вы новгородцы? — спросилъ ихъ послѣдній...

— Новгородцы.

— А зачѣмъ пришли вы къ намъ?

— Умерѣть, или убить васъ.

— Чортъ возьми, что тутъ выспрашивать? Скорѣй уничтожить это русское отродье! Неужели и этихъ откармливать на свою шею,—громко проговорилъ Доннершварцъ.

— Да, пора-бы, мы вамъ не нужны!—отвѣчали хладнокровно плѣнники.

Фонъ-Ферзенъ, которому намекъ Доннершварца напомнилъ о Гритлихѣ и мести, яростно воскликнулъ:

— Да, конечно, затравимъ ихъ нашими медвѣдями, потѣшимся напослѣдокъ кровавымъ зрѣлищемъ.

— Не рыцарское это дѣло, фонъ-Ферзенъ,— громко запротестовалъ Бернгардъ, — я, по крайнее мѣрѣ, до послѣдней капли крови буду защищать беззащитныхъ.

Фонъ-Ферзенъ почти съ ненавистью посмотрѣлъ на говорившаго. Въ залѣ раздался недовольный ропотъ, но къ чести рыцарей надо все-таки сказать, нѣкоторые, хотя немногіе, присоединились къ мнѣнію Бернгарда.

Не желая начинать раздора, фонъ-Ферзенъ сдѣлалъ незамѣтный знакъ Доннершварцу.

Тотъ понялъ его, и на губахъ его заиграла злобная улыбка.

Плѣнниковъ увели по приказанію хозяина, а за ними вышелъ изъ залы и Доннершварцъ,

Черезъ нѣсколько минутъ, со двора замка, донесся глухой короткій стонъ—другой, третій, до шести разъ.

Всѣ догадались, что это значило.

Бернгардъ въ ужасѣ пожалъ плечами.

Вздохнулъ и самъ фонъ-Ферзенъ.

Съ самодовольной улыбкой вернулся вскорѣ въ залу Доннершварцъ, весь обрызганный кровью, и спокойно осушилъ кубокъ, какъ-бы забывъ, какое страшное порученіе онъ исполнилъ.

Раздался звонъ колокола, жалобнымъ звукомъ раскатившійся по всему замку, означавшій полночь.

Каминъ погасалъ.

Немногіе рыцари, еще державшіеся на ногахъ, собрались въ кучу и стали обсуждать послѣднія подробности предстоящей экспедиціи и, чокнувшись, выпили еще и опрокинули свои кубки въ знакъ окончанія пира и засѣданія.

— За славу, за Эмму, за гроссмейстера!— раздавались крики.

— Куда-же?.. На лошадей?—спросилъ фонъ-Ферзенъ, увидя, что многіе расходятся.

— Нѣтъ, сперва въ постели. Рогъ разбудитъ насъ,—отвѣчали ему...

— Такъ до завтра.

— До утра...

Всѣ разошлись. Фонъ-Ферзенъ ушелъ въ свою спальню вмѣстѣ съ Доннершварцемъ.

Бернгардъ вышелъ изъ замка и прошелъ въ паркъ.

Онъ самъ не могъ понять волновавшихъ его чувствъ... но ему хотѣлось и плакать и молиться, а главное—быть одному...

XXII.

Въ подземельи.

Пока рыцари съ усердіемъ и отвагой, достойными лучшей цѣли, опустошали содержимое погребовъ фонъ-Ферзена, русскіе молодцы въ рыцарскихъ шкурахъ тоже не дремали.

— Братцы,—говорилъ товарищамъ Пропалый, стоя надъ загадочнымъ твориломъ, куда на ихъ глазахъ скрылась таинственная процессія,—мы взбирались на подоблачныя горы и на зубчатыя башни, но не платились жизнью за свое молодечество, почему теперь не попробовать намъ счастья и не опуститься внизъ, котя-бы въ таръ-тарары? Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что намъ не найти удобнѣе мѣста, гдѣ-бы мы могли погрѣться вокругъ разложеннаго огня, да кромѣ того, мы разузнаемъ, кто эти полуночники. Лукавый ихъ вѣдаетъ, что у нихъ на умѣ? Можетъ, они для насъ-же готовятъ гибель!

— Мы готовы, идемъ хоть на край свѣта! веди насъ хоть туда, куда и орелъ не наши-

валъ добычи, гдѣ конецъ странствія облаковъ, мы за тобой всюду,—отвѣчали ему дружинники.

Осторожно подняли они чугунную доску, и ощупью одинъ за другимъ начали они спускаться въ подземелье.

Чутко прислушиваясь на каждомъ шагу, они медленно спускались все ниже и ниже.

Кругомъ и внизу царила гробовая тишина.

Страшная сырость и спертый воздухъ затрудняли дыханіе.

Наконецъ, они почувствовали подъ ногами вмѣсто камней сырую землю — лѣстница окончилась. Въ подземельи было совершенно темно. Вытянувъ передъ собой руки и ощупывая мечами впереди себя, храбрецы двинулись среди окружавшаго ихъ могильнаго мрака.

Мечи разсѣкали только воздухъ

Вскорѣ, впрочемъ, одинъ изъ дружинниковъ встрѣтилъ своимъ мечемъ стѣну. Шедшіе повернули вправо и увидали вдали слабое мерцаніе огонька.

Дружинники пошли на огонекъ, и скоро до нихъ стали доноситься голоса людей.

При слабомъ освѣщеніи смолянаго факела, который держалъ одинъ изъ четырехъ находившихся въ подземельи людей, наши храбрецы, приблизившись къ нимъ, разсмотрѣли тяжелые своды стѣнъ и толстые столбы, подпиравшіе закопченый потолокъ.

За послѣдними скрылись они, чтобы быть незамѣченными до времени и стали прислушиваться къ разговору неизвѣстныхъ. Од-

ного изъ нихъ, впрочемъ, они вскорѣ узнали по голову.

Это былъ—Павелъ.

— Ну, Гриммъ, теперь все кончено! — говорилъ онъ: — Дѣвица въ нашихъ рукахъ... Что-же медлитъ и нейдетъ рыцарь?

— Ты молодецъ хоть куда, парень не промахъ,—отвѣчалъ Гриммъ: — Только додѣлывай начатое, за то рыцарь наградитъ тебя...

— Удавкою, какъ бѣшеную собаку; знаю я васъ... но вотъ, кажется, шпоры... Это онъ...

На самомъ дѣлѣ, другой факелъ еще болѣе освѣтилъ присутствующихъ въ подземельи.

Его несъ оруженосецъ Доннершварца.

За нимъ шелъ и самъ онъ, пошатываясь на каждомъ шагу.

— Ну, что... добыли-ли? — рявкнулъ онъ, обращаясь къ Павлу.

— Наше слово свято, — отвѣчалъ тотъ, указывая рукой на дверь, виднѣвшуюся въ глубинѣ, и повелъ его къ ней.

— Ну, Гриммъ, чортъ возьми, — ворчалъ, слѣдуя за нимъ, Доннершварцъ,—нашелъ-же ты мѣстечко, куда спрятать ее. Видно, ты заранѣе привыкаешь къ аду...

— Привыкнешь! — лаконически и лукаво отвѣчалъ Гриммъ.

Пропалый подалъ знакъ своимъ, и дружинники послѣдовали за ушедшими.

Павелъ съ шумомъ отодвинулъ желѣзный засовъ. Чугунная дверь, скрипя на ржавыхъ петляхъ, отворилась.

Въ низкой, тоже со сводомъ комнатѣ, от

дѣленной отъ подземелья полуразрушенной стѣной, висѣли лампада и тускло освѣщала убогую деревянную кровать, на которой, казалось, покоилась сладкимъ сномъ прелестная, но блѣдная, какъ смерть, дѣвушка.

Шелковый пухъ ея волосъ густыми локонами скатывался съ блѣдно-лилейнаго лица на жесткую изъ грубаго холста подушку, сквозь длинныя рѣсницы полуоткрытыхъ глазъ проглядывали крупныя слезинки...

Увы! это былъ не сладкій сонъ, а глубокій обморокъ.

Доннершварцъ бросилъ на нее плотоядный взглядъ, но приблизившись воскликнулъ:

— Чортъ возьми, да это не Эмма! Это какой-то оглодышъ. Жива-ли она?

На самомъ дѣлѣ Эмма! —это было она— исхудала донеузнаваемости. Павелъ наклонился надъ лежащей.

— Еще дышитъ этотъ живой остовъ. Она не скоро умретъ и здѣсь, а на свѣжемъ воздухѣ и подавно... Бабы живущи, а это только съ ихъ бабьяго придурья...

— Но что съ ней сдѣлалось...

— Что?.. Испугалъ я, какъ, выманивши ее голосомъ Григорія и схвативъ въ охапку, потащилъ съ собою... Сперва она завопила:—Гритлихъ, Гритлихъ, гдѣ ты?

— Подожди, съ того свѣта онъ придетъ за тобой, — сказалъ я ей:—Съ тѣхъ поръ она и недвинулась.

Но Эмма шевельнулась, или, скорѣй вздрогнула отъ холода и сырости воздуха, которымъ было пропитано подземелье.

Доннершварцъ, стоявшій немного поодаль отъ кровати и пожиравшій свою жертву жадными взглядами, сдѣлалъ уже шагъ впередъ съ распростертыми, какъ-бы для объятій, руками.

— Не терпится болѣе! — шепнулъ Пропалый и хотѣлъ уже кинуться на него, но у несчастной дѣвушки нашелся другой невидимый хранитель.

Съ потолка оторвался тяжелый камень и упалъ между ней и Доннершварцемъ.

Негодяй испугался и отступилъ.

— Перестаньте, благородный рыцарь,— началъ Гриммъ съ чуть замѣтной ироніей въ словѣ «благородный», — разнѣживаться теперь надъ полумертвою... Что тратить время по пустякамъ. Она отъ васъ не уйдетъ. Идите-ка лучше собирать въ походъ своихъ товарищей и когда они всѣ выберутся изъ замка, мы съ Павломъ перенесемъ ее отсюда къ вамъ. Вы, проводивъ рыцарей, не захотите марать благородныхъ рукъ своихъ въ дракѣ съ русскими и вернесь домой... Тамъ васъ будетъ ожидать Эмма и мы съ нашими услугами,

— Да, да, пусть самъ чортъ заступается за нее, но она будетъ моею, — воскликнулъ Доннершварцъ: — А теперь я на самомъ дѣлѣ пойду — добавилъ онъ, уже дрожа отъ страха.

Предшествуемый оруженосцемъ съ факеломъ, онъ ушелъ. Гриммъ съ Павломъ и двумя подкупленными злодѣями осталися одни.

— Ну, а мы что?.. Улепетнемъ тоже от-

сюда, — заговорилъ Гриммъ, когда звуки шпоръ умолкли вдали.

— Скоро утро... несподручно... Да еще вотъ что мнѣ сомнительно: куда дѣвались мои земляки? Я знаю Чурчилу, какъ самаго себя: онъ не убѣжитъ, развѣ что въ другомъ мѣстѣ рыскаетъ за добычею, — отвѣчалъ Павелъ.

— А намъ что до нихъ? Этого чугуннаго рыцаря Доннершварца заведемъ мы въ глушь, а тамъ...

Гриммъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою.

— Нѣтъ, пусть они уберутся завтра а, мы разгромимъ кладовыя и отправимся въ надежное мѣстечко... Вѣдь мы съ тобой одной шерсти, небось, уживемся вездѣ...

— А эту полуживую дѣвченку похоронимъ здѣсь! Я не намѣренъ дѣлать угодное Доннершварцу.

— И теперь-же! Неужели-же дожидаться ея смерти? Можетъ, она еще и за горами...

— А у васъ за плечами!—крикнулъ Иванъ Пропалый, и бросился на ихъ.

Дружинники послѣдовали за нимъ.

Павелъ ускользнулъ, воспользовавшись суматохой.

Гриммъ пырнулъ ножемъ одного русскаго, но самъ палъ подъ узловатымъ кистенемъ Пропалаго. Двое другихъ тоже были убиты.

Побоище кончилось и всѣ умыслы злодѣевъ разсѣялись прахомъ.

— Куда-же дѣвался этотъ искаріотскій

Павелъ?—спросилъ одинъ изъ дружинниковъ, отирая свой окровавленный мечъ.

— Поищемъ и его, но прежде надобно сдѣлать расправу съ этой падалью!—отвѣчалъ Пропалый, указывая на мертвыхъ и шевелившагося посреди нихъ Гримма.

— А, прикинулся! А, кажись, ударъ былъ вѣренъ, безъ промаха!.. Чу, отдыхаетъ, силится сказать что-то! — промолвилъ другой дружинникъ, наблюдая за Гриммомъ.

— Возьмите вотъ тутъ... у меня за поясомъ все, что найдете, — прерывистомъ голосомъ заговорилъ послѣдній,—только не добивайте меня!

— Экъ, что сморозилъ! Да мы и безъ того оберемъ тебя,—замѣтилъ Иванъ, обыскивая его, и нащупавъ въ указаномъ мѣстѣ большую кису, вытащилъ ее и радостно воскликнулъ:—Правда, эта собака стоитъ того, чтобы задать ему свѣтлую смерть!

Въ эту минуту Эмма очнулась, приподнялась на кровати и смотрѣла на всѣхъ мутными, но не испуганными глазами.

Иванъ Пропалый подошелъ къ ней и помогъ ей встать.

Она продолжала обводить всѣхъ дикимъ взглядомъ.

— Наконецъ, я умерла! — заговорила она слабымъ голосомъ: — Гритлихъ, ты взялъ меня къ себѣ!.. Какъ я рада!.. Какъ мнѣ хорошо теперь!.. Что жить безъ жизни... Да, гдѣ-же ты?.. О, дай мнѣ полюбоваться на тебя...

Она протягивала руки въ пространство.

— Нѣтъ, ты не умерла, ты жива, красная дѣвица... Мы вырвали тебя у смерти... Вотъ твои вороги,—сказалъ Пропалый,

Эмма взглянула безсмысленнымъ взглядомъ ва трупы.

— А они давно уже умерли? Вмѣстѣ со мной?.. Это вы, батюшка?.. Теперь мы не разстанемся съ Гритлихомъ!

— Да она полоумная, брось ее, что проку возиться съ ней! — закричали Ивану товарищи.

— Нѣтъ, возьмемъ ее съ собой изъ этой преисподней. Тутъ побыть, такъ и мы заблажимъ... Давайте-ка на ея мѣсто этого стараго Кащея!—сказалъ Иванъ.

Гримма потащили на кровать.

Онъ всѣми силами выбивался изъ рукъ несшихъ его но, видя что усилія тщетны, закричалъ что есть силы, зовя кого нибудь на помощь.

— Захмѣлѣлъ, горлопятина! Погоди скоро не такъ запоешь!—говорилъ Пропалый, укладывая его и связывая своимъ кушакомъ.

Дружинники натаскали обломки скамеекъ, древковъ отъ валявшихся въ подземельи копій, и наваливъ ихъ кучею подъ постель, зажгли факеломъ.

Гриммъ продолжалъ изрыгать ругательства, но скоро затихъ, охваченный дымомъ и пламенемъ.

— Собакѣ—собачья и смерть! Но куда дѣвался окаянный Павелъ!—замѣтилъ Иванъ.

— Чортъ въ зубахъ унесъ!—отвѣчали ему товарищи, освѣщая впереди и около себя

всѣ мѣста и неся на рукахъ слабую, безмолвную Эмму.

Они обыскали все обширное подземелье и, бросивъ поиски, поднялись чрезъ другую лѣстницу въ необитаемую часть замка.

XXIII.

Пожаръ.

Въ этой необитаемой части замка Гельмстъ стѣны обвивали полуувядшіе плющи, высовываясь наружу изъ полуразрушенныхъ оконъ; совы и филины летали на просторѣ и, натыкаясь на огонь факела, который принесли съ собой изъ подземелья русскіе дружинники, чуть не гасили его и въ испугѣ шлепались на землю.

Эмму положили на полъ. Воздухъ освѣжилъ ее. Она стала дышать ровнѣе и свободнѣе.

Иванъ Пропалый, не взирая на сильный холодъ, окуталъ ее своимъ зипуномъ и, самъ не зная, что съ нею дѣлать, куда ее дѣвать и куда самимъ дѣться, согласился съ прочими, что пора дѣйствовать.

Они начали подставлять факелъ къ рваным обоямъ; послѣднія быстро вспыхивали, но вскоры гасли, шипя отъ сырости.

Видя, что это не дѣйствуетъ, дружинники стали собирать горючій матеріалъ и, наконецъ, достигли того, что пламя охватила всю комнату.

— Пора! Чу! пѣтухи перекликаются. Чай,

теперь давно за полночь? Наши продрогнутъ отъ холода и заждутся. Пожалуй, еще за упокой поминать начнутъ, подумавъ, что мы погрязли въ этой западнѣ по самыя уши,—замѣтилъ Иванъ, подпаливая послѣднюю стѣну.

Всѣ работали усердно, кто шапкой, кто чѣмъ попало, раздувая огонь, и скоро пламя широкими языками начало выуивать изъ оконъ.

— Авось, теперь не погаснетъ огонь. Онъ прожорливъ. какъ разбѣжится, такъ не уймешь, начнетъ метаться во всѣ стороны: любо-дорого смотрѣть,—слышались замѣчанія дружинниковъ.

— Однако, братцы, горячо оставаться въ этой жаровнѣ. Выберемся-ка лучше на приволье...

— Братцы, что мучить дѣвицу-то? Кинемте ее лучше въ серединку. Не успѣетъ и пикнуть, какъ ужъ ни одной косточки въ ней не останется, — предложилъ одинъ изъ дружиниковъ, указывая на лежащую въ полузабытьи Эмму.

— Нѣтъ, не тронь, она и такъ обижена!— сказалъ Иванъ: — Душа безвинная восплачется на насъ, такъ Богъ накажетъ.

Еще разъ посмотрѣли они на всепожирающее пламя, длинными языками лѣзшее вверхъ по стѣнамъ, вышли на волю другимъ выходомъ и вскорѣ по уцѣлѣвшей полуразвалившейся лѣстинѣ спустились внизъ.

Эмма, послѣ ихъ ухода, отъ дѣйстія свѣжаго воздуха ожила, и, какъ была, въ зи-

пунѣ Пропалаго, быстро убѣжала по стѣнѣ замка, видимо, сама не зная куда.

Спустившись на дворъ замка, дружинники натолкнулись на груду изувѣченныхъ тѣлъ. По одеждѣ и оружію они узнали въ мертвецахъ своихъ земляковъ.

«Такъ вотъ они, плѣнники захваченные ими, о которыхъ говорилъ вчера рейтаръ, при въѣздѣ въ ворота замка»! — подумали русскіе молодцы.

Распаленные гнѣвомъ и жаждою мщенія, они начали съ своей стороны дикую расправу надъ встрѣчными-поперечными: какъ звѣри, зарыскали они по двору и по замку и рубили сонныхъ служителей.

Задумчиво всю ночь расхаживалъ Бернгардъ по стѣнамъ замка. Въ его душѣ боролись между собой противоположныя чувства: то онъ хотѣлъ покинуть звѣрскій замокъ, гдѣ ни мало не уважается рыцарское достоинство, то жадно стремился мыслью скорѣе сѣсть на коня и мчаться на русскихъ, чтобы кровью ихъ залить и погасить пламя своего сердца и отомстить за своихъ.

Вдругъ стѣны и весь замокъ мгновенно освѣтились. Огонь, пробившись сквозь ветхую западную башню, засверкалъ на зубцахъ ея и далеко отбросилъ отъ себя яркое зарево.

Бернгардъ испугался за Фервена и бросился скорѣй будить служителей, но нашелъ ихъ всѣхъ перерѣзанными, между тѣмъ, какъ изъ сосѣднихъ комнатъ до него доносился

безпечный храпъ и носовой свистъ спящихъ рыцарей.

— Пожаръ, пожаръ!—закричалъ онъ изо всей силы.

— Измѣна! Русскіе въ замкѣ!—крикнулъ въ отвѣтъ ему неизвѣстный, бѣжавшій прямо на него.

Бернгардъ узналъ въ немъ того русскаго плѣнника, котораго наканунѣ велѣлъ повѣсить Гримму.

— Я вижу кто...—грозно встрѣтилъ его Бернгардъ, одной рукой схвативъ его за шиворотъ, а другой приставивъ мечъ къ его груди:—Кайся, сколько васъ здѣсь и гдѣ твои сообщники, тогда я однимъ ударомъ покончу съ тобою, а иначе—ты умрешь мучительною смертью...

— Заклинаю васъ, благородный рыцарь, увѣриться въ моей преданности къ вамъ! Не теряйте времени, спѣшите на ту сторону замка, къ воротамъ: тамъ русскіе въ одеждѣ рейтаровъ Доннершварца. Я узналъ ихъ, они какъ-то прокрались въ замокъ, перебили многихъ, сбили замки съ конюшенъ, разогнали лошадей вашихъ и...

— Вѣрны-ли слова твои?..

— Да возьмите меня съ собой!..

Оба они растолкали кого могли изъ спящихъ, стремглавъ побѣжали въ указанное Павломъ мѣсто, хлопая дверьми, звуча оружіемъ и неистово крича:

— Пожаръ, пожаръ!.. Русскіе!

«Пожаръ!.. Русскіе!..»,—грознымъ эхо пронеслось по замку.

Проснувшіеся и оставшіеся въ живыхъ рейтары и служители бросились во внутренніе аппартаменты замка, гдѣ сладкимъ сномъ покоились непобѣдимые рыцари.

— Вставайте!.. Пожаръ!—кричали они имъ.

— Гдѣ?—спрашивали, лѣниво потягиваясь, рыцари.

— На западной части башни!

— О, до насъ еще далеко,—безпечно рѣшили они и перевернулись на другой бокъ.

— Да вѣдь русскіе въ замкѣ!..

— Въ чьемъ?

— Въ нашемъ, въ нашемъ! Ужъ тамъ дерутся—чу, какой гамъ!

— Какъ!—воскликнули они испуганно, и полусонные и начали метаться по комнатамъ.

— Благородный рыцарь, господинъ повелитель мой, владѣтельный рыцарь Робертъ Бернгардъ, послалъ меня успокоить васъ. Русскіе вчера обманули стражу нашу и вошли въ замокъ въ нашей одеждѣ. Ихъ немного, всего одиннадцать человѣкъ. Господинъ мой съ рейтарами уже окружилъ ихъ гораздо большимъ числомъ и проситъ васъ не препятствовать ему въ битвѣ, хотя они упорно защищаются, но онъ одинъ надѣется управиться съ ними—сказалъ рыцарямъ вошедшій оруженосецъ.

— Пусть за нимъ будетъ эта слава,—вскричали обрадованные рыцари.

— Да мы съ малымъ числомъ и драться не захотимъ!—добавилъ другой, зѣвая во весь ротъ.

Доннершварцъ, какъ короткій пріятель

дома фонъ-Ферзена, находился съ нимъ вмѣстѣ въ отдаленной отъ пожара и битвы комнатѣ замка.

Старикъ, опечаленный, устарый отъ нѣсколькихъ проведенныхъ ночей, выпившій наканунѣ лишнее, спалъ какъ убитый, не вѣдая, что около него спитъ самый злѣйшій его врагъ,—похититель его дочери.

Въ виду извѣстія, прянесеннаго оружеиосцами Бернгарда, что русскихъ немного, что рыцарь Бернгардъ окружилъ ихъ, хозяина не стали и безпокоить, чтобы онъ запасъ болѣе силъ къ утру, на храбрость же Донершварца плохо надѣялись.

Бернгардъ между тѣмъ съ своими рейтарами, среди общей паники, наступившей въ замкѣ при вѣсти о нахожденіи въ немъ русскихъ, среди воплей отчаянія и мольбы о помощи, руководимый Павломъ, настигъ русскихъ дружинниковъ, убивавшихъ по одиночкѣ наповалъ каждаго изъ попадавшихся имъ рейтаронъ.

Русскіе пробирались къ стѣнѣ, искали какого-нибудь выхода изъ замка, чтобы соединиться съ своими, когда на нихъ было сдѣлано нападеніе. Они сомкнулись другъ съ другомъ крѣпко-на-крѣпко, уперлись спинами къ стѣнѣ и, оградившись щитами, устроили стѣну, рѣшась, видимо, дорого продать свою жизнь.

Замѣтнѣе всѣхъ среди сражающихся мелькали мечъ Бернгарда, да узловатый кистень Пропалаго.

Но бой былъ не равенъ.

Русскіе падали безъ подкрѣпленія, тогда какъ рѣдѣвшіе ряды воиновъ Бернгарда замѣнялись новыми.

— Булатъ! булатъ!—кричали русскіе, въ надеждѣ, что ихъ услышатъ товарищи, но тщетно...

Скоро расходившееся все болѣе и болѣе болѣе пламя зажженнаго ими замка освѣтило ихъ трупы.

XXIV.

Гибель Эммы.

Огненный флагъ, обѣщанный Иваномъ Пропалымъ былъ викинутъ имъ съ башни замка Гельмстъ.

Его скоро замѣтили находившіеся въ засадѣ въ лѣсу, невдалекѣ отъ замка, русскіе дружинники, предводительствуемые Чурчилой и Дмитріемъ.

— Сдержалъ свое слово Пропалый. Вотъ ужъ прямо по-молодецки! Славно свѣтитъ онъ намъ дорогу къ замку! Ну, братцы, разомъ! Промните коней, да и у самихъ, чай, кровь застоялась,—разнеслись по встрепенувшейся дружинѣ восклицанія.

Все было забыто—сонъ, усталость, самая родина.

Мигомъ вскочили всѣ на коней и пустились туда, гдѣ виднѣлось громадное зарево. Черезъ рвы и канавы началась скачка:

приманками служили: слава, золото, раны и смерть.

Подъемный мостъ былъ поднятъ, но русскіе даже не взглянули на него. Они спѣшились, спустились въ ровъ и туда-же свели своихъ лошадей. Вода во рвѣ замерзла.

Если-бы рыцари замѣтили движеніе русскихъ и захотѣли воспрепятствовать имъ въ переправѣ, то могли-бы очень легко это сдѣлать, такъ какъ соскочить въ ровъ было дѣломъ нетруднымъ, а подняться на крутизну его свпряжено было съ большимъ трудомъ.

Но изъ замка ихъ не замѣтилъ никто и они всѣ благополучно выбрались на ровное мѣсто.

— Братцы!—воскликнулъ Чурчила,—рубите и жгите мостъ! Во-первыхъ, мы отвѣтимъ Пропалому на его-же языкѣ, на языкѣ огня, во-вторыхъ, безъ моста никто изъ насъ не подумаетъ возвратиться назадъ.

Сказано—сдѣлано. Мостъ запылалъ, русская дружина мчалась между двухъ огней.

— Кто это тамъ на стѣнахъ? Переговоры что-ли вести съ нами хочетъ? — сказалъ одинъ изъ дружинниковъ, показывая рукою на стѣны замка.

Всѣ поглядѣли по указанному направленію и подъѣхавши ближе и всмотрѣвшись, увидали ужасное зрѣлище: Иванъ Пропалый съ товарищами висѣли мертвыми на зубцахъ стѣнъ. Головы ихъ были раздроблены, тѣла изуродованы, свѣжая кровь шла изъ ихъ ранъ.

Насилу узнали ихъ земляки.

Въ ихъ сердцахъ и взорахъ закипѣла месть.

Прикрывшись щитами, съ гикомъ ярости бросились они на замокъ, откуда слышались имъ смѣшанные громкіе голоса, галопъ лошадей и звукъ оружія.

Задрожали тяжелыя ворота подъ первымъ натискомъ русскихъ.

Рыцари повыглянули на осаждающихъ изъ оконъ и говорили себѣ въ утѣшеніе, что враговъ малая кучка, что муха крыломъ покроетъ всю шайку,—такъ ободряли они своихъ рейтаровъ, но сами не трогались съ мѣста.

Русскіе кричали имъ, осыпая окна градомъ стрѣлъ:

— Ну-ка, выходите сюда, желѣзные люди! Что вы головы-то высовываете, какъ лягушки изъ воды! Выходите смѣлѣй, мы раскупоримъ вашу скарлупу!

Бернгардъ, раненый въ схваткѣ съ дружиною Пропалаго, отдыхалъ въ замкѣ, фонъ-Ферзенъ бросался во всѣ стороны, отдавалъ приказаніе одно нелѣпѣе другого, такъ что никто не понималъ его и слушавшіе только пожимали плечами, глядя на помутившагося умомъ старика. Доннершварцъ, празднуя побѣду надъ Пропалымъ и помянувъ его полной чарой, расхрабрился и выѣхалъ на дворъ, но когда ропотъ ужаса при новомъ нападеніи русскихъ достигъ до него, онъ совершенно обезумѣлъ отъ страха и кричалъ, что подъ замкомъ есть надежное убѣжище въ подземельи, куда онъ и совѣтовалъ рети-

роваться. Страхъ вышибъ у него всю память, онъ забылъ объ Эммѣ, Павлѣ и Гриммѣ. Весь замокъ кружился въ глазахъ его. Въ эту минуту фонъ-Ферзенъ схватилъ за поводья коня его и потащилъ за собою.

Мимо пхъ пронесся въ битву не усидѣвшій на стѣнахъ замка Бернгардъ. Рейтары понеслись за нимъ, многіе спѣшились и полѣзли на стѣны замка защищаться.

Смертный часъ несчастной Эммы былъ близокъ. Это нѣжное, слабое созданье, напуганное столькими ужасами, убитое столькими горестями, лишилось совершенно ума и въ отчаяніи бѣгало по саду, призывая своего Гритлиха. Только шумъ битвы вызвалъ ее оттуда. Не чувствуя холода, побѣжала она черезъ дворъ съ слабымъ остаткомъ памяти и начала искать свою комнату, но огонь охватилъ уже большую часть замка; хотя она и не нашла ее, но, не страшась пламени, полѣзла съ непомѣрной силой и ловкостью между рыцарями на стѣны. Легкое покрывало окутывало ея голову, рыцари не узнали ее, да и имъ не до нея было.

— Кто за мной!—слышался голосъ Бернгарда, съ отвагой кидавшаго отражать русскихъ отъ разбитыхъ уже ими воротъ, но число его рейтаровъ рѣдѣло, и одинъ оглушительный ударъ русскаго меча сшибъ съ него шленъ и оторвалъ половину уха; разсыпавшіеся волосы его оросились кровью.

Блѣдный мѣсяцъ выплылъ изъ-за облаковъ и уныло глядѣлъ на кровавое зрѣлище...

Волны огня бушевали все сильнѣе и силь-

нѣе и ярко освѣщали битву, отбрасывая отъ себя далеко зарево. Со стѣнъ замка сыпалась смерть.

Не взирая на это, русскіе приставляли къ нимъ лѣстницы и, отражая удары, смѣло лѣзли по нимъ, весело перекликаясь другъ съ оругомъ.

— Чокайтесь, братцы со смертью!.. Лѣзь прямо на нее!.. Ну, лицомъ къ лицу... Вотъ такъ!..

И дѣйствительно, иной, пораженный на верхней ступени, летѣлъ мертвымъ на землю.

Эмма стояла на стѣнѣ, недалеко отъ клокочущато пламени, машинально распростерши руки и обводя всѣхъ дикимъ взглядомъ, наблюдая за каждымъ взмахомъ меча, какъ-бы ожидая, что одинъ изъ нихъ, наконецъ, поразитъ и ее.

Григорій, замѣтившій на щитахъ нѣкоторыхъ рейтаровъ девизъ Доннершварца, до того времени не участвовавшаго въ битвѣ, ринулся на нихъ, и скоро мечъ его прочистилъ ему дорогу къ ихъ начальнику.

Доннершварцъ, весь залитый желѣзомъ, подобно другимъ рыцарямъ, стоялъ среди своихъ тѣлохранителей.

Григорій, наѣхавъ на него, поднялъ наличникъ своего шишака.

— А, ты захотѣлъ проститься со мной, щенокъ! — заревѣлъ Доннершварцъ: — Прощай, кланяйся чертямъ!

Онъ поднялъ свое тяжелое копье.

— Прощай, вотъ тебѣ посылка на тотъ

свѣтъ!—возразилъ Григорій и, предупредивъ ударъ, нанесъ свой.

Копье его вонзилось въ бокъ желѣзнаго рыцаря; Григорій, переломивъ копье, оставивъ остріе его въ ранѣ. Доннершварцъ зашатался, тихо вымолвилъ свою любимую поговорку и, свалившись съ лошади, рухнулся на землю.

Григорій тихо отъѣхалъ отъ сраженнаго имъ врага, поднялъ взоръ свой къ небу и и вдругъ сердце его неполнилось неописанною радостью.

Его Эмма стояла на стѣнѣ, молча, сложа руки, и глядѣла на него пристально, но холоднымъ безжизненоымъ взглядомъ.

Онъ, понявъ этотъ взглядъ и молчаніе за ненависть къ себѣ, горько улыбнулся и тихо и нѣжно назвалъ ее по имени.

Она встрепенулась, быстро и внимательно посмотрѣла на него и, вскрикнувъ, покатилась со стѣны.

Григорій обмеръ.

Въ это время русскіе проложили себѣ путь и черезъ стѣну. Онъ первый вошелъ въ двери замка и только тогда очнулся.

Первое, что бросилось ему въ глаза, былъ обезображенный, еще теплый трупъ любимой имъ дѣвушки.

Григорій упалъ на него съ дикимъ стономъ и зарыдалъ.

Слезы облегчили его но страшная мысль осѣнила его и онъ почувствовалъ, что отнынѣ укоры совѣсти не оставятъ его до самой смерти.

— Ее поразила моя измѣна своимъ кормильцамъ, она покончила съ собой, не вынесши низости любимаго человѣка... Что-жъ, и мнѣ остается... умереть.

Онъ бросился въ битву искать смерти.

Вдругъ онъ услыхалъ знакомый голосъ.

Онъ взглянулъ назадъ а замѣтилъ старика, который прислонясь къ стѣнѣ, одинъ защищалъ входъ черезъ нее въ замокъ. Дмитрій нападая на него, вышибъ мечъ изъ рукъ его. нанесъ ударъ и, порешедши черезъ его трупъ, соединился со своими.

Григорій узналъ этого старца. Это былъ фонъ-Ферзенъ. Онъ подбѣжалъ къ нему и принялъ послѣднее проклятіе отъ умирающаго. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу нравственныхъ страданій несчастнаго юноши. Онъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ около трупа своего благодѣтеля и былъ вынесенъ своими на плечахъ изъ этого кладбища не погребенныхъ труповъ.

Все еще свирѣпствовавшее пламя освѣщало уже русскіе шишаки на стѣнахъ замка. Рѣшилъ побѣду Чурчила, поразившій на смерть единственнаго храбраго защитника замка, Бернгарда.

Начался грабежъ добычи, а затѣмъ попойка побѣдителей, ликовавшихъ весь остатокъ ночи на дворѣ догоравшаго замка.

XXV.

Подъ Новгородомъ.

— Слава тебѣ, Господи! Вотъ и Аркадьевскій монастырь, вотъ Никола на Мостицахъ, вотъ Лисья горка, вотъ Городище, а вотъ и храмъ нашей матушки-заступницы св. Софіи!—радостно восклицали русскіе дружинники, возвращавшіеся изъ Ливоніи съ богатою добычею и увидавшіе издали куполы и крыши родныхъ церквей, позолоченные лучами зимняго солнца.

— Господи, благослови наше прибытіе,— благоговѣйно сказалъ Чурчила, истово перекрестившись: — Сильно бьется ретивое, что-то знаменуетъ это.

— Какъ жаль Григорія, пропалъ безъ вѣсти, лишась своей возлюбленной! Гдѣ-то мычется теперь сердечный? Нигдѣ не отыскали мы его!—замѣтилъ Дмитрій.

— А больше всего поразило его другое горе,—промолвилъ Чурчила,—когда онъ узналъ, что отца его, Упадыша, прокляли во всѣхъ новгородскихъ соборахъ. Куда же ему дѣться, его бѣдной головушкѣ? Гдѣ теперь найдется ему отчизна? Жаль его, жаль!

Скоро многіе изъ воиновъ могли уже различить крыши своихъ домовъ и въ восторгѣ спѣшили окончить путь, погоняя лошадей.

Великій, богатый Новгородъ развернулся передъ ихъ глазами безграничной панора-

мой, кипѣлъ своимъ многолюдствомъ, и звуки разныхъ голосовъ достигали уже ихъ ушей, сливаясь съ разносимымъ вѣтромъ благовѣстомъ къ вечернямъ.

Въ это время великій князь быстрыми шагами подступалъ къ Новгороду, а передовой отрядъ его спѣшилъ занять Городище.

Чурчила съ товарищами уже подъѣзжалъ къ городу. Вблизи уже показались кресты многочисленныхъ церквей новгородскихъ. Дружинники скинули шапки и набожно перекрестились.

— Стойте, братцы!—сказалъ Чурчила, осѣнивъ себя троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ:—Прежде, чѣмъ пріѣдемъ домой, подумаемъ, гдѣ онъ у насъ будетъ: на волѣ или въ ратномъ полѣ?

Дружинники остановились.

— Вонъ, прямо-то, по косогору, что-то желтѣется на снѣгу,—замѣтилъ Дмитрій:—Я думаю, что это не городки-ли ужъ подѣланы для защиты.

— Да, должно быть, что мы съ битвы поспѣваемъ прямо въ битву,—добавилъ одинъ изъ воиновъ.

— Кажись, война у нашихъ закипаетъ съ москвитянами; но куда намъ дѣваться, чью сторону держать, куда летѣть, на вѣче, или на сѣчу?-задумчиво произнесъ Чурчила.

— Мы съ тобой всюду поспѣемъ,—отвѣчалъ Дмитрій:—Пусть голосъ нашъ заглушаютъ на дворищѣ Ярославлевомъ—мы и не взглянемъ на этотъ муравейникъ. Насъ много, молодецъ къ молодцу, такъ наши мечи

вездѣ проложатъ себѣ дорожку; усыплемъ ее тѣлами враговъ нашихъ и хотя тѣмъ потѣшимъ сердце, что это для отчизны. А широко-бородые правители наши пусть толкуютъ про что знаютъ, лишь бы намъ не мѣшали.

— Для земли родной забываю я обиды и для земляковъ готовъ всегда держать мечъ на-голо! Однако, сдѣлаемъ привалъ, чтобы свѣжими и бодрыми вернуться домой,—сказалъ Чурчила, слѣзая съ лошади.

Всѣ спѣшились.

Кто началъ кормить изъ полы кафтана свою лошадь, кто сталъ распивать круговую чару запаснаго вина.

Вдругъ невдалекѣ отъ нихъ показались длинные обозы, тянувшіеся изъ Новгорода и пробиравшіеся на псковскую дорогу.

Дружинники долго недоумѣвающимъ взоромъ слѣдили за ними.

— Однако, надобно узнать, кто это прокатываетъ свое имущество?. Видно, залежалось оно въ сундукахъ, такъ хотятъ его провѣтрить,—сказалъ Дмитрій.

— А быть можетъ, везутъ его припрятать въ надежное мѣсто отъ зоркихъ глазъ москвитянъ. Только едва-ли удастся что спрятать отъ нихъ: говорятъ, они сквозь землю видятъ, какъ сквозь стекло, да и чутье у нихъ остро къ злату и серебру,—замѣтилъ Чурчила

— Эй, вы, куда ѣдете? на теплыя моря, что-ли? — крикнули дружинники провожавшимъ обозъ людямъ.

Тѣ сперва испугались и хотѣли даже повернуть лошадей, но затѣмъ, вглядѣвшись въ кричавшихъ, довѣрчиво приблизились къ нимъ.

Это были иноземные купцы, ѣхавшіе съ товарами въ Псковъ, спасаясь отъ хищничества москвитянъ.

Начались спросы-переспросы.

Купцы разсказали дружинникамъ о новгородскихъ событіяхъ послѣднихъ дней и о начавшейся войнѣ Великаго Новгорода съ великимъ княземъ Іоанномъ и добавили въ заключеніе, что до нихъ донеслась вѣсть, что псковскія дружины сошлись съ дружинами великаго князя, а съѣстные припасы и другое продовольствіе подвигаются также къ москвитянамъ и отстоятъ уже недалеко отъ нихъ. Новгородскіе ратные люди покушались было подстеречь ихъ, такъ какъ охранныхъ воиновъ не много, но все еще перекорялись, кому вести ихъ туда.

— Братцы! метнемся на псковитянъ перемежныхъ, захватимъ, что можемъ! Веселѣй будетъ домой въѣзжать!—воскликнулъ весело Чурчила и тотчасъ вскочилъ на лошадь.

Всѣ послѣдовали его примѣру.

Обозы тянулись своею дорогою.

Окольнымъ путемъ, тайкомъ отъ глазъ и ушей, пробиралась неугомонная дружина. Почти на каждомъ шагу ихъ стерегла опасность; въ виду ихъ разъѣзжали московскіе воины, сторожившіе вылазки новгородцевъ.

Это былъ передовой отрядъ, посланный занять Городище.

Новгородскіе удальцы, доѣхавъ до извѣстнаго имъ оврага, влѣво отъ большой дороги, пролегавшей черезъ лѣсъ, поскакали по сугробамъ снѣга и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, пріостановясь, слѣзъ съ лошади, приникъ ухомъ къ землѣ и быстро сказалъ:

— Ѣдутъ, полозья скрипятъ по снѣгу, и не далеко.

Большую дорогу окружили со всѣхъ сторонъ и, выждавъ псковитянъ, мигомъ налетѣли на нихъ съ обоихъ боковъ повозокъ.

Начался грабежъ.

Изъ охранной дружины многіе разбѣжались, а остальные полегли на мѣстѣ.

— Что, небось, тяжело вамъ везти покла жи-то свои? Вотъ мы облегчимъ ихъ немного,—приговаривали новгородцы, разгружая повозки.

Но вскорѣ имъ надоѣло это и они, схвативъ за уздцы лошадей, повели ихъ за собой.

Вскорѣ они выбрались благополучно изъ лѣса на просѣку, подъ покровомъ уже нависшаго надъ землей мрака. Опять передъ ними разстилался Новгородъ, блестящій огнями.

Ночь уже вступила въ свои права.

Дружинники ѣхали тихо, путеводимые городскими огнями, и скоро окрикъ сторожевого «слушай», у городскихъ воротъ, коснулся ихъ ушей.

Быстро разнеслась молва по Новгороду о возвращеніи Чурчилы съ удальцами.

Толпа молодежи бросилась встрѣчать его;

сколько задано было ему вопросовъ, сколько посыпалось на него разсказовъ.

Чурчила узналъ о бѣгствѣ своего отца, но отъ него скрыли истинную причину и мѣсто, гдѣ онъ находится, и старались поселить къ москвитянамъ жестокую ненависть.

Онъ боялся спросить о своей Настѣ, но догадливые предупредили его и разсказали, что она никуда не показывается и все проливаетъ горькія слезы отъ разлуки съ нимъ, а что отецъ ея, посадникъ Ѳома, принуждаетъ ее выйти замужъ за одного вельможнаго ляха, который для нея перемѣнилъ даже вѣру.

— Нѣтъ, — сказалъ Чурчила, сверкнувъ глазами,—вѣнецъ или гробъ сулитъ мнѣ моя судьба, но при жизни своей злу такому не попущу я совершиться!

XXVI.

Единоборство сына съ отцомъ.

Ночь спустилась надъ Новгородомъ и его окрестностями.

Подобравъ въ руки свои висячіе мечи и чуть шевеля наборными уздами, приближался отрядъ московской дружины къ Городищу. Темнота скрывала слѣды его и онъ скоро достигъ мѣста, которое было назначено пунктомъ аттаки и остановился подъ

прикрытіемъ оврага выжидать глухого времени ночи.

Огоньки мелькали еще передъ ними вдали чуть видимыми точками; снѣгъ порошилъ и ложился на доспѣхи воиновъ бѣлою тканью.

Воеводы сидѣли въ кружкѣ. Одинъ только изъ нихъ, маститый старецъ, отдѣлившись отъ прочихъ, стоялъ, скрестивъ руки на груди, противъ Новгорода и, казалось, силился своими взорами пробить ночную темноту.

— И куда этотъ старикъ движетъ столѣтнія ноги свои!—говорилъ, указывая на него одинъ изъ сидѣвшихъ воеводъ: — Если и мыши нападутъ на него, то прежде огложатъ его, какъ кусокъ сыру, чѣмъ онъ поворотитъ руку свою для защиты. Ужъ онъ и такъ скоро кончитъ разсчетъ съ жизнью. Одинъ ударъ разсыплетъ его въ песчинки, а онъ все лѣзетъ впередъ, какъ за жалованьемъ.

— А почемъ знаешь, чего не вѣдаешь. Быть можетъ, онъ первый вышибетъ побѣду у врага. Вишь, какъ идетъ впередъ, а по проторенной-то дорожкѣ за нимъ всякому идти охотнѣе.

— Да мы и безъ него пойдемъ на Городище какъ домой,—возразилъ третій.

— Вотъ и послѣдніе огоньки зажмурились въ Новгородѣ. Теперь ударимъ-ка!

— Смѣлѣй!—проговорилъ быстро старикъ, подходя къ нимъ, и бодро и легко вспрыгнулъ на коня.

— На коней! Впередъ! — крикнули вое-

воды, и во весь карьеръ пустились вверхъ на Городище.

— Ступайте на тотъ свѣтъ, дорога всѣмъ просторна!—встрѣтили ихъ голоса, и передніе воины, осыпанные градомъ стрѣлъ покатились вмѣстѣ съ конями подъ гору.

— А! подстерегли, злодѣи! — воскликнулъ старикъ, и оправясь отъ перваго отпора новгородцевъ, разжегъ нагайкой своего коня и пустилъ его въ самую середину враговъ.

Битва сдѣлалась повсемѣстною.

Москвитянъ было больше числомъ, но Чурчила, предводительствуя новгородцами, сохранялъ равновѣсіе силъ, сражаясь въ центрѣ.

Мечъ его сверкалъ надъ головами враговъ, щитъ его былъ перерубленъ, и онъ откинулъ его.

Старикъ, со стороны москвитянъ, съ ловкостью юноши управлялъ своимъ оружіемъ, мечъ его только вмѣстѣ съ смертью опускался на головы противниковъ, разщемлялъ и мялъ крѣпкіе шишаки ихъ.

Чурчила въ свою очередь не дѣлалъ мечемъ ни одного промаха.

Всѣ воины дрались съ остервенѣніемъ.

Новгородцы не уступали.

Главные бойцы-противники наскочили одинъ на другого.

— Сдавайся!—воскликнулъ Чурчила, закидывая на спину другой щитъ свой и направляя на старика мѣткій ударъ.

— Я никогда на сдавался и не поддамся никому, — гордо отвѣчалъ старикъ, и ловко отбилъ ударъ Чурчилы.

— Такъ я научу тебя ползать не только передо мной, но еще подъ ногами моего коня!—съ бѣшенствомъ крикнулъ новгородскій богатырь, и однимъ взмахомъ меча своего вышибъ мечъ противника.

— Сдавайся-же! — приставилъ онъ остріе меча къ его груди, — а то я проткну тебя насквозь, какъ воздухъ.

— Какъ удастся, повалимся хоть вмѣстѣ,— отвѣчалъ старикъ, и пустилъ въ него копье, мотавшееся за его спиною.

Копье вонзилось въ шею лошади, задрожало въ ней, и она, пронзенная, зашатавшись, упала со всадникомъ.

Быстро вскочилъ Чурчила на землю.

— О, ты не стоишь желѣза!

Онъ перевернулъ свое копье чупымъ концомъ и готовъ былъ вышибить изъ сѣдла своего противника, какъ вдругъ раздавшійся вблизи выстрѣлъ освѣтилъ лица обоихъ:

Они съ содроганіемъ отступили другъ отъ друга.

— Батюшка! — упавшимъ голосомъ прошепталъ Чурчила и выронилъ изъ рукъ мечъ.

— Сынъ! — воскликнулъ не менѣе пораженный Кириллъ:—Это мы съ тобой ищемъ жизни другъ у друга?.. Вотъ до чего насъ довела лихая судьба!

Старикъ всплеснулъ руками.

Чурчила молчалъ.

— И ты останешься другомъ враговъ моихъ? Прежде отрекись отъ меня! — продолжалъ Кириллъ.

— Что-же дѣлать, батюшка! Я цѣловалъ крестъ служить Великому Новгороду.

— Инъ быть такъ!—сквозь слезы проговорилъ старикъ.

Кругомъ нихъ раздавались гики и вопли, кипѣла битва, но отецъ, не взирая ни на что, слѣзъ съ лошади и, возложивъ крестообразно руки на голову колѣнопреклоненнаго сына, благословилъ ее.

— Быть можетъ, мы не увидимся! И я цѣловалъ крестъ Іоанну. Проклятіе небесъ поразитъ того, кто не исполнитъ клятвы! Прощай, кланяйся Ѳомѣ. Если онъ одумается, то я охотно готовъ назвать его дочь моею.

Чурчила плакалъ навзрыдъ.

Кириллъ тоже.

— Еще прощай!

— А если мы въ другой разъ встрѣтимся?—спросилъ Кириллъ.

— Тогда ужъ, конечно, я отклоню мечъ свой отъ тебя!—отвѣчалъ сынъ.

Они разстались и обнялись.

Москвитяне, между тѣмъ, стали брать видимый перевѣсъ численностью.

Дмитрій одинъ не въ силахъ былъ отражать ихъ напора. Къ тому-же какой-то ляхъ, вмѣшавшійся въ число сражающихся, вскорѣ бѣжалъ и разстроилъ своихъ.

Смятеніе въ рядахъ сдѣлалось всеобщимъ.

Чурчила, разставшись съ отцомъ, бросился на помощь къ товарищамъ, но поздно: онъ успѣлъ только поднять мечъ, брошенный ляхомъ во время бѣгства, и поспѣшилъ съ нимъ на помощь къ новгородскому вое-

водѣ, недавно принявшему участіе въ битвѣ и, будучи самъ пѣшій, сталъ защищать его отъ конника, мечъ котораго уже былъ готовъ опуститься на голову воеводы... Чурчила сдѣлалъ взмахъ мечемъ, и конь всадника опустился на колѣна, а самъ всадникъ повалился черезъ его голову и мечъ воткнулся въ землю.

— Кто-бы ты ни былъ, храбрый витязь!— радостно произнесъ водвода, спасенный отъ смерти, — прими отъ меня этотъ перстень вмѣсто талисмана и дѣйствуй на меня имъ по твоему произволенію: все что только нейдетъ противъ чести и совѣсти, все сдѣлаю я для тебя. Клянусь въ томъ смертнымъ часомъ моимъ!

Онъ сунулъ въ руку Чурчилы перстень.

Послѣдній обомлѣлъ: онъ узналъ по голосу спасеннаго имъ: это былъ посадникъ Ѳома, отецъ Насти.

Нравственное потрясеніе въ связи съ обиліемъ потерянной крови обезсилили его.

Онъ упалъ.

На двухъ щитахъ понесли его въ Новгородъ.

Новгородцы отступили.

Такимъ образомъ Городище было занято москвитянами въ одну ночь.

Вечеромъ 27-го ноября великій князь подступилъ къ Новгороду съ братомъ своимъ Андреемъ меньшимъ и съ племянникомъ, княземъ Верейскимъ, и расположился ставками у Троицы на Озерской, на берегу Волхова, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ

Лошанскомъ. Брату своему велѣлъ онъ стать въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, князю Ивану Юрьевичу—въ Юрьевскомъ, Холмскому—въ Аркадьевскомъ, Александру Оболенскому—у Николы на Мостицахъ, Борису Оболенскому—въ мѣстечкѣ Соковѣ, у Благовѣщенья, князю Василію Верейскому—на Лисьей горкѣ, а боярину Ѳедору Давыдовичу и князю Ивану Стригѣ-Оболенскому—на Городищѣ.

Городъ, такимъ образомъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, великій князь рѣшилъ заставить сдаться новгородцевъ, истомивъ ихъ голодомъ.

Псковитяне подвозили къ нему, кромѣ огнестрѣльнаго оружія, хлѣбъ пшеничный, калачи, муку, рыбу, медъ, и станъ его имѣлъ видъ постояннаго шумнаго пира.

Новгородцы-же были лишены всякаго продовольствія и голодали.

Только порой смѣльчаки, предводимые Чурчилой, внезапно дѣлали вылазки изъ города, врасплохъ нападали на москвитянъ и отбивали у нихъ кое-что изъ продовольствія.

Великій князь зналъ Чурчилу, зналъ чей онъ сынъ и назначилъ награду за поимку его столько золота, сколько потянетъ самъ пойманный.

Но сдѣлать это было не легко.

XXVII.

Прерванное обручеіне.

Прошло нѣсколько дней. Былъ поздній зимній вечеръ.

Теремъ степеннаго посадника Ѳомы весь горѣлъ огнями, пробивавшимся наружу лишь сквозь узкія щели желѣзныхъ ставень.

Ворота были раскрыты настежъ. На дворѣ, подъ навѣсомъ, слышалось фырканье лошадей, лай цѣпныхъ псовъ, звонъ ихъ цѣпей, бѣготня прислуги и скрипъ то и дѣло въѣзжающихъ во дворъ саней, пошевней, росней, роспусковъ.

Изъ экипажей выходили гости, и поднявшись на нѣсколько ступеней крыльца, отряхивались въ сѣняхъ отъ снѣга и входили въ пріемную свѣтлицу, истово крестясь въ передній уголъ и кланяясь хозяину и гостямъ.

Пріемная свѣтлица, ярко освѣщенная огнями, была полна разряженными женщинами.

Въ красномъ углу, подъ образомъ Пречистой Бородицы, были поставлены двѣ небольшія скамьи, обитыя голукою камкою.

Онѣ были пусты.

Посрединѣ свѣтлицы стоялъ длинный столъ, покрытый бѣлой скатертью и буквально ломившійся отъ разныхъ сладкихъ закусокъ, оловянниковъ крѣпкаго меда и другихъ яствъ и питій.

Въ заднемъ углу, за толстымъ обрубкомъ

дерева, недвижимо сидѣлъ немолодыхъ уже лѣтъ мужчина, съ широкою бородою, закрывавшею половину его лица. Длинные волосы: широкими прядами спадавшіе также на лицо этого человѣка, закрывали его совершенно, только глаза, черные какъ уголь, быстрые, блестящіе, пристально глядѣли на поверхность стоявшаго передъ нимъ сосуда, наполненнаго водой.

Это былъ знахарь, или кудесникъ, приглашенный Ѳомою въ его теремъ, по обычаю того времени, такъ какъ безъ него не могъ состояться ни одинъ бракъ, а вечеръ этотъ былъ назначенъ для благословенія образомъ и обрученія невѣсты и жениха—дочери посадника Ѳомы, Настасьи и польскаго пана.

Кудесникъ гадалъ о будущей судьбѣ ихъ.

Всѣ гости притаили дыханіе, смотря на его занятія, глядѣли на него съ суевѣрнымъ страхомъ и лишь изрѣдка переглядывались между собою, покачивая головами, и шептали про себя охранную молитву, считая его дѣйстій сношеніемъ съ нечистой силой.

Вдругъ среди невозмутимой тишины кудесникъ поднялъ голову, окинулъ всѣхъ своимъ стальнымъ взглядомъ и глухо проговорилъ:

— Кровь на днѣ!

Лица всѣхъ поблѣднѣли отъ ужаса.

— По окончаніи обряда благословенія, вспрысни жениха съ невѣстой этой водой и отъ нихъ отлегнетъ всякое зло, и сила нечистая ожгетъ крылья свои при прикосновеніи къ нимъ.

Всѣ оживились, воспрянули, точно гора свалилась съ плечъ у каждаго.

Гости изъявили желаніе скорѣй видѣть невѣсту, и Настасья Ѳоминична, по зову своего отца, тихо вышла изъ боковой свѣтлицы.

Ея мать, сгорбленная старушка, вела свою дочь, сама опираясь на костяной костыль.

Мать съ дочерью, войдя въ пріемную, раскланялись и прошли въ красный уголъ подъ икону Пречистой, гдѣ невѣста заняла приготовленное для нея мѣсто, продолжая, какъ и при входѣ, плакать почти навзрыдъ.

Въ это-же время въ сѣняхъ раздались быстрые шаги, бряцанье мечей и голоса:

— Женихъ, женихъ пріѣхалъ.

Настасья Ѳоминична такъ и замерла на своей скамьѣ.

— А, панъ Зайцевскій! — радостно привѣтствовалъ его Ѳома:—Гдѣ-же твой дружко?

Зайцевскій молча указалъ на дверь, въ которую съ надменнымъ видомъ входилъ панъ Звержановскій.

Онъ былъ одѣтъ такъ-же, какъ и его товарищъ.

Невѣста сидѣла неподвижно. Казалось, она жила и дышала какъ-то машинально.

Началась бесѣда о новгородскихъ дѣлахъ, но ее вскорѣ прервалъ кудесникъ:

— Пора!—возгласилъ онъ:—Прежде чѣмъ закатится вечерняя звѣзда, вамъ должно уже совершить начатое, а то горе, горе ослушавшимся.

Сказавъ это, онъ окинулъ всѣхъ своимъ пылающимъ взоромъ.

Его тотчасъ подхватили подъ руки и повели въ красный уголъ, гдѣ и усадили рядомъ съ женихомъ и невѣстой, чтобы онъ силою своихъ заклинаній отгонялъ отъ обручающихся вражеское навожденіе и охранялъ ихъ отъ всякаго зла и напастей.

Всѣ по-очереди подносили ему сладкія яства и питія, а хозяинъ—и пенязи на блюдѣ.

Обрученіе съ минуты на минуту должно было начаться, какъ вдругъ въ запертыя ворота раздался такой сильный стукъ, что дрогнули стѣны и окна дома.

Послышался голосъ со двора и, повидимому, начались переговоры. Затѣмъ все смолко, но скоро раздался вторичный ударъ въ ворота, и онѣ, пронзительно заскрипѣвъ петлями, растворились. Послышались тяжелые шаги, сперва по двору, затѣмъ по сѣнямъ, а, наконецъ, и у самой двери.

— Кто это такъ смѣло и, кажется, насильно ворвался въ мой теремъ? Дорога-же ему будетъ расплата со мной!—сердито заговорилъ Ѳома.

Страшно перепуганные гости жались другъ къ другу, а кто былъ посмѣлѣй, схватились за рукоятки своихъ мечей.

Быстро распахнулась дверь и въ свѣтлицу вошелъ атлетическаго сложенія богатырь. Онъ былъ весь залитъ желѣзомъ, тяжелый мечъ тащился съ боку, другой, обнаженный, онъ держалъ подъ мышкой, на лѣвомъ локтѣ

былъ поднятъ шлемъ, наличникъ шишака былъ опущенъ.

— Чуръ насъ! Чуръ насъ!—заговорили въ полголоса гости, почтя явленіе это за сверхъестественное.

— Аминь, разсыпся!—произнесъ громкимъ голосомъ кудесникъ, устремивъ на вошедшаго свои странные глаза.

— Я не духъ, а человѣкъ, а потому ты самъ разсыпешься у меня отъ этого аминя въ пшено,—обратился богатырь къ кудеснику, встряхнувъ рукой свой огромный палашище.

— Что-же ты за наглецъ,—сказалъ ободрившись Ѳома,—что не званый ворвался въ мои ворота, какъ медвѣдь въ свою берлогу? Въ свѣтлицу вошелъ не скинувъ шишака своего и даже не перекрестился ни разу на святыя иконы. За это ты стоишь, чтобы сшибить тебѣ шишакъ вмѣстѣ съ головою.

— Очнись, Ѳома! Я больше тебя помню Бога и чаще славлю всѣхъ Его угодниковъ,—возразилъ незнакомецъ:—съ тобой разсчетъ буду вести послѣ, а теперь я хочу поговорить съ этимъ паномъ.

Онъ указалъ на Зайцевскаго.

Послѣдній попятился спиной къ стѣнѣ.

— Я не помню, не знаю, не слыхалъ и не видывалъ тебя никогда!—проговорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Порази тебя гнѣвъ небесный и оружіе земное. По крайней мѣрѣ узнаешь-ли ты этотъ мечъ, который былъ покинутъ тобою въ ночь битвы на Городищѣ. Ты первый

показалъ хвостъ коня своего москвитянамъ и разстроилъ новгородскія дружины. Этотъ мечъ, я самъ узналъ недавно, принадлежитъ тебѣ.

— Если-бы ты сказалъ это мнѣ не здѣсь, я-бы скорѣй умеръ, а не снесъ этого и зажалъ-бы ротъ твой саблею, я-бы изломалъ въ груди твоей этотъ мечъ, лжецъ безстыдный! — съ бѣшенствомъ заговорилъ Зайцевскій.

Онъ понималъ, что это обвиненіе для него страшно, такъ какъ всѣ проклинали ляха, разстроившаго стройные ряды новгородцевъ и погубившаго все дѣло.

— Лжецъ, я лжецъ?. — заревѣлъ богатырь:—Смотри, изувѣръ, чье имя вычеканено на клинкѣ?

Съ этими словами онъ схватилъ его за шиворотъ и потащилъ на средину свѣтлицы?

— Прими-же твое отъ твоихъ!

Онъ взмахнулъ надъ Зайцевскимъ его собственнымъ мечемъ.

— Пощади!—взмолился онъ задыхающимся голосомъ.

— Съ условіемъ, сознайся, что тебѣ принадлежитъ этотъ мечъ...

— Сознаюсь, только отпусти меня!..

— Еще одно слово, отступись отъ Настасьи...

— Зайцевскій молчалъ.

— Умри-же!..

— Отступаюсь!..

Богатырь выпустилъ пана, который быстро улепетнулъ въ открытую дверь, куда

уже ранѣе, воспользовавшись переполохомъ, успѣлъ улизнуть Зверженовскій.

Ѳома, услыхавъ признаніе Зайцевскаго и увидавъ его позорное бѣгство, подошелъ къ неизвѣстному:

— Я благодаренъ тебѣ, храбрый витязь!—сказалъ онъ, протягивая свою руку:—Ты вырвалъ худую траву изъ моего поля.

Витязь опустилъ въ руку его перстень.

Ѳома вздрогнулъ.

— Больше чѣмъ другъ—братъ! Требуй, по условію, отъ меня что хочешь?

— Добавь къ этимъ названіямъ имя сына...

Неизвѣстный открылъ наличникъ.

— Желанный мой, ты живъ!—воскликнула радостно Настасья и, забывъ стыдъ дѣвичій, бросилась ему на шею.

— Соколъ ты мой ясный! Золотыя твои перышки!—заговорила старуха и начала также обнимать его.

Ѳома соединилъ руки своей дочери и... Чурчилы.

Нужно-ли было говорить, что это былъ онъ?

XXVIII.

Признаніе посольства Назарія.

Павелъ Косой, возвратившись изъ Ливоніи, успѣлъ только навѣстить свое любимое Чертово ущелье и перешелъ соглядатаемъ къ московскому воинству.

Черезъ Павла великій князь узналъ о го-

лодѣ въ Новгородѣ и спокойно ожидалъ его сдачи, зная, что недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ переупрямитъ новгородцевъ.

Со стороны осаждавшихъ не было ни одного непріязненнаго дѣйствія, они наблюдали только, чтобы ни одинъ возъ съ провіантомъ не проѣхалъ въ городъ и, такимъ образомъ, осажденные, кромѣ наступившаго голода, це терпѣли никакихъ безпокойствъ, расхаживали по своимъ сѣнамъ, изрѣдка стрѣляли изъ пищалей и, смѣнясь съ карула, возвращались къ своимъ домашнимъ работамъ.

Наконецъ, 4-го декабря, прибылъ въ ставку великаго князя владыко Ѳеофилъ съ тою-же свитою, но получивъ тотъ-же отвѣтъ, печально возвратился думой.

Въ тотъ-же день подступилъ къ Новгороду царевичъ Даніаръ съ воеводою Василіемъ Образцемъ, Андреемъ старшимъ и тверскимъ воеводою.

Они расположились въ монастыряхъ: Кирилловѣ, Андреевѣ, Ковалевскомъ, на Деряевницѣ и у Николы на Островкѣ.

Городъ сжали еще болѣе.

Услыхавъ о прибытіи новой рати, Ѳеофилъ на другой день прибылъ опять къ великому князю бить усердно челомъ.

Іоаннъ, которому надоѣла уже нерѣшительность новгородцевъ, принялъ его холодно и сурово спросилъ:

— Долго-ли ты, отецъ святой, будешь разгуливать изъ стороны въ сторону: я опасаюсь, что твоя излишняя приверженность къ

отчизнѣ не была-бы сродни вреду.

Ѳеофилъ вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Государь! Мы признаемъ истину посольста Назарія съ Захаріемъ.

Онъ не въ силахъ былъ договорить. Его голосъ оборвался и онъ замолкъ.

— Тѣмъ лучше для васъ?—сказалъ улыбнувшись Іоаннъ.

— Что-же ты хочешь отъ насъ теперь, государь?—робко спросилъ Ѳеофилъ!—Сними осаду и дай намъ передохнуть.

— Я хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ!—лаконически отвѣчалъ Іоаннъ.

— Дай намъ прежде поразмыслить объ этомъ. Новгородцы рѣшились пожертвовать своею жизнью за свободу, трудно заставить ихъ повиноваться...

— Ослѣпленные глупцы. — воскликнулъ князь:—Да развѣ они теперь свободны? Развѣ они не въ моихъ рукахъ!

Ѳеофилъ удалился, получивъ три дня на размышленіе.

Между тѣмъ, по наказу Іоанна, прибыло псковское войско и расположилось въ селѣ Ѳедотинѣ и въ Троицкомъ монастырѣ на Баряжѣ.

Затѣмъ онъ приказалъ своему художнику, Аристотелю, начать постройку моста подъ Городищемъ, какъ-бы для приступа, и скоро мостъ этотъ, устроенный на судахъ, обогнулъ собою непроходимое мѣсто.

Все содѣйствовало успѣху Іоанна.

Въ виду новгородцевъ, его воины приложились къ образамъ подъ знаменами и, зч-

игравъ въ зурны, двинулись. Подковы копей ихъ и колеса зашумѣли по мосту.

Все имѣло видъ приступа.

Но вотъ открылись городскія ворота и изъ нихъ вышелъ архіепископъ Ѳеофилъ со свитою.

— Возьми, государь, съ насъ такую дань, какую мы будемъ въ силахъ заплатить тебѣ,, только не требуй новгородцевъ къ себѣ на службу и не поручай имъ оберегать сѣверо-западные предѣлы Россіи. Молимъ тебя объ этомъ униженно.

— Когда вы признали меня государемъ своимъ,—отвѣчалъ Іоаннъ,—то не можете указывать, какъ править вами.

— Какъ-же?—сказалъ Ѳеофилъ:—Мы не спознали еще московскаго обыкновенія.

— Знайте-же—отвѣчалъ великій князь:—вѣченой колоколъ вашъ замолкнетъ навѣки, и будетъ одна власть судная государева. Я буду имѣть здѣсь волости и села, но, склонясь на мольбы народа, обѣщаю ни выводить людей изъ Новгорода, не вступаться въ отчины бояръ и еще кое-что оставить по-старинѣ.

Ѳеофилъ опять вышелъ изъ ставки и еще потребовалъ времени на размышленіе.

Ему дали срокъ, но заявили, что это въ послѣдній разъ.

Сама Мареа соглашалась на сдачу города, съ условіемъ, чтобы судъ оставался по-старинѣ. Это условіе служило ея безопасностью, но, узнавъ непреклонность великаго князя, снова стала возстановлять противъ него

народъ. Голосъ ея, впрочемъ, потерялъ большую часть своей силы въ виду вражды ея съ Чурчилою, боготворимымъ народомъ, который называлъ его кормилицемъ Новгорода, такъ какъ онъ не разъ отбивалъ у москвитянъ обозы съ проніантомъ.

Онъ теперь одинъ съ своими товарищами дозорилъ осаждавшихъ и дѣлалъ нечаянныя вылазки на нихъ.

Свадьба его съ Настасьей Ѳоминичной была отложена по случаю поста, который уже оканчивался.

Прошло нѣсколько дней.

На вѣчѣ собралось множество народа.

Ожидали возвращенія Ѳеофила, который, по окончаніи даннаго ему срока, отправился къ Іоанну предъявить ему предложенныя Новгородъ условія.

Наконецъ, возвратился Ѳеофилъ.

Твердою поступью вошелъ онъ на вѣче, но видъ его былъ смущенъ. Въ изнеможеніи опустился онъ на лавку и нѣкоторое время молчалъ. Всѣ вопросительно глядѣли на него съ томительнымъ ожиданіемъ. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Іоаннъ не соглашается ни на что. Далъ слово не выводить новгородцевъ въ Низовскую землю, не судить ихъ въ Москвѣ, не звать туда на службу, но когда я потребовалъ отъ него клятвы и присяги съ крестнымъ цѣлованіемъ, онъ отшвырнулъ наши грамоты и сказалъ: «Государь не присягаетъ», и самъ отошелъ въ сторону. Я просилъ бояръ, чтобы они присягнули за него,

но они не согласились. Даже «опасныхъ грамотъ» не далъ мнѣ великій князь, сказавъ: «Переговоры кончены». Теперь я окончилъ походы свои, дѣлайте, что внушать вамъ благія мысли ваши.

Ѳеофилъ умолкъ.

Любовь къ старинной вольности послѣдній разъ наполнила сердца новгородцевъ. Они думали, что Іоаннъ хочетъ обмануть ихъ, а потому и не даетъ клятвы. Бояре, посадники болѣе всего трепетали за свои отчины.

— Требуемъ битвы, умремъ за вольность и св. Софію!—крикнули тысячи голосовъ.

Взрывъ ихъ смѣлости продолжался, впрочемъ, не долго.

Ежедневно множество всякаго чина людей уходили изъ Новгорода и передавались москвитянамъ. Наконецъ, и самъ Василій Шуйскій-Гребенка, всегда вѣрный, ревностный заступникъ новгородской свободы, сложилъ съ себя чинъ воеводы и вступилъ на службу къ Іоанну, принявшему его радушно и милостиво.

Нѣсколько дней продолжались еще смятеніе въ Новгородѣ, но слабое, не поддерживаемое никѣмъ.

Марѳа боялась выходить на вѣче, такъ какъ народъ достаточно оцѣнилъ ее и не разъ уже увѣсистые камни жужжали надъ ея головой и ударялись въ ея роскошныя пошенпи.

Она сидѣла дома, близкая къ мысли о самоубійствѣ.

Наконецъ, снова Ѳоофилъ предсталъ предъ

лицо Великаго князя и смиренно спросилъ:

— Чѣмъ пожалуешь насъ, государь?

— Своего слова не перемѣняю, что обѣщалъ, то исполню!—отвѣтилъ Іоаннъ.

Ѳеофилъ отъ имени Новгорода предложилъ ему Ауки Великія и Ржеву Пустую, но великій князь не взялъ.

— Избери-же, государь, что самъ пожелаешь, мы полагаемся во всемъ на Бога и на тебя.

Іоаннъ взялъ нѣсколько обежъ или тяголъ,

Ѳеофилъ началъ упрашивать его снять осаду.

— Мы терпимъ смертную истому голодную!—говорилъ онъ.

Великій князь велѣлъ боярамъ прежде условиться о дани и потребовалъ списокъ новгородскихъ волостей.

Новгородцы съ своей стороны просили, чтобы онъ не посылалъ къ нимъ писцовъ для провѣрки, называя ихъ хапунами, а вѣрилъ-бы совѣсти новгородской.

Іоаннъ обѣщалъ, но взамѣнъ потребовалъ, чтобы они очистили дворъ Ярославлевъ и взяли-бы съ народа присягу въ вѣрности ему, Іоанну.

Переговоры продолжались шесть дней.

Упрямые новгородцы и послѣ этого не вдругъ согласились отворить ворота, такъ что Іоанну пришлось снова пустить въ дѣло огнеметы.

XXIX.

Гаданье.

Наступилъ праздникъ Рождества Христова. Уныло, не по праздничному, звучали новгородскіе колокола. Начались святки. Зачѣмъ было не до веселья; только въ домѣ посадника Ѳомы шли своимъ чередомъ предсвадебные пиры, и каждый вечеръ свадебные поѣзда Чурчилы съ гикомъ и гамомъ останавливались у тесоваго крыльца.

Чурчила былъ на седьмомъ небѣ и готовъ былъ, казалось, обнять весь міръ.

Однажды, подъ вечеръ, Дмитрій, шедшій къ Чурчилѣ, столкнулся съ нимъ у его воротъ.

Послѣдній былъ одѣтъ по дорожному съ надвинутою шапкою и суковатою палкою въ рукахъ.

— Это ты, Чурчила?—сказалъ Дмитрій:—Куда это?.. На богомолье, что-ли, къ соловецкимъ отправляешься?

— Какъ-то зазорно сказать тебѣ правду-матку, а надобно сознаться,—отвѣчалъ Чурчила:—Я иду не близко, къ тому кудеснику, который нанялся быть у насъ на свадьбѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что у него есть старшій братъ, который можетъ показать мнѣ всю мою судьбу, какъ на лодони, а мнѣ давно больно хочется узнать ее.

— Чуденъ ты!—улыбнулся Дмитрій:—Люди гадаютъ, сидя на бѣдѣ, да въ несчастьи

кругомъ по горло, а ты выплелся изъ того и другого. О чемъ тебѣ-то гадать приспичило.

— Мало-ли думъ въ головѣ? Слышишь-ли, какъ гудитъ выстрѣлъ въ ущельѣ, вѣдь онъ на чью нибудь жизнь посланъ?.. Новгородъ долженъ пасть. Если мы рѣшимся умереть за него, на кого покинемъ женщинъ и дѣтей? Эта мысль гложетъ мое сердце.

— Но не опасно-ли идти одному въ неизвѣстное тебѣ мѣсто, къ незнакомымъ людямъ? можетъ, они замышляютъ какія-нибудь ковы противъ тебя?

— Я не зову тебя съ собой! — надменно произнесъ Чурчила и пошелъ своей дорогой.

— Постой, дай еще словцо вымолвить!— остановилъ его Дмитрій:—Что-то сердце мое вѣщуетъ не къ добру. Послушайся совѣта брата своего незваннаго, останься, или — я пойду съ тобой.

— Нѣтъ, не мѣшай мнѣ; со мной мечъ. Такъ велѣно, чтобы я былъ одинъ и безъ креста,—сказалъ Чурчила и былъ уже далеко отъ него.

Чурчила шелъ къ не забытому, быть можетъ, читателемъ пустырю за Московской заставой, къ той избушкѣ, у которой, передъ отходомъ въ Ливонію, прощался Павелъ съ Семеномъ.

Послѣдній жилъ еще въ ней и онъ-то и пригласилъ Чурчилу погадать о его судьбѣ.

Тусклый мѣсяцъ какъ-бы нехотя проглядывалъ сквозь тонкія облака. Выстрѣлы съ этой стороны слышались громче и отдава-

лись звучнымъ эхо, можно было даже различать шумъ голосовъ сражающихся.

Чурчила смѣло шелъ далѣе, миновалъ луговину, прошелъ лѣсъ.

Передъ нимъ уже виднѣлась изба, казавшаяся черною кучею на отливѣ бѣлаго снѣга. Сквозь щели этого полуразрушеннаго жилища виднѣлся мерцающій огонекъ.

Чурчила подошелъ ближе. Кругомъ все было тихо, только за избушкой, показалось ему, что кто-то роетъ землю.

«Ужъ не мнѣ-ли готовятъ могилу?»—мелькнуло въ его головѣ.

Его вниманіе привлекло открытое окно: вмѣсто болта мотались у ставня кости человѣческихъ рукъ.

Онъ поглядѣлъ въ окно.

Въ переднемъ углу, гдѣ обыкновенно у всѣхъ христіанъ виситъ ликъ какого-нибудь святаго, что-то было завѣшано бѣлымъ полотенцемъ, запачканнымъ кровью.

«Что-бы ни было, что-бы ни случилось со мной»,—подумалъ Чурчила — «а надобно-же войти въ избушку».

И лишь только хотѣлъ онъ схватиться за скобку двери, — она сама разпахнулась передъ нимъ съ жалобнымъ визгомъ ржавыхъ желѣзныхъ петель.

Послышался стонъ, какъ-бы отъ лопнувшей струны или отъ завываніе тетивы послѣ спущенной стрѣлы; огонь въ избушкѣ, вспыхнувъ, погасъ.

Кругомъ сдѣлалось непроглядно темно, но Чурчила, обнаживъ мечъ и ощупавъ имъ

передъ собою, двинулся далѣе. Вдругъ что-то, фыркнувъ подъ его ногами, бросилось къ нему на грудь, устремивъ на него зеленоватые, блестящіе глаза.

Чурчила ткнулъ его остріемъ меча; животное издало пронзительный, отвратительный звукъ и исчезло съ хрипѣньемъ.

Въ этотъ-же моментъ около него раздался дикій хохотъ и чья-то холодная, какъ ледъ, рука обвилась вокругъ его шеи, какъ-бы стараясь задушить его.

Чурчила, оторопѣвъ было сначала, вскорѣ оправился, схватилъ руку своею такъ сильно, что она хрустнула и отпала, какъ-бы оторванная. Почувствовавъ затѣмъ кого-то около себя, онъ съ силой отпихнулъ его и, было слышно, какъ неизвѣстное существо ударилось объ уголъ избушки и что-то посыпалось изъ-за стѣны.

— Слава храброму Чурчилѣ!—раздался голосъ:—ты выдержалъ испытаніе, разсѣялъ силу вражескую, теперь тебѣ опасаться нечего—ты гость мой!

Въ избушкѣ снова заблесталъ огонь.

У ея порога стоялъ старикъ съ льняной бородой и такимъ-же волосами, падавшими на лицо.

— Садись-же, дорогой гость! Я давно знаю тебя и давно ожидалъ къ себѣ. Выпей-ка моего составца: онъ съ дорожки укрѣпитъ тебя, — заговорилъ старикъ, подавая Чурчилѣ какую-то влагу въ человѣческомъ черепѣ и вперивъ въ него свои быстрые насмѣшливые глаза.

Да это кровь! — отвѣчалъ Чурчила, разсмотрѣвъ поданное питье и отстранилъ отъ себя сосудъ.

— А меньшой братъ мой, Семенъ сказывалъ мнѣ про тебя, что ты отваженъ, а ты, я вижу, что баба трусливая, не рѣшаешься отвѣдать этого составца. Онъ для тебя нарочно приготовленъ. Это не кровь, а молоко бѣшеной волчицы съ корнемъ той осины, на которой удавился Іуда, — замѣтизъ старикъ, снова подавая Чурчилѣ сосудъ.

— Что это, еще что-ли испытаніе? — воскликнулъ Чурчила: — Только я его не хочу выдерживать, — и опять отпихнулъ сосудъ такъ, что часть жидкости пролилась на полъ.

— Выпей-же!—произнесъ грозно старикъ и подалъ сосудъ прямо подъ носъ Чурчилы.

Чурчила вспыхнулъ и, выхвативъ сосудъ, бросилъ его на полъ. Часть жидкости попала на одежду хозяина, зашипѣла и прожгла ее. Одежда задымилась.

— А! ты хотѣлъ меня зельемъ опоить, прислужникъ сатаны!—крикнулъ Чурчила:— Я разгадалъ твое гаданье, разгадай ты теперь мое: долго-ли тебѣ осталось жить?

Онъ схватился за мечъ.

Старикъ молча погрозилъ ему и таинственно указалъ ему на находившіяся въ избѣ палати, на которыхъ что-то шевелилось.

Чурчила взглянулъ и увидѣлъ пѣтуха, вытягивавшаго шею и хлопавшаго крыльями.

Пѣтухъ запѣлъ.

— До трехъ разъ могу я слышать его пѣніе,—проговорилъ старикъ,—а въ четвер-

рый меня уже не застанетъ земля. Вотъ тебѣ клыкъ чернаго быка съ краснымъ остріемъ, онъ обмокнутъ въ крови летучей мыши и заклятъ противъ всѣхъ дуновеній нечистой силы; держи его при себѣ, а мнѣ дай мечъ свой. Только остеръ-ли онъ и гладко-ли лезвіе его?

Если хочешь, подставь шею, я попробую на ней, но иначе я не отдамъ своего меча...

— Я вылощу его еще острѣй и глаже, и ты на немъ прочтешь все, что желаешь знать...

Старикъ, замолчалъ, пытливо глядя на Чурчилу.

Послѣдній тоже молчалъ.

Пѣтухъ пропѣлъ въ другой разъ.

— Чу, второй разъ! Третьяго крика я не перенесу и прощусь съ тобою,—отшатнулся отъ Чурчилы старикъ.—А я-бы могъ повѣдать тебѣ многое о перемѣнахъ въ Новгородѣ... о Настасьѣ.

Старикъ остановился, взглянувъ на Чурчилу изъ подлобья.

— Говори, говори, старичекъ, возьми мечъ мой,—сталъ вдругъ упрашивать его послѣдній и отдалъ мечъ.

Жадно схватилъ его старикъ и вдругъ крикнулъ далеко не старческимъ голосомъ:

— А, невавистный человѣкъ, наконецъ-то, ты въ моихъ рукахъ!.. Теперь-то я до-сыта, нѣтъ,—ненасытно начну пить кровь твою!

Онъ бросился на Чурчилу.

Послѣдній не потерялся и схватилъ его за бороду, Борода осталась въ его рукахъ. Мечъ

просѣкъ ему плечо, но разгоряченный юноша только встяхнулся и схватилъ своего соперника за горло.

Старикъ яростно крикнулъ. На палатахъ слышалась возня, и четыре рослыхъ, плечистыхъ мужика съ кистенями въ рукахъ прыгнули на полъ и бросились на Чурчилу.

Послѣдній, прижавшись въ уголъ, отбивался отъ нихъ старикомъ, котораго продолжалъ держать за горло.

Минуты Чурчилы были сочтены, какъ вдругъ дверь избушки отъ сильнаго удара распахнулась, сорвавшись съ петель. Въ избу вбѣжалъ Дмитрій со своими удальцами и, взглянувъ на старика, крикнулъ ему.

— Павелъ, полно жить!

Чурчила только изъ этого восклицанья узналъ Павла, но не разглядѣлъ его, такъ какъ его голова, снесенная съ плечъ мечемъ Дмитрія, подпрыгнула нѣсколько разъ по полу и укатилась въ темный уголъ, а туловище, простоявъ минуту, тоже рухнулось.

Пѣтухъ пропѣлъ третій разъ — предсказаніе убитаго сбылось.

Семенъ съ остальными злодѣями лежали на полу избы въ предсмертныхъ корчахъ.

Дмитрій вывелъ Чурчилу изъ избы.

Названные братья обнялись.

XXX.

Свадьба среди боя.

Наступилъ вечеръ 14-го января 1478 года.

На вѣчѣ было рѣшено на другой день сдать городъ Іоанну, если въ эту ночь не прекратятся съ его стороны непріязненныя дѣйствія.

Темная ночь спустилась надъ Новгородомъ. Московскіе огнеметы не умолкали и то и дѣло дѣлали бреши въ стѣнахъ. Бойницы, строившіяся подъ надзоромъ Аристотеля, росли съ каждымъ днемъ все выше и выше передъ новгородцами.

Городскія стѣны трещали и распадались.

Чурчила былъ печаленъ.

Узнавъ объ опредѣленіи народа сдать городъ, онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы защитить его: самъ наводилъ стволы огнеметовъ на москвитянъ, устраивалъ крѣпкія засѣки или рогатки, ободрялъ своихъ, но тщетно...

Главная, противоположная бойницамъ, москвитянъ, стѣна, на которую опирались всѣ надежды новгородцевъ, освѣтилась выстрѣломъ, и часть ея, окутанная сизою пеленою сгустившагося дыма, съ трескомъ взлетѣла на воздухъ.

Для приступа открылась широкая дорога. Какъ пораженный молніей, остановился Чурчила невдалекѣ отъ разрушенной стѣны.

«Все-ли кончено теперь»?—мысленно спросилъ онъ самого себя, очнувшись: — «Для Новгорода — все, но для меня еще только начинается».

Какъ-бы что вспомнивъ, онъ ударилъ себя по лбу и побѣжалъ по направленію ближайшей церкви, въ дверяхъ которой и скрылся.

Къ утру 15-го января все готовилось къ встрѣчѣ Іоанна. Весь Новгородъ былъ въ движеніи.

Въ это самое время Чурчила вихремъ летѣлъ къ свѣтлицѣ Настасьи Ѳоминичны, расталкивая всѣхъ, попадавшихся ему навстрѣчу челядинцевъ.

Посадникъ Ѳома отправился прощаться съ вѣчемъ. Лукерья Савишна молилась въ своей образной, вездѣ въ домѣ было пусто и тихо. Дѣвушка была одна.

— Милая, безцѣнная! Все готово, свѣчи горятъ, какъ наши сердца, передъ, иконами, налой освѣшенъ, ѣдемъ, ѣдемъ... Вѣнцы блистаютъ!.. Тамъ, на чужбинѣ, совьемъ мы себѣ гнѣздышко!.. Здѣсь, въ Новгородѣ, нѣтъ намъ родины, нѣтъ тебѣ весны, моей ласточкѣ милой, нѣжной...

Съ этими словами онъ взялъ ее въ охапку и понесъ къ выходу...

Лукерья Савишна выбѣжала изъ своей горницы и, понявъ въ чемъ дѣло, поспѣшила за ними.

— Что вы, дѣти, что вы затѣяли? Да слыхано-ли, да видано-ли вѣнчаться такъ, не сказали мнѣ ни слова и помчались. Что-то добрые люди скажутъ, что единственное дѣ-

тище степеннаго посадника Ѳомы Ивановича, Настасья Ѳоминишна, поскакала вѣнчаться съ молодцемъ въ однихъ саняхъ, въ одну шубу закутавшись!..

Молодые люди не слыхали ее. Они уже катили въ пошевняхъ далеко отъ воротъ родительскаго дома.

Оружіе москвитянъ гремѣло почти около той церкви, въ которой вѣнчали Чурчилу съ Настасьей, но они не дрожали отъ этихъ воинственныхъ звуковъ, а рука объ руку, въ золотыхъ вѣнцахъ, обошли троекратно налой, и священникъ благословилъ молодыхъ супруговъ. Съ чувствомъ неизъяснимаго благоговѣнія, съ нѣмымъ восторгомъ, наполнявшимъ ихъ души, упали они на колѣни и долго молились. Вдругъ Чурчила въ ужасѣ вскочилъ. Раздался звонъ мѣрный, унылый. Точно хоронили кого-то... И, дѣйствительно, хоронили... Это были похороны Новгорода, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ радостный звонъ, благовѣстъ русскаго самодержавія...

Чурчила крѣпко обнялъ жену свою и воскликнулъ голосомъ полнымъ отчаянія:

— Радость, тоска, солнце, молнія, цвѣты, ядъ—все это вмѣстѣ. Отецъ святый!—продолжалъ онъ со слезами въ голосѣ, обращаясь къ священнику:—Вотъ тебѣ все мое сокровище.

Онъ опустилъ на руки старца безчувственную Настасью.

— Сохрани ее до меня только. Я вырвалъ ее изъ когтей судьбы для себя. Съ самой

судьбой ратовалъ я и хотѣлъ хоть передъ концемъ жизни назвать ее моею. Она моя теперь! Кто говоритъ, что нѣтъ?.. Я сейчасъ бѣгу къ Іоанну.. Если возвращусь съ добрыми вѣстями — поставлю съ себя ростомъ свѣчку угоднику Божію Николѣ, а если нѣтъ— недамся въ руки живой, да и Настасью живую не отдамъ. Если-же совсѣмъ не возвращусь, то отслужи по мнѣ панихиду вслѣдъ за благодарственнымъ послѣбрачнымъ молебномъ.

Чурчила дико захохоталъ и стремглавъ выбѣжалъ изъ церкви.

Москвитяне, тщетно ожидавшіе покорности новгородской, сомкнулись и пошли на приступъ, но въ это время городскіе ворота растворились настежъ и въ нихъ показалась процессія: архіепископъ Ѳеофилъ съ обнаженною головою и съ животворящимъ крестомъ въ рукахъ шелъ впереди тихимъ ровнымъ шагомъ, за нимъ прочее знатное духовенство со святыми иконами и колыхающимися хоругвями. За духовенствомъ шли именитые граждане и воины. Простого народа, впрочемъ, было не много—онъ отъ страха передъ вступающими въ городъ врагами попрятался. Несмотря на движеніе процессіи, тишина была невозмутимая.

Лицо побѣдителя-Іоанна было радостно.. его окружали довольныя лица московскихъ бояръ. Новгородцы, не ожидавшіе себѣ прощенія, приняты имъ были милостиво.

Не успѣлъ онъ отвѣтить на слова Ѳеофила о подчиненіи подъ державную руку

Великаго Новгорода, какъ полы палатки распахнулись, въ нее вбѣжалъ молодой красивый юноша и бросился къ ногамъ Іоанна.

— Надежа-государь! — сказалъ онъ: — Ты доискивался головы моей, снеси ее съ плечъ,—вотъ она. Я—Чурчяла, тотъ самый, что надоѣдалъ тебѣ, а болѣе воинамъ твоимъ. Но знай, государь, мои удальцы уже готовы сдѣлать мнѣ такія поминки, что останутся онѣ на вѣчную память сынамъ Новгорода. Вѣсть о смерти моей, какъ огонь, по пятамъ доберется до нихъ, и вспыхнетъ весь городъ до неба, а свой теремъ я уже запалилъ самъ со всѣхъ четырехъ угловъ. Суди-же меня за все, а если простишь,—я слуга тебѣ вѣрный до смерти!

Молча выслушалъ его великій князь.

— Не посмотрѣлъ-бы я ни на что,—отвѣчалъ ему Іоаннъ,—самъ-бы сжегъ вашъ городъ и закалилъ-бы въ немъ праведный гнѣвъ мой смертью непокорныхъ, а послѣ залилъ-бы пепелъ ихъ кровью, но я не хочу ознаменовать начало владѣнія моего надъ вами наказаніемъ. Встань, храбрый юноша. Если ты также смѣло будешь защищать нынѣшняго государя своего, какъ разбойничалъ по окрестностямъ и заслонялъ мечемъ свою отчизну, то я добрую стѣну найду въ плечахъ твоихъ. Встань, я всѣхъ васъ прощаю!

Счастливый вполнѣ Чурчила очутился послѣ того въ объятіяхъ отца, съ которымъ тотчасъ-же и помчался за молодою женою.

Ѳеофилъ отъ лица новгородцевъ началъ

просить великаго князя, чтобы онъ соблаговолилъ изустно и громко объявить имъ свое милосердіе.

Іоаннъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ:

— Прощаю и буду отъ нынѣ жаловать тебя, своего богомольца и нашу отчину,— Великій Новгородъ.

15-го января рушилось древнее вѣче. Знатные новгородцы цѣловали крестъ Іоанну въ домѣ архіерейскомъ и приводили народъ къ присягѣ на вѣчное вѣрное подданство великому князю московскому.

XXXI.

Арестъ вѣчевого колокола и Мареы Посадницы.

Черезъ нѣсколько дней множество московскихъ полковъ въ полномъ вооруженіи вступили одинъ за другимъ въ Новгородъ и окружили вѣче.

Толпы народа появились около дворища Ярославлева и съ удивленіемъ наблюдали за таинственными дѣйствіями москвитянъ.

Ворота дворища скоро растворились настежъ и въ нихъ показались пошевни съ какою-то высокою поклажею, тщательно отъ взоровъ любопытныхъ покрытою рогожами.

Пошевни везло 12 лошадей. Ихъ окружали со всѣхъ сторонъ московскіе воины съ обнаженными мечами.

Процессія ѣхала тихо, молчаливо, какъ-бы эскортируя важнаго преступника.

Но народъ догадался, что было скрыто подъ рогожею.

— Батюшка ты нашъ!—послышались возгласы толпы:—Не стало тебя, судіи, голоса, вождя души нашей! Хоть-бы дали проститься, наглядѣться на тебя напослѣдокъ, послушать хоть еще разочекъ голоса твоего громкаго, заливчатаго, что мирилъ, судилъ насъ, вливалъ мужество въ сердца и славилъ Новгородъ великимъ, сильнымъ, могучимъ во всѣ концы земли русской и иноземной. Еще хоть-бы разочекъ затрепетало сердце, слушая тебя, и замерло, онѣмѣло, какъ и ты теперь.

Многіе плакали навзрыдъ.

Вывезя вѣчевой колоколъ за городскія ворота, одинъ отрядъ воиновъ, сопровождавшихъ его, отдѣлился отъ прочихъ и снова поскакалъ въ городъ.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ, онъ остановился у чудного дома Марѳы Борецкой, у воротъ котораго уже стояла московская стража.

Спѣшившись, воины вошли въ огромный дворъ и нашли его совершенно пустымъ.

Пройдя дворъ и нѣсколько запустѣлыхъ свѣтлицъ, достигли они, наконецъ, наглухо запертой двери.

На стукъ ихъ не получилось никакого отклика.

Дружно приложились они богатырскими плечами. Дверь дрогнула и слетѣла съ петель.

Что-то тяжелое, грузное упало на полъ.

Это былъ трупъ повѣсившагося на крючкѣ, вбитомъ въ притолку двери. Воины узнали нъ немъ пана Зверженовскаго.

Тѣло еще не совсѣмъ остыло.

Что побудило хитраго ляха на самоубійство, какая драма произошла передъ этимъ въ домѣ Борецкой—осталось тайной.

Воины, оттолкнувъ ногою трупъ, пошли далѣе на слабый свѣтъ, лившійся изъ боковой темной гридницы.

Въ ней нашли они Марѳу.

Она стояла задомъ къ нимъ, на колѣняхъ передъ образомъ, покрытая чернымъ покрываломъ.

Трудно было опредѣлить, молилась-ли она, раскаиваясь, или-же призывала громъ небесный на свою грѣшную голову—просила смерти?

Лампада колеблющимся свѣтомъ озаряла золотые оклады иконъ и блѣдное лицо молящейся женщины.

Воиновъ не смутила эта молитва.

— А, голубушка! полно проводить Бога какъ людей обводила бѣсовскимъ языкомъ своимъ.

Безъ слова, безъ малѣйшаго сопротивленія, отдалась она въ ихъ руки, только глаза ея дико сверкали изъ-подъ нависшихъ бровей.

Подъ тяжестью упавшихъ на нее невзгодъ, она лишилась разсудка.

17-го февраля, великій князь съ своею побѣдоносною ратью, вѣчевымъ колоколомъ и плѣнною Марѳою отправился обратно въ Москву.

Путь великаго князя былъ веселъ и все ликовало съ нимъ: Великій Новгородъ склонилъ свою гордую, увѣнчанную славой главу подъ ярмо новорожденной Москвы, подъ мощную десницу Великаго Іоанна.

Раннимъ утромъ того-же 17-го февраля 1478 года, въ монастырѣ Соловецкомъ, недалеко отъ церкви, стоялъ у могильнаго холма колѣнопреклоненный юноша, въ одеждѣ чернеца и усердно молился.

Клобукъ его лежалъ на снѣгу, а свѣтлокаштановые волосы, вьющіеся кольцами, разсыпались шелковымъ пухомъ по широкимъ плечамъ. Глаза его, устремленные къ небу, были свѣтлы, какъ бы озаренные искрой Божества, а лицо покрыто могильной блѣдностью.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него бесѣдовали два старца, вышедшіе по окончаніи утрени подышать чистымъ воздухомъ зимняго утра.

— Какое же сновидѣніе привидѣлось тебѣ нынѣшнюю ночь, отче Аврааме? - спросилъ одинъ другаго.

— Страшно, тяжко вымолвить его грѣшными устами!—отвѣчалъ отецъ Аврааме.— Не мнѣ бы подобало передавать его тебѣ! Я видѣлъ, будто бы пророчество настоятеля нашего, отца Зосимы, сбылось...

— Какъ такъ?..

— Да будто бы серпъ небесный, висѣвшій надъ Новгородомъ, разросся въ огненную тучу и какъ крыломъ обвилъ пламенемъ весь

городъ. Господи, какимъ заревомъ загорѣлась вся твердь небесная... Я какъ теперь вижу его...

— Чудно!.. Прости, Боже, беззаконіе кающихся и помилуй ихъ. Я самъ въ недавнемъ времени видѣлъ!..

— Святые отцы, благословите пришествіе въ мирную обитель вашу безпріютнаго странника!—прервалъ говорившаго старца раздавшійся за ними голосъ.

Они оглянулись и увидѣли передъ собою скромно одѣтаго мужчину, съ дорожнымъ посохомъ въ рукахъ...

— Да будетъ благословенъ приходъ твой въ тихую, безмятежную пустыню нашу, и да обрѣтетъ душа твоя пристань вѣчную въ нѣдрахъ святыни и созерцаніи твореній Зиждителя. Да пріобрѣтетъ она себѣ житіемъ праведнымъ богатство духовное—успокоеніе, какое вкушаетъ этотъ юноша,—проговорилъ отецъ Авраамій, благословляя пришельца и указывая ему на молящагося:—Но кто ты самъ?—спросилъ онъ: — Почему покидаешь свѣтъ? Смотри, чтобы раскаяніе не закралось когда нибудь въ душу твою и не разрушило бы въ одинъ мигъ труды долгаго времени? Гдѣ молитва изливаетъ тепло свое въ душу, тамъ недалеко и ковы лукаваго.

— Я бывшій гражданинъ падшаго Новгорода Великаго, а называюсь Назаріемъ,—отвѣчалъ пришедшій. Мое намѣреніе твердо и непоколебимо, какъ скалы, на которыхъ построена ваша обитель.

— Какъ, палъ Великій Новгородъ? Боже праведный, чудны дѣла твои!—воскликнули оба чернеца и, скинувъ клобуки свои, благоговѣйно перекрестились!

Назарій разсказалъ имъ, какъ это случилось.

— Кто-же этотъ молящійся юноша?—спросилъ онъ окончивъ разсказъ.

— Это тоже землякъ твой. Онъ, послѣ искуса нашего, удостоился постриженія и названъ братомъ Геннадіемъ.

— А прежде какъ звали его?

Голосъ Назарія дрожалъ.

— Григоріемъ...

— Довольно, это онъ... Я узналъ его,—воскликнулъ Назарій и бросился къ Геннадію.

Тотъ, уже привлеченный разсказомъ о Новгородѣ, стоялъ недалеко отъ него и раскрылъ ему свои объятія:

— Будь мнѣ новымъ братомъ; отчизны я давно лишился, а свѣтъ покинулъ самъ. быть счастливымъ нельзя въ жизни здѣшняго міра, я самъ убѣдился въ этомъ. Забудь всю непріязнь людскую. Человѣкъ долженъ примириться съ людьми: Храмъ святой—вотъ колыбель, въ которой убаюкивается душа его. Я любилъ жизнь, свѣтъ, любилъ...

Блѣдныя щеки юноши покрылись легкимъ румянцемъ.

— Но все это остудилъ въ могильной тѣши... — договорилъ онъ спокойно, но слеза, какъ дань прошлому, скатилась по его четки.

— Да развѣ ты прежде смерти умеръ для жизни, для всего?—спросилъ его Назарій.

— Для всего, совершенно для всего! И мои руки крѣпко держали мечъ, а сердце кипѣло львиной отвагой,—съ жаромъ заговорилъ онъ.—Но теперь хладъ моей жизни согрѣвается небеснымъ огнемъ. Я вымолвилъ себѣ награду: она уже явилась ко мнѣ и звала меня къ себѣ. Награда моя близка. О, будь и ты счастливъ, молись о сладкомъ утѣшеніи, которое я уже чувствую въ себѣ, молись о немъ одномъ.

Онъ крѣпко сжималъ руку Назарія.

— Гдѣ-же обрѣту я это утѣшеніе? Дай услыхать мнѣ его?—спросилъ Назарій.

Геннадій молча указалъ ему на слова, высѣченныя на могильной плитѣ, лежавшей надъ холмомъ, у котораго онъ молился.

Назарій наклонился и прочелъ:

«Пріидите ко Мнѣ вси обремененніи и труждающіеся и Азъ упокою васъ.

XXXII.

Послѣсловіе.

Наше незатѣйливое правдивое повѣствованіе окончено.

Бросимъ-же общій взглядъ на дальнѣйшія судьбы Россіи подъ скипетромъ Іоанна III, справедливо прозваннаго современниками

«Великимъ», а нашимъ извѣстнымъ исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ — «первымъ русскимъ самодержцемъ».

Новгородъ палъ. За нимъ послѣдовали остатки и другихъ удѣловъ, присоединенныхъ къ Москвѣ.

До Іоанна III Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга европейской политики, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ.

Хотя ничто не дѣлается вдругъ, хотя достохвальныя усилія московскихъ князей отъ Калиты до Василія Темнаго приготовили многое для единовластія и русскаго внутренняго могущества, но Россія только при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ мрака къ свѣту, изъ мрака, среди котораго не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго государственнаго бытія. Полезная для отечества хитрость Калиты была хитростью ханскаго слуги. Великодушный Дмитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ Москвы и раболѣпствовалъ Тохматышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ цѣлость Москвы, но уступилъ Смоленскъ и другія русскія области Витовту и еще искалъ милости у хановъ, а внукъ не могъ противиться горсти татарскихъ хищниковъ и испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостью, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ, наконецъ, внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ удѣловъ подвергнулъ великое княжествоновымъ опасностямъ междоусобій.

Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни заслоняли міръ отъ Россіи и были ея единственнымъ политическимъ горизонтомъ. Россія была слаба, такъ какъ не вѣдала силъ, въ ней сокровенныхъ.

Іоаннъ III, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобно нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ европейскихъ государей и былъ почитаемъ и ласкаемъ отъ Рима до Царьграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ.

Безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, онъ держался мудрыхъ правилъ во внѣшней и внутренней политикѣ, силою и храбростью возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя московскія владѣнія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи *).

Бракомъ съ Софьею Палеологъ обративъ на себя вниманіе державъ, разодравъ завѣсу между Европою и Россіею, обозрѣвая съ любопытствомъ престолы и царства, не хотѣлъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, заключалъ союзы лишь полезные для отечества, искалъ орудія для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ.

Послѣдствіемъ было то, что Россія, какъ

*) Н. М. Карамзинъ „Ист. госуд. Рос.", т. VI.

независимая держава, величественно возвысила свою главу на границахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь внѣшнихъ враговъ.

Совершая это великое дѣло, Іааннъ преимущественно занимался устроеніемъ войска, хотя самъ не имѣлъ воинскаго духа.

— Сватъ мой,—говорилъ про него Стефанъ Молдавскій, — странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ спокойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю защищать земли своей...

Іоаннъ родился не воиномъ, а монархомъ: сидѣлъ на тронѣ лучше, чѣмъ на конѣ, и владѣлъ скипетромъ искуснѣе, нежели мечемъ.

Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ увлечься и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолюбія, легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ, а это лучшее качество въ вѣнценосцѣ *).

Внутри государства онъ не только учредилъ единовластіе, оставивъ до времени права владѣтельныхъ князей однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставлялъ благоговѣть передъ собой вельможъ и народъ, восхищая милостью, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ

*) Н. М. Карамзинъ. Ист. госуд. Рос. т. VI.

частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца.

Предсѣдательствуя на церковныхъ соборахъ, онъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ пословъ, онъ любилъ пышную торжественность, установилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ особой милости, стремился всѣми наружными способами возвыситься передъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на ихъ воображеніе, — однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлалея какъ бы земнымъ богомъ для россіянъ, которые съ того времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностью монаршей волѣ.

Нѣмецкіе и шведскіе историки шестнадцатаго вѣка единогласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе, замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ I. Оба, безъ сомнѣнія, велики, но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусство образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніе новыхъ обычаевъ, не видимъ также, чтобы онъ пекся о просвѣшеніи умовъ науками. Призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, онъ хотѣлъ единственно великолѣпія и другимъ иностранцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но только такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ торговыхъ или посольскихъ — любилъ изъявлять имъ

только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Но въ исторіи княженія Іоанна III, и въ исторіи Петра, замѣчаетъ Н. М. Карамзинъ, должно изслѣдовать вопросъ, кто изъ этихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе и согласнѣе съ истинной пользой отечества.

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народовъ.

Онъ герой не только русской, но и всемірной исторіи.

Онъ явился на политическомъ театрѣ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ государей возникла въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы феодальной или помѣстной.

Іоаннъ разрушилъ у насъ систему удѣльную.

Тяжелый трудъ государя сравнительно рано сломилъ его духовныя и физическія силы.

Подобно своему великому дѣду, герою Донскому, онъ хотѣлъ умереть государемъ, а не инокомъ.

Склоняясь отъ престола къ могилѣ, онъ давалъ еще повелѣнія для блага Россіи и тихо скончался 27-го октября 1505 года, въ первомъ часу ночи, имѣя отъ роду 66 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и провластвовавъ 43 года 7 мѣсяцевъ.

Тѣло его погребли въ новой церкви Архистратига Михаила.

Лѣтописцы не говорятъ о скорби и слезахъ народа — славятъ единственно дѣла умершаго, благодаря небо за такого самодержца!

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Господинъ или Государь?

Гл.		Стр.
I.	Въ Новгородѣ	3
II.	Въ теремѣ Марѳы	10
III.	Клятва	20
IV.	Среди спасителей отечества	26
V.	Новгородская бывальщина	30
VI.	Чурчило	36
VII.	Вѣче	40
VIII	Бунтъ	45
IX.	Въ кельѣ Ѳеофила	51
X.	Отвѣтъ великому князю	56
XI.	На берегу Волхова	60
XII.	Въ домѣ Ѳомы	69
XIII.	Въ Чортовымъ ущельи	78
XIV.	Теремъ подъ Москвою	82
XV.	Поздніе гости	88
XVI.	Исторія терема	94
XVII.	Разсказъ Савелія	100
XVIII.	Разсказъ Агафьи	106
XIX.	На пути къ Москвѣ	112
XX.	Москва въ 1477 году	119
XXI.	Въ Кремлѣ	125
XXII.	Царь	130

Стр.
XXIII. Начало новгородской смуты 136
XXIV. Польская интрига 141
XXV. Война 145
XXVI. Въ домѣ князя Стрига-Оболенскаго. . 150
XXVII. Въ палатахъ великокняжескихъ . . . 155
XXVIII. Предъ лицомъ великаго князя 162

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Подъ власть Москвы.

I. На берегу Наровы 171
II. Плѣнникъ 177
III. Павелъ-колдунъ 181
IV. Бѣгство 188
V Замокъ Гельмстъ 192
VI. Вѣсть о русскихъ 199
VII. Два соперника 207
VIII. Гритлихъ 215
IX. Свиданье 224
X. Въ московской думской палатѣ . . . 232
XI. Увѣщательная грамота 238
XII. Подъ стягъ московскаго князя . . . 245
XIII. Выступленіе и походъ 249
XIV. Новгородскіе перебѣжчики 256
XV. Новгородское посольство 262
XVI. Передъ осадой 267
XVII. Воронъ ворону глазъ не выклюетъ . 274
XVIII. Спасеніе Гритлиха 281
XIX. Среди земляковъ 288
XX. Ряженные въ замкѣ 294
XXI. За славу, за Эмму! 301
XXII. Въ подземельи 306
XXIII. Пожаръ 134
XXIV. Гибель Эммы 320
XXV. Подъ Новгородомъ 327

XXVI. Единоборство сына съ отцомъ 332
XXVII. Прерванное обрученіе 340
XXVIII. Признаніе посольства Назарія . . . 346
XXXI. Гаданье 353
XXX. Свадьба среди боя 360
XXXI. Арестъ вѣчеваго колокола и Мароы Посадницы 365
XXXII. Послѣсловіе 369